

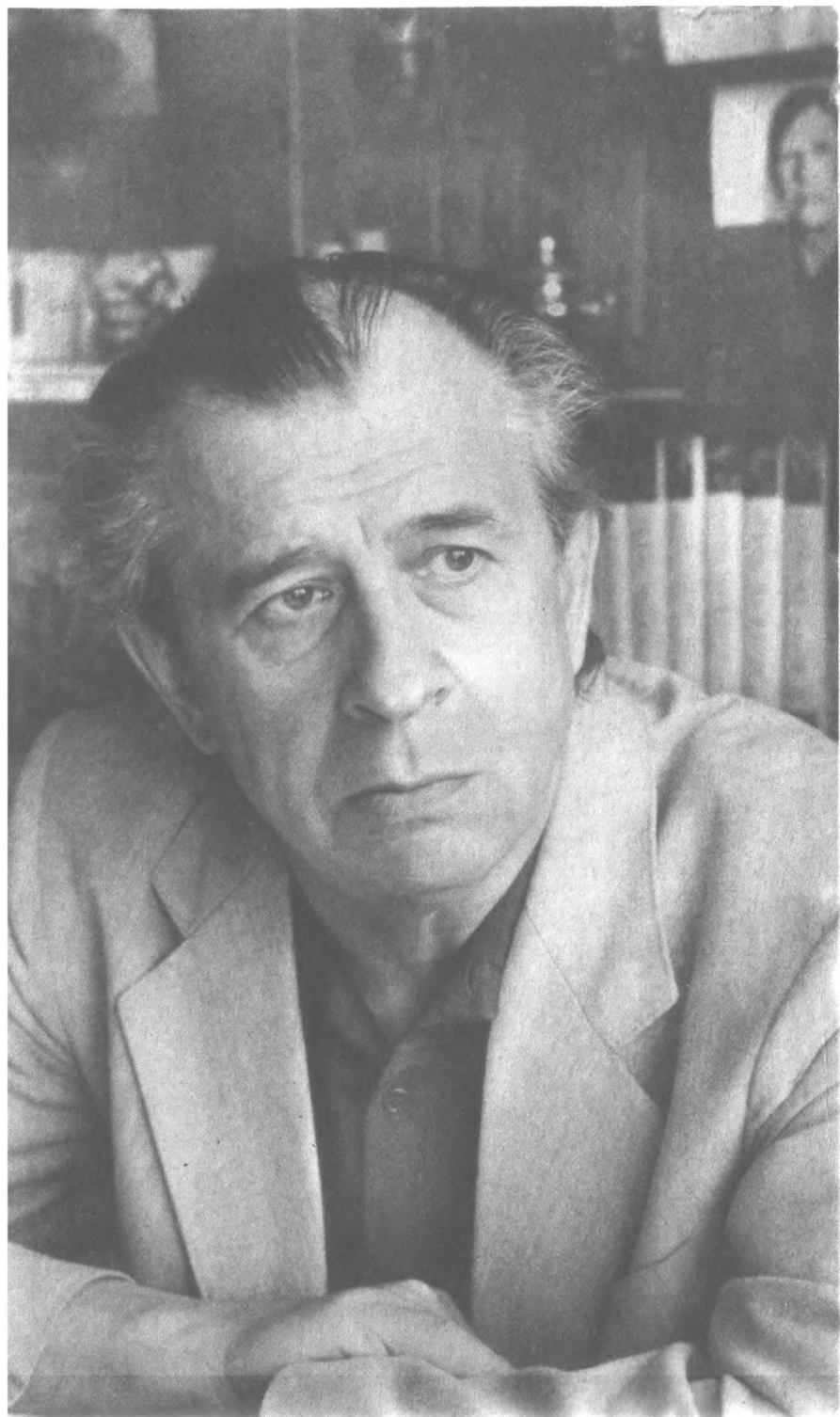
СТИХИ

анатолий

Ж

игулин

летящие дни

анатолий жигулин

летающие дни

СТИХИ

**МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1989**

ББК 84 Р 7
Ж 00

Художник
Владимир Медведев

4702010202—274
Ж $\frac{\quad}{083(02)—89}$ 195—89

ISBN 5—265—00696—6

© Издательство «Советский писатель»,

Посвящается
Ирине Викторовне Жигулиной

ОБ АВТОРЕ И ЕГО СТИХАХ

Известный советский поэт Анатолий Жигулин родился 1 января 1930 года в Воронеже, но раннее его детство прошло в селе Подгорном на юге Воронежской области, где его отец, Владимир Федорович Жигулин, работал начальником почты.

В 1937 году семья переехала на родину матери, Евгении Митрофановны Раевской — правнучки поэта-декабриста Владимира Федосеевича Раевского,— в город Воронеж.

В 1949 году стихи школьника, а затем студента Воронежского лесохозяйственного института Анатолия Жигулина появились в воронежской периодике (газета «Коммуна», альманах «Литературный Воронеж»).

В том же году молодой поэт был незаконно репрессирован по ложному обвинению как «враг народа». В заключении работал на строительстве и ремонте железной дороги Тайшет — Братск, затем на лесоповале в районе станции Чуна Иркутской области, далее на Колыме — шахтером (на рудниках в Бутугычаге и пос. им. Белова).

Полностью реабилитирован в 1956 году. Окончил Воронежский лесотехнический институт (1960), Высшие литературные курсы СП СССР (1965). Первая книжка «Огни моего города» вышла в Воронеже в 1959 году.

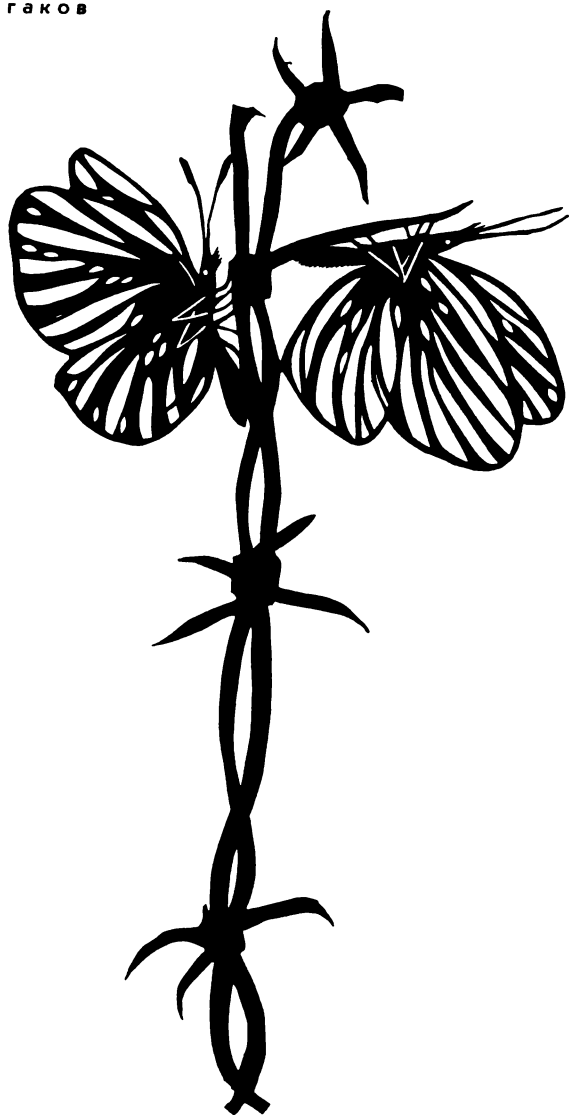
Сейчас Анатолий Жигулин автор более двадцати книг стихов. Член КПСС с 1963 года, Союза писателей СССР — с 1962 года. С 1963 года живет в Москве. В последние 10 лет ведет поэтический семинар в Литературном институте им. А. М. Горького.

В большую литературу Анатолий Жигулин вошел в начале 60-х годов как поэт «трудной темы». В начале 70-х годов критики дружно причислили его к так называемой «тихой лирике», хотя свою «сибирско-колымскую одиссею» поэт никогда не забывал и всегда обращался к ней даже в своих поздних стихах.

Критика писала, что Анатолию Жигулину вообще досталась нестандартная судьба и нестандартная стезя в поэзии. Драматизм личной судьбы помог ему выразить сложность времени.

Рукописи не горят.

М. Булгаков

сгоревшая тетрадь

НЕ НАДО БОЯТЬСЯ ПАМЯТИ

Снег над соснами кру́жится, кру́жится.
Конвоиры кричат в лесу...
Но стихи мои не об ужасах.
Не рассчитаны на слезу.

И не призраки черных вышек
У моих воспаленных глаз.
Нашу быль все равно опишут,
И опишут не хуже нас.

Я на трудных дорогах века,
Где от стужи стыли сердца,
Разглядеть хочу человека —
Современника
И борца.

И не надо бояться памяти
Тех не очень далеких лет,
Где затерян по снежной замети
Нашей юности горький след.

Там, в тайге,
Вдали от селения,
Если боль от обид остра,
Рисовали мы профиль Ленина
На остывшей золе костра.

Там особою мерой мерили
Радость встреч и печаль разлук.
Там еще сильнее мы поверили
В силу наших рабочих рук.

Согревая свой хлеб ладонями,
Забывая тоску в труде,
Там впервые мы твердо поняли,
Что друзей узнают
В беде.

Как же мне не писать об этом?!
Как же свой рассказ не начать?!
Нет! Не быть мне тогда поэтом,
Если я
Смогу
Промолчать!

1962—1963

МОСКВА

Я в первый раз в Москву приехал
Тринадцать лет тому назад.
Мне в память врезан
Скорбной вехой
Тюрьмы облупленный фасад.

Солдат конвойных злые лица.
Тупик, похожий на загон...
Меня в любимую столицу
Привез «столыпинский» вагон.

Гремели кованые двери,
И кто-то плакал в тишине...
Москва!..
«Москва слезам не верит» —
Пришли слова
На память мне.

Шел трудный год пятидесятый.
Я ел соленую треску.
И сквозь железные квадраты
Смотрел впервые на Москву.

За прутьями теснились кровли,
Какой-то склад,
Какой-то мост.
И вдалеке — как капли крови —
Огни родных кремлевских звезд.

Хотелось плакать от обиды.
Хватала за душу тоска.
Но, как и в древности забытой,
Слезам не верила Москва...

Текла безмолвная беседа...
Решетки прут пристыл к руке.
И я не спал.
И до рассвета
Смотрел на звезды вдалеке.

И стала вдруг родней и ближе
Москва в предутреннем дыму...
А через день
С гудком охрипшим
Ушел состав — на Колыму...

Я все прошел.
Я гордо мерил
Дороги, беды и года.
Москва —
Она слезам не верит.
И я не плакал
Никогда.

Но помню я
Квартал притихший,
Москву в те горькие часы.
И на холодных, синих крышах
Скупые
Капельки
Росы...

1962—1963

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Начинаю поэму.
Я у правды в долгу.
Я решить эту тему
По частям не смогу.

Только в целом и полном
Это можно понять.
Только в целом — не больно
Эту правду принять.

Как случилось такое,
Понять не могу:
Я иду под конвоем,
Увязая в снегу.

Не в неволе немецкой,
Не по черной золе.
Я иду по советской,
По любимой земле.

Не эсэсовец лютей
Над моею бедой,
А знакомый как будто
Солдат молодой.

Весельчак с автоматом
В ушанке большой,
Он ругается матом
До чего ж хорошо!

— Эй, фашистские гады!
Ваш рот-перерот!
Вас давно бы всех надо
Отправить в расход!..

И гуляет по спинам
Тяжелый приклад...
А ведь он мой ровесник,
Этот юный солдат.

Уж не с ним ли я вместе
Над задачей сопел?
Уж не с ним ли я песни
О Сталине пел?

Про счастливое детство,
Про родного отца...
Где ж то страшное место,
Где начало конца?

Как расстались однажды
Мы с ним навсегда?
Почему я под стражей
На глухие года?..

Ой, не знаю, не знаю.
Сказать не могу.
Я угрюмо шагаю
В голубую тайгу...

1962

ОТЕЦ

В серый дом
Моего вызывали отца.
И гудели слова
Тяжелее свинца.

И давился от злости
Упрямый майор.
Было каждое слово
Не слово — топор.

— Враг народа твой сын!
Отрекись от него!
Мы расшлепаем скоро
Сынка твоего!..

Но поднялся со стула
Мой старый отец.
И в глазах его честных
Был тоже — свинец.

— Я не верю! — сказал он,
Листок отстраня.—
Если сын виноват —
Расстреляйте меня.

1962

СТИХИ

Когда мне было
Очень-очень трудно,
Стихи читал я
В карцере холодном.
И гневные, пылающие строки
Тюремный сотрясали потолок:

«Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..»

И в камеру врывался надзиратель
С испуганным дежурным офицером.
Они орали:
— Как ты смеешь, сволочь,
Читать
Антисоветские
Стихи!

1963

СНЫ

Семь лет назад я вышел из тюрьмы.
А мне побеги,
Всё побеги снятся...
Мне шорохи мерещатся из тьмы.
Вокруг сугробы синие искрятся.

Весь лагерь спит,
Уставший от забот,
В скупом тепле
Глухих барачных секций.
Но вот ударил с вышки пулемет.
Прожектор больно полоснул по сердцу.

Вот я по полю снежному бегу.
Я задыхаюсь.
Я промок от пота.
Я продираюсь с треском сквозь тайгу,
Проваливаюсь в жадное болото.

Овчарки лают где-то в двух шагах.
Я их клыки оскаленные вижу.
Я до ареста так любил собак.
И как теперь собак я ненавижу!..

Я посыпаю табаком следы.
Я по ручью иду,
Чтоб сбить погоню.
Она все ближе, ближе.
Сквозь кусты
Я различаю красные погоны..

Вот закружились снежные холмы...
Вот я упал.
И не могу подняться.
...Семь лет назад я вышел из тюрьмы.
А мне побеги,
Всё побеги снятся...

1962—1963

ЗАБЫТЫЙ СЛУЧАЙ

Забытый случай, дальний-дальний,
Мерцает в прошлом, как свеча...
В холодном БУРе на Центральном
Мы удавили стукача.

Нас было в камере двенадцать.
Он был тринадцатым, подлец.
По части всяких провокаций
Еще на воле был он спец.

Он нас закладывал с уменьем,
Он был «наседкой» среди нас.
Но вот пришел конец терпенью,
Пробил его последний час.

Его, притиснутого к нарам,
Хвостом начавшего крутить,
Любой из нас одним ударом
Досрочно мог освободить.

Но чтоб никто не смел сознаться,
Когда допрашивать начнут,
Его душили все двенадцать,
Тянули с двух сторон за жгут...

Нас кум допрашивал подробно,
Морил в кондее сколько мог,
Нас били бешено и злобно,
Но мы твердили:
«Сам подход...»

И хоть отметки роковые
На шее видел мал и стар,
Врач записал:
«Гипертония»,—
В его последний формуляр.

И на погосте, под забором,
Где не росла трава с тех пор,
Он был земельным прокурором
Навечно принят под надзор...

Промчались годы, словно выстрел...
И в память тех далеких дней
Двенадцатая часть убийства
Лежит на совести моей.

1964

ЭПОХА

Что говорить. Конечно, это плохо,
Что жить пришлось от жизни далеко.
А где-то рядом гулко шла эпоха.
Без нас ей было очень нелегко.

Одетые в казенные бушлаты,
Гадали мы за стенами тюрьмы:
Она ли перед нами виновата,
А может, больше виноваты мы?..

Но вот опять веселая столица
Горит над нами звездами огней.
И все, конечно, может повториться.
Но мы теперь во много раз умней.

Мне говорят:
«Поэт, поглубже мысли!
И тень,
И свет эпохи передай!»
И под своим расплывчатым «осмысли»
Упрямо понимают: «оправдай».

Я не могу оправдывать утраты,
И есть одна
Особенная боль:
Мы сами были в чем-то виноваты,
Мы сами где-то
Проиграли
Бой.

1963—1964

* * *

В округе бродит холод синий
И жметя к дымному костру.
И куст серебряной полыни
Дрожит в кювете на ветру.

В такие дни
В полях покатых
От влаги чернозем тяжел...
И видно дали,
Что когда-то
Путями горькими прошел.

А если вдруг махры закуришь,
Затеплишь робкий огонек,
То встанет рядом
Ванька Кураш,
Тщедушный «львівський» паренек.

Я презирал его, «бандеру».
Я был воспитан — будь здоров!
Ругал я крест его и веру,
Я с ним отменно был суров.

Он был оборван и простужен.
А впереди — нелегкий срок.
И так ему был, видно, нужен
Махорки жиденький глоток.

Но я не дал ему махорки,
Не дал жестоко, как врагу.
Его упрек безмолвно-горький
С тех пор забыть я не могу.

И только лишь опустишь веки —
И сразу видится вдали,
Как два солдата
С лесосеки
Его убитого несли.

Сосна тяжелая упала,
Хлестнула кроной по росе.
И Ваньки Кураша не стало,
Как будто не было совсем.

Жива ли мать его — не знаю...
Наверно, в час,
Когда роса,
Один лишь я и вспоминаю
Его усталые глаза...

А осень бродит в чистом поле.
Стерня упруга, как струна.
И жизнь очищена от боли.
И только
Памятью
Полна.

1964

КОЛЫМСКАЯ ПЕСНЯ

Я поеду один
К тем заснеженным скалам,
Где когда-то давно
Под конвоем ходил.
Я поеду один,
Чтоб ты снова меня не искала,
На реку Колыму
Я поеду один.

Я поеду туда
Не в тюремном вагоне
И не в трюме глухом,
Не в стальных кандалах,
Я туда полечу,
Словно лебедь в алмазной короне —
На сверкающем «Ту»
В золотых облаках.

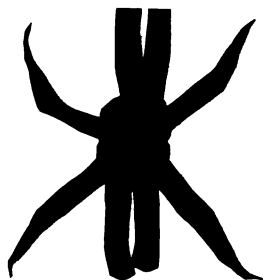
Четверть века прошло,
А природа все та же —
Полутемный распадок
За сопкой кривой.
Лишь чего-то слегка
Не хватает в знакомом пейзаже —
Это там, на горе,
Не стоит часовой.

Я увижу рудник
За истлевшим баракон,
Где привольно растет
Голубая лоза.
И душа, как тогда,
Переполнится болью и мраком,
И с небес упадет —
Как дождинка — слеза.

Я поеду туда
Не в тюремном вагоне

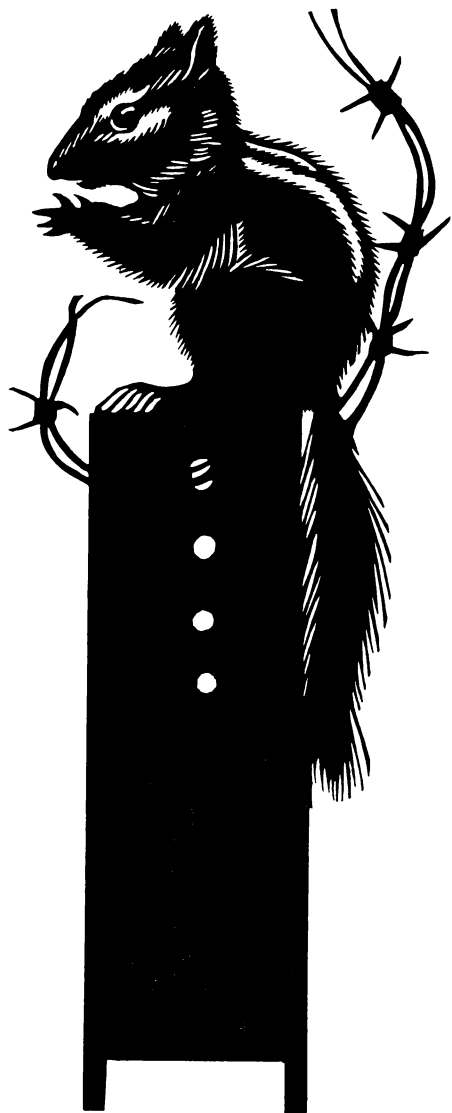
И не в трюме глухом,
Не в стальных кандалах.
Я туда полечу,
Словно лебедь в алмазной короне —
На сверкающем «Ту»
В золотых облаках...

1976

полярные цветы

РЕЛЬСЫ

Минус сорок
Показывал градусник Цельсия.
На откосах смолисто
Пылали костры.
Становились молочными
Черные рельсы,
Все в примерзших чешуйках
Сосновой коры.

Мы их брали на плечи —
Тяжелые, длинные —
И несли к полотну,
Где стучат молотки.
Солнце мерзло от стужи
Над нашими спинами,
Над седыми вершинами
Спящей тайги.

С каждым часом работы
Они тяжелели,
Синеватую сталь
В наши плечи вдавив.
И сочувственно хмурились
Темные ели,
Наше дружное «взяли!»
Сто раз повторив.

Нас по восемь на рельс.
А под вечер — по десять,
По четырнадцать
Ставил порой бригадир.
И казалось нам:
Будь рукавицы из жести,
Все равно бы за смену
Протерлись до дыр.

Вы когда-нибудь знали
Такую работу?
До соленого пота,
До боли в костях!
Вы лежнёвые трассы
Вели по болотам?
Вы хоть были когда-нибудь
В этих местах?

Приходилось ли бревна
Грузить с эстакады вам,
Засыпать на снегу,
Выбиваясь из сил?..
Я не циркулем тонким
Маршруты прокладывал,
Я таежную топь
Сапогами месил!

Не на ватмане строил я
Фермы бетонные.
Но своею работой
Горжусь я вдвойне:
Я пронес на плечах
Магистраль многотонную!
Вот на этих плечах.
Позавидуйте мне!

1959

ОБВАЛ

Обрушилась глыба гранита —
И хрустнула прочная каска.
Володька лежал в забое,
Задумчив и недвижим.
Лишь уцелевшая чудом
Лампа его не погасла
И освещала руки
С узлами набухших жил.

И освещала кровлю —
Нависшие черные своды.
Бежали на помощь люди
По штреку из темноты.
Искрился кристаллами кварца
Огромный кусок породы,
Перечеркнувший Вовкины
Радости и мечты...

Володька был славный малый,
Задиристый и упрямый.
Он даже в большие морозы
Ходил — нараспашку душа.
А из далекого Курска
Володьке прислала мама
Красивый, с оленями, свитер
И вязаный теплый шарф...

Мы вышли из клетки молча,
Словно бойцы на поверке,
Откатчики, машинисты,
Бурильщики, мастера.
И в свете полярного утра
Шахтерские лампы померкли.
Свистел обжигающий ветер
В обмерзших стропилах копра.

Я думал о том, что все мы —
Хорошие, сильные люди,
Что здесь мы еще построим
Прекрасные города.
Отыщем счастливые жилы
И золота горы добудем,
Но вот возвратить Володьку
Не сможем мы никогда...

Прощальным салютом взрывы
Гремели средь белых сопок.
Эхо несло, отдаваясь
В штольнях, карьерах, стволах,
И улетало в небо,
Где над копром высоким
Упрямо боролся с ветром
Маленький красный флаг.

1959

СОСНЫ НА СКАЛАХ

Я часто слушал утром росным,
Когда долины спят во мгле,
Как шумно с ветром спорят сосны
На голой каменной скале.

И непонятно, странно было:
Здесь даже травы не растут.
Откуда жизненные силы
Деревья гордые берут?

И не ботаник в мудрых строчках —
Пастух,
Что здесь с рожденья рос,
Помог найти мне самый точный,
Простой ответ на мой вопрос:

Они в гранит вросли корнями,
И зной и холод с ним деля.
Суровый, твердый этот камень
Для них —
Родимая земля.

1959

* * *

Тайга за рекой пылала,
От сопок тянуло гарью.
Большущее медное солнце
Жевало последний снег.
И только сугробы палаток
В медвежьей глуши Заангарья
Никак не хотели таять
Назло запоздалой весне.

Хрипели сырые ветры.
Нам было плевать на погоду.
Мы строили новый город
В краю, где безмолвие спит.
Мы писем из дома порою
Не получали по году
И, чтобы согреться, глотали
Крутой, обжигающий спирт.

Хрипели сырые ветры...
Я там простудился немного.
И то, что случилось позже,
Обидно и глупо до слез.
В зловещей тиши кабинета
Сказал рентгенолог строго:
— Да, это очень серьезно.
Запущенный туберкулез.

И вот за окном больницы —
Город, расплывчатый, мгlistый.
Он тих и почти безлюден
В ранний рассветный час.
Ветер асфальт захаркал
Кровью осенних листьев.
Не потому ль так горько,
Так тяжело сейчас?

Из глаз твоих, полных грусти,
Слезы готовы брызнуть.
У моего изголовья
Сидишь ты, платок теребя...
А мы ведь решили рядом,
Вместе шагать по жизни.
Так что же теперь сказать мне,
Как успокоить тебя?

Алый язык рассвета
Иней на крышах лижет.
Становится белое небо
Все голубей, голубей...
В жестокой борьбе со смертью
Любовь мне поможет выжить!
Но эта любовь, родная,
Не только любовь к тебе.

Любовь ко всему, чем дышит
Нелегкая наша эпоха,
К колючему, злomu ветру,
Что в соснах гудит поутру.
Такая любовь, конечно,
Сильнее палочек Коха!
И будет просто нечестно,
Если я вдруг умру.

1958

ПРЕДОК

Дабы пресечь татарских орд свирепость,
Святую Русь от нехристей сберечь,
Царь повелел
Рубить на взгорье крепость
И оную Воронежем наречь.

Пригнали с войском
Крепостных людишек.
Был воевода царский лют и строг.
Он указал
Дубы валить повыше
И ладить перво-наперво острог.

Запахло дымом у песчаной кручи.
Был край неведом и зело суров.
Сушили люди мокрые онучи
И что-то грустно пели у костров.

И среди них,
Неволею ссутулен,
Тяжелой цепью скованный навек,
Был беглый крепостной
Иван Жигуля —
Упрямый, непокорный человек.

Он жег хоромы,
Слуг царевых резал,
Озоровал с людишками в ночи.
За то на дыбе жгли его железом
И батожем стегали палачи...

Он рвы копал
И частоколы ставил.
А коль вдали набат звучал как стон,
Он шел на смерть,
На звон татарских сабель,
Грудь осеня размашисто крестом!..

Неведомо,
Где голову сложил он —
На плахе ль,
В битве ль за немилый кров...
Но слышу я:
В моих упругих жилах
Стучит его
Бунтующая
Кровь!

1959

НА ОСТРОЖНОМ БУГРЕ

Здесь нет теперь и знака никакого,
А был острог на этом месте встарь...
Быть может, в нем сидел, цепями скован,
Мой дальний предок,
Крепостной бунтарь.

Я представляю явственно и четко
Темницу в башне,
Где томился он.
Его глазами сквозь прутья решетки
Я вижу древний город,
Бастион...

Давно погасли огоньки посада,
Лишь у Ильницких кованых ворот
В глухой часовне светится лампада
Да стражник тихо ходит взад-вперед.

Шумит дубрава на бугре Острожном,
Тяжелыми ветвями шевеля.
Река фрегат качает осторожно,
Как будто сделан он из хрусталя.

Чернеет крепость на высокой круче.
И, осыпая волны серебром,
Летит луна в прозрачных редких тучах
Полупудовым пушечным ядром.

Она стремится заглянуть в бойницы...
Течет, струится синяя вода...
Как часовые у ворот темницы,
Без усталости сменяются года.

На мшистых стенах заблестели пушки.
Колокола к заутрене звонят.
У церкви — нищий.
Стертые полушки,
В худую шапку падая, звенят.

Дворы, перекликаясь петухами,
Ввинтили в небо тонкие дымки.
На верфи у Чижовки
Обухами
Стучат мастеровые мужики.

А над рекою с самого рассвета
Плывут удары, тяжести и глухи.
Не знают: бьют ли сваи
Или это
Мне слышатся Истории шаги?

1959

ЯКОРЬ

Бывало, в детстве, понаслышав много
О первом флоте, о царе Петре,
Мы шли к реке
Ватагой босоногой,
Забыв запреты строгих матерей.

И было нам заманчиво и любо,
Подставив спины солнечным лучам,
Копать песок у здания яхт-клуба,
Всю руку зарывая до плеча.

Мечтали мы найти старинный якорь
Или от влаги потемневший меч.
А у косы
Буксир натужно крякал,
Стараясь баржу за собой увлечь.

И облака над лугом гордо плыли.
А нам казалось —
Плыли корабли...
Песку тогда мы горы перерыли,
Но ничего, конечно, не нашли...

Не потому ли с той поры люблю я
Петровский сквер,
Старинных пушек вид...
Там древний якорь
Лапу вмял литуую
В зернистый желто-розовый гранит.

С весенними цветами по соседству,
Дрожащими на легком ветерке,
Он так похож
На светлый якорь детства,
Что дремлет где-то в золотом песке.

1958

СТРАНА ЛИМОНИЯ

За Магаданом, за Палаткой,
Где пахнет мохом и смолой,
В свинцовых сопках есть распадки,
Всегда наполненные мглой.

Бежит ручей по глыбам кварца,
Крутыми склонами зажат.
И корни пихт,
Как руки старцев,
Над хрусткой осыпью дрожат.

Сквозная даль чиста, промыта
Над лбами каменных высот.
Лишь горький запах аммонита
Вдруг издалёка донесет...

Немало руд, металлов редких
Хребты колымские хранят.
В далекой первой пятилетке
Открыли люди этот клад.

Чернели грязные разводы
Весенних тающих снегов.
Гудели зычно пароходы
У этих диких берегов.

Народ и хмурый и веселый
В ту пору приезжал сюда —
И по путевкам комсомола,
И по решениям суда.

Галдели чайки бестолково,
Ворочал льдины мутный вал.
И кто-то в шутку
Край суровый
Страной Лимонией назвал.

Сгущался мрак в таежной чаще,
Темнело небо за бугром.
Чумазый паренек, рассказчик,
Сушил портянку над костром:

«Страна Лимония — планета,
Где молоко как воду пьют,
Где ни тоски, ни грусти нету,
Где вечно пляшут и поют.

Там много птиц и фруктов разных.
В густых садах — прохлада, тень.
Там каждый день бывает праздник.
Получка — тоже каждый день!..»

1960

У КОСТРА

Мороз лютует три дня подряд.
На трассе колымской костры горят.
Шумно греется у огня
Чумазая шоферня...

О, Колыма!
Край жестоких вьюг.
Здесь легче шагать,
Если рядом друг.

Когда в непогоду не видно вех
И стынет заглохший мотор,
Здесь говорят:
«Костер — человек»,—
Если греет костер.

Здесь никогда не скажут: «Подлец».
Здесь скажут,
Как в сердце нож,
Слова беспощаднее, чем свинец:
«Лишних пять лет живешь!»

...Усталые люди на пламя глядят.
Могучие «татры» надрывно гудят.
Вцепились корнями в гранитный откос
Младшие сестры российских берез...

Владей моим сердцем,
Навеки владей,
Край жил золотых
И железных людей!

Сдирая с ушанки намерзший снег,
Смотрю сквозь пламя на гребни гор
И повторяю: «Костер — человек!
Жарче пылай, костер!»

1960

ТРЕСКА

Надоела она.
Надоела чертовски.
Даже повар вздыхал,
Как от горькой тоски,
Разбивая бочонков
Смоленные доски,
Прикасясь к просоленным
Спинам трески.

Мы ругались обидными,
Злыми словами,
Мы начальству
Упреки бросали в глаза.
А начальство в ответ
Разводило руками,
Говорило, что к стройке
Проехать нельзя.

Что машины везут
И консервы и фрукты,
Но дороги в пургу
Не легки, не близки,
Что на складе совсем
Не осталось продуктов,
Кроме этой питательной,
Вкусной трески.

Мы работу на выемке
Бросить могли бы.
Но, ломая
Кедрового стланца кусты,
Мы мочили в ручье
Эту жесткую рыбу,
Ржавым тросом проткнув
Золотые хвосты.

А она ни за что
Не хотела быть пресной,
Наша грубая пища,
Соленый наш хлеб.
Мы работали честно.
Угрюмо, но честно.
На работе на этой
Мужал я и креп.

Мы работали дружно,
До едкого пота.
И ребята острили:
— Кто воду не пьет,
Кто тресочку не ест,
Тот не может работать —
Богатырскую силу
Треска придает!..

А во время обеда,
Мусоля окурки,
Мы в костры подвигали
Пихтовую смоль.
И на наших промокших
Брезентовых куртках
Выступала
Густая
Хрустящая соль.

1960

КОСТЫЛИ

Сосны пылят ледяною крупкой,
Мерзлые шпалы к земле приросли.
Сталь от мороза становится хрупкой —
С хрустом ломаются костыли.

Когда с платформы их выгружали,
На солнце сверкали они, остры.
Чтоб не ломались, мы их нагревали —
Совковой лопатой бросали в костры.

Долго они на углях калились,
Огонь над ними плясал и пел.
Потом рукавицы от них дымились,
На черных гранях снежок шипел.

Выдохнув белое облачко пара,
Иван Дядюра, мой старший друг,
Вбивал костыли с одного удара.
Только тайга отзывалась: «У-ух!..»

Составы тяжелые с грохотом мчались,
Рельсы гнулись, шпалы качались,
Искры гасли в снежной пыли.
Но крепко держались и не сдавались
Сквозь пламя прошедшие костыли...

Если я от работы устану,
Если когда-нибудь хоть на миг
Верить в молодость перестану —
Напомните мне о друзьях моих.

Я вспомню, что где-то бушует пламя,
Брошу все, уеду в тайгу.

Крикну:

— Ребята! Я снова с вами.

Сердце мое разогрейте кострами —

Я еще многое сделать смогу!

1960

ПЕСНЯ

В шахтерском клубе было тесно.
И над рядами, в тишине,
Плыла,
Металась,
Билась песня,
Как чайка от волны к волне.

Был голос у певца простужен.
Струна оборвана была.
Но песня трогала за душу,
За сердце самое брала.

В той песне просто говорилось
О времени, уже былом,
Как люди первые явились
В тот край,
Где мы теперь живем.

Рубили лес,
Цингой болели,
Вели нелегкий счет годам
И очень трогательно пели
Про славный город Магадан.

Протяжным,
Стонущим мотивом
Хотела песня подчеркнуть,
Как пароход кричал с надрывом,
В тумане выбирая путь...

А в зале тихо-тихо было.
И кто-то шепотом сказал,
Что, может, сам
Борис Корнилов
Слова той песни написал.

Мы имя автора не знали,
Но молча думали о тех,
Что здесь впервые прошагали,
Вминая унты в мерзлый снег.

О тех,
Кто здесь палатки ставил
И на ветру жестоком хрип.
Кто эту песню нам оставил,
Кто здесь,
В тайге глухой,
Погиб.

1960

О ДРУЖБЕ

Б. Батуеву

Электровоз — это там, в квершлагае.
А здесь под блоком на дальней ветке,
Под каплями едкой холодной влаги
Надо вручную катать вагонетки.

Каждую смену вдвоем возили их
(Восьмичасовая смена, подземная).
Ноги —
Пара сапог резиновых.
Руки —
Две рукавицы брезентовые.

Везем в вагонетке полграмма золота,
Но это золото —
В тонне руды.
Руда в забое отпалом размолота
И смешана с брызгами кварца,
Воды.

Одна вагонетка — стало быть, тонна.
Катить ее надо вдоль узкого штрека.
Конечно, это поменьше вагона,
Но это немало на два человека.

И вот шагаем по черной жиже.
На касках —
Ламп красноватое тление.
Голову надо держать пониже,
Чтоб не удариться о крепление.

Всего труднее на поворотах.
Здесь нажимать посильнее надо,
Здесь вполсилы нельзя работать:
Застрянешь —
Не вытащит вся бригада...

Есть друг у меня,
Настоящий, хороший,
Жизнь за него отдам, не жалея.
В любой беде никогда не брошу.
И дружбы нет на земле сильнее.

Мы рядом с ним не стояли на вахте
И не ходили вдвоем в разведку.
Гораздо проще:
В обычной шахте
Мы вместе катали
Одну вагонетку.

1960

ШУТКА

Новичку говорят:

— Эй, малый!

Видишь, кровля грозит обвалом!

Поддержи — не сочти за труд,—

Пока крепильщики подойдут...

А потом — как отпала грохот —

Гулко ходит по штреку хохот.

Новичок худощав, курнос.

И обидно парню до слез.

Над его головой нависло

Горизонтов пять или шесть!

...Но частица здравого смысла

В этой шутке все-таки есть:

Ведь мальчишка,

Согнувшись под сводом,

Упираясь плечом в раскос,

Держит тысячи тонн породы

Деловито,

Честно,

Всерьез!

1960

НЕ СЕТУЙ, ДРУГ...

Поэту Н. Янушеву

Не сетуй, друг, что в жизни много
Волнений было и тревог.
Что шли мы трудною дорогой
И даже вовсе без дорог.

И не беда, что ночью вьюга
Сиреной нас звала во мглу.
Что часто для могилы друга
Мы рвали гулкую скалу.

Что не вместить анкетам строгим
В лицо хлеставшую пургу.
Что биографий наших строки
Легли как рельсы сквозь тайгу.

Не сетуй, друг, что не однажды
Ты был жестоко жизнью бит.
Что наши глотки, словно жажда,
Сушила ярость от обид.

Пусть нам завидуют счастливы,
Кто жил легко, писал легко.
Кто книги сочинял в столице,
Не уезжая далеко.

Идя вперед,
За счастье споря,
Мы были к трудностям глухи.
Всю нашу боль,
Все наше горе
Мы переплавили в стихи.

1960

ПОЖАРЫ

Века проходили.
Дрожали
Осины у балки степной...
Пожары,
Пожары,
Пожары
Терзали мой город родной!..

Блестящими саблями вспорот
Над ветхими кровлями мрак.
Пылает бревенчатый город.
Скотина ревет во дворах.

Пылает Тайницкая башня.
В реке головешки шипят.
Звучит одиноко и страшно,
Уносится в степи набат.

Умчались татарские кони,
На горях поднялись леса...
Молясь чудотворной иконе,
Творят мужики чудеса.

И снова над желтым обрывом,
Как в сказке,
Огнем не сожжен,
Стоит городок горделиво,
Добротной стеной окружен.

В дозоре врага проворонишь —
С булатом схлестнется булат.
И вновь
Полыхает Воронеж,
Удушливым дымом объят...

1960

* * *

В обрушенном старом окопе,
В оплывах намокшей земли
Нашли наконечники копий
И ржавые гильзы нашли.

Легли на ладонь человека
И были на миг сведены
Железо десятого века
С железом последней войны.

Стрелу или пулю обреза,
Литое ядро с корабля —
Земля
Принимала железо,
И тяжело вздыхала земля.

Молчала.
Но каждое лето,
Когда наступают дожди,
Оттенками ржавого цвета
Земля зацветает.

Гляди —
Ржавеют луга и дубравы.
Колюч, как железо, бурьян.
Качаются бурые травы
У вырытых бомбами ям.

Проносится ветер со свистом.
И в роще, черны и грубы,
Железные ржавые листья
Устало роняют дубы.

1960

ЛИСЕНОК

Привезу тебе лисенка,
До апреля подожди.
Отвяжу с мешка тесемку:
— Ну-ка, рыжий, выходи!

Выйдет робкий несмышлениш,
Головастый и смешной,
Лисий маленький детеныш,
Черноглазый зверь лесной.

Будет фыркать он спросонок.
Скажут все наперебой:
— У Ларисы есть лисенок,
Не игрушечный — живой!

У Ларисы — носик лисий,
Золотистая коса,
И поэтому Лариса
Не Лариса, а — лиса!

1960

ЛИСИЦА

Над кроватью — рога олени,
Древний дедовский самопал.
Я в лесное твое селенье
Словно в сказочный мир попал.

Дятлы щелкают деловито,
Просыпаются — чуть заря.
Возле берега на ракитах
Сохнут мокрые вентера.

А вокруг — смоляные дали.
На сто верст вокруг —
Все леса!..
По оврагу в седьмом квартале
Ходит огненная лиса.

Воздух нюхает черным носом,
Прячет в нору своих детей.
Пахнет рыбою по откосам
От намокших в реке сетей.

Как лисята, рыжеют листья,
Мягко падают на крыльцо..
Знаешь, есть в тебе что-то лисье.
Может, эти глаза с хитрецей?..

Улечу я на самолете,
На скрипучем, старом «По-2».
Всхлипнут кулики на болоте,
И застынут в горле слова.

Долго будут потом мне сниться
Ленты желтые в волосах,
Злые огненные лисицы
В непонятных твоих глазах.

1961

ХЛЕБ

Б. Ручьеву

Нет, в нем не попадались ости,
В нем не горчила лебеда.
Он не был ни сырым, ни черствым —
Тот хлеб хорошим был всегда.

Одно лишь свойство отличало
Тот хлеб от хлеба лучших дней:
Его всегда недоставало
В суровой юности моей.

Он связан был с тяжелой нормой,
С делянкой дальней и глухой,
С покрытой инеем платформой,
С гудящей дымною тайгой.

Та связь была простой и грозной...
Под крики «бойся!», брань и смех
Деревья в воздухе морозном
Со стоном падали на снег.

Та связь, наверное, издревле
Была началом всех начал:
Кто больше в день валил деревьев,
Тот больше хлеба получал.

Я все забыл...
Ожоги ветра.
Друзей угрюмых имена.
А норма — двадцать кубометров,—
Доныне помнится она...

В барак входили в клубах пара,
Ногами топая в сеньях,
И сразу падали на нары,
Тяжелых валенок не сняв.

А хлеб несли из хлеборезки.
Был очень точно взвешен он.
И каждый маленький довесок
Был щепкой к пайке прикреплен.

О, горечь той обиды черной,
Когда порой по вечерам
Не сделавшим дневную норму
Давали хлеба двести грамм!

Прошли года...
Теперь, быть может,
Жесток тот принцип и нелеп.
Но сердце до сих пор тревожит
Прямая связь:
Работа — хлеб.

1961

НОЧНАЯ СМЕНА

Из штольни вышли в пыльных робах,
На свет взглянув из-под руки.
И замелькали на сугробах
Густые черные плевки.

Не выключив аккумуляторы,
Бурами длинными звеня,
Ночная смена шаг печатала
В начале северного дня.

Под сапогами гравий вздрагивал
И проминался грязный мох.
Внизу над полотняным лагерем
Курился розовый дымок.

Нас ждал барак с двойными нарами,
Что сварены из ржавых труб.
С плакатами довольно старыми
Нас ждал холодный тесный клуб.

Но было весело и молодо
Идти дорогою крутой.
На сопках снег,
Как сахар колотый,
Лучился нежной чистотой.

Чернели кедры обгорелые...
И утверждал тот строгий вид,
Что мир из черного
И белого,
По существу, и состоит.

1961

ЗЕМЛЯ

Мы сначала снимали
Твой снежный покров.
Кисти мерзлой брусники
Алели, как кровь.

Корни сосен рубили
Потом
Топором
И тебя обжигали
Горячим костром.

А потом мы ругались,
Суглинок кайля:
До чего ж ты упряма,
Родная земля!

Наконец ты сдавалась,
Дымясь и скорбя.
Мы ведь люди, земля!
Мы сильнее тебя.

1961

ПОЛЯРНЫЕ ЦВЕТЫ

Сползла машина с перевала.
И в падах,
Что всегда пусты,
Нас будто всех околдовало —
Мы вдруг увидели
Цветы!

И разом ахнули ребята,
Нажал водитель на педаль:
Была светла и розовата
От тех цветов глухая даль.

И через каменные глыбы,
По чахлым ивовым кустам,
Не в силах потушить улыбок,
Мы побежали к тем цветам.

Студент-геолог, умный парень,
Заспорить с кем-то был готов,
Что, дескать, только в Заполярье
Известен этот вид цветов.

Но порешили, кто постарше,
На спор поставив сразу крест,
Что те цветы, конечно, наши —
Из тульских и рязанских мест.

Что просто здесь,
В сторонке дальней,
В просторах вечной мерзлоты,
Они немножечко печальней
И чуть суровей, те цветы.

И под нависшим серым небом
С колымским талым ветерком
Дохнуло вдруг соломой, хлебом,
Коровьим теплым молоком...

Цветы, цветы...
Они — как люди:
Им легче, если много их.
Где мы еще теперь побудем,
Каких путей хлебнем земных?..

Уж пятый час трясется кузов,
И склоны гор опять пусты,
А мы в ладонях заскорузлых
Все держим нежные цветы...

1961

ФЛАЖКИ

Флажки на трассе в снежной шири...
Но будет речь о них потом.
А раньше
Слово о чифире,
Напитке горьком и густом.

То крепкий чай,
Как деготь черный.
На Колыме в далекий путь
Берут его с собой шоферы,
Чтоб за баранкой не уснуть.

Знакомый фельдшер с автобазы
Не раз предупреждал ребят:
— Не пейте, братцы, той заразы.
Чифир для сердца — страшный яд!

Но выл буран за тонкой дверцей,
А мы не спали пять ночей,
И было нам
Плевать на сердце
И на советы всех врачей!

Нам было надо без отрыва
До боли всматриваться в ночь,
Чтоб не сорваться вниз с обрыва,
Чтобы в беде друзьям помочь.

Кипел чифир в консервных банках,
Дороге не было конца,
И стыли руки на баранках,
Стучали бешено сердца.

И чтоб за нами
Без помехи
Другие шли грузовики,
Мы ставили в сугробы вехи —
На палках красные флажки...

И пусть теперь от боли резкой
Сожмется сердце иногда,—
Мы так же молоды и дерзки,
Как в те нелегкие года.

Мы вновь те дали,
Если нужно,
Пройдем без премий и наград.
Повторный путь по трассам вьюжным
Нам будет легче во сто крат.

Ведь там,
Где мы бывали в рейсах,
На тех путях,
На той земле
Оставлены частицы сердца —
Флажками красными во мгле!

1961

ИСТОКИ

Однажды вдруг мне слов не хватит,
Я отложу тогда стихи.
На свой рудник приду опять я,
Надену робу, сапоги.

В конторе торопливым росчерком
«За безопасность» распишусь.
На самый дальний блок
Забойщиком
У бригадира попрошусь.

По штрекам узким, невысоким,
Где гулки отзвуки шагов,
Я поспешу в забой —
К истокам
Моих тревог,
Моих стихов.

Там, где кончаются крепления,
Проверю стуком потолок,
Поправлю шланги
И с волнением
Возьму отбойный молоток.

Забьется сердце в нем железное.
Пристынут пальцы к рычагам.
И глыбы подлинной поэзии,
Шурша,
Падут к моим ногам.

1961

* * *

Потеряла в траве заколку.
Ветерок развевает челку.

Не грусти!
Видишь, сколько елок?
Мы попросим у них заколок.

Эй, девчонки!
Рыжие елки!
Дайте нам взаимы две заколки.

Две иголочки, две хвоинки
Заколоть прическу Иринке.

1961

* * *

И. Н.

Две родинки, две отметинки
На груди у тебя,
На плече.
Две веселые бересклетинки
Отразились в лесном ручье...

Как легко и просторно осенью
В этом гулком пустом лесу!
Хочешь, я тебя через просеку
На одной руке понесу?..

На коряжины,
На колдобины
Листья падают сквозь тишину...
Я в глазах твоих заколдованных
Растворюсь сейчас,
Утону.

1961

В ПОЛЕТЕ

За дюралевой стенкой
Горячо дышат моторы,
А внизу — земля...
Она зеленоватая
И немножко пестрая,
С рыжими крапинками —
Совсем как твои глаза,
Если смотреть в них
Близко-близко...

1961

СВЕТКА

Много света и снега
В ельнике редком.
Все бело.
Только розовый свитер
У Светки.

Только желтые лыжи
Летят по откосу.
Только бьются по свитеру
Желтые косы.

Только громко хохочет
Веселое солнце
И вдогонку за Светкой
По снегу несется.

Бахрома на березах
Светла и стеклянна.
И аukaет кто-то:
— Светлана!
Светлана!..

1961

РОДИНА

Помню я: под сенью старых вишен
В том далеком,
В том донском селе
Жили пчелы в камышовых крышах —
В каждой камышинке по пчеле...

Родина!
Простая и великая.
В давнем детстве, от беды храня,
Древними архангельскими ликами
Строго ты смотрела на меня...

А потом,
Позвав в края суровые,
Где весной не встретишь зеленыя,
Жизнь взвалила рельсы стопудовые
На худого, юного меня.

Я копал руду на Крайнем Севере.
Много лет я молока не пил.
Только ты, земля моя,
Не верила,
Что тебе я в чем-то изменил.

Все прошел я:
Трудные дороги,
Злой навет и горькую беду,
Чтобы снова пальцами потрогать
Пыльную в канаве лебеду.

Я опять с тобой,
Земля просторная,
Где за клином старого жнивья
Под горой стоит село Подгорное —
Родина негромкая моя;

Где висит над хатой
Месяц рыжий;
Где в прозрачной невесомой мгле
Пчелы спят под камышовой крышей —
В каждой камышинке по пчеле...

1962

ПОЭЗИЯ

И. Н.

Стоят дубы, задумчивы, тихи.
По желтой просеке уходит лето.
Ты мне читаешь грустные стихи
Какого-то салонного поэта.

О том, как где-то в городе пустом
На мерзлых стеклах тает чья-то
нежность...

А мы в лесу, в орешнике густом,
Вдыхаем жадно
Утреннюю свежесть.

Я не люблю бескровные слова,
Холодные, искусственные строки.
Зачем они
Когда шуршит трава,
Поют синицы и трещат сороки?

Взгляни вокруг!
Открой свои глаза,
Зеленые нетающие льдинки.
Большая золотая стрекоза
Качается на тонкой камышинке...

Поэзия! Она всегда — жива.
Ей чужды стекол мертвые узоры.
Она растет и дышит,
Как листва,
Как гордая осока на озерах.

Ей тесен мир условной бахромы
И вздохов у замерзшего оконца..
Поэзия — она живет, как мы.
Она не может
Без любви и солнца!

1962

ГРАД

Побило градом яблони,
Ударило из мглы,
Сломало, словно ядрами,
Некрепкие стволы.

В лохмотья измочалена
Зеленая кора.
Стояли и молчали мы
Над грудой серебра.

Обняв руками деревце,
Разбитое вконец:
— И что же это делается?..—
Чуть выдохнул отец.

Погибла в утро летнее
С деревьями в соку
Мечта его.
Последняя,
Быть может, на веку...

О, градины небесные!
Вы очень нам горьки.
Но били нас увесистей
Земные кулаки.

До сей поры не найдены,
В метели и в дожди
Болят шальные градины
Под ребрами в груди.

Войною ли,
Обидами,
Пайком гнилой крупы —
Сполна нам было выдано
Ударов от судьбы.

...Настанут дни погожие,
Добавим в грунт золы,
Закутаем рогожами
Разбитые стволы.

Наплывами затянется
Кора, где выбил град,
И выдюжит,
Поправится
Наш перебитый сад.

1963

* * *

Летели гуси за Усть-Омчуг,
На индигирские луга,
И все отчетливей и громче
Дышала сонная тайга.

И захотелось стать крылатым,
Лететь сквозь солнце и дожди,
И билось сердце под бушлатом,
Где черный номер на груди.

А гуси плыли синим миром.
Скрываясь в небе за горой.
И улыбались конвоиры,
Дымя зеленою махрой.

И словно ожил камень дикий,
И всем заметно стало вдруг,
Как с мерзлой кисточкой брусники
На камне замер бурундук.

Качалась на воде коряга,
Светило солнце с высоты.
У белых гор Бутугычага
Цвели полярные цветы...

1963

БУРУНДУК

Раз под осень в глухой долине,
Где шумит Колыма-река,
На склоненной к воде лесине
Мы поймали бурундука.

По откосу скрепер проехал
И валежник ковшом растряс,
И посыпались вниз орехи,
Те, что на зиму он запас.

А зверек заметался, бедный,
По коряжинам у реки.
Видно, думал:
«Убьют, наверно,
Эти грубые мужики».

— Чем зимой-то будешь кормиться?
Ишь ты,
Рыжий какой шустряк!..—
Кто-то взял зверька в рукавицу
И под вечер принес в барак.

Тосковал он сперва немножко
По родимой тайге тужил.
Мы прозвали зверька Тимошкой,
Так в бараке у нас и жил.

А нарядчик, чудака-детина,
Хохотал, увидав зверька:
— Надо номер ему на спину.
Он ведь тоже у нас — зека!..

Каждый сытым давненько не был,
Но до самых теплых деньков
Мы кормили Тимошу хлебом
Из казенных своих пайков.

А весной, повздыхав о доле,
На делянке под птичий щелк
Отпустили зверька на волю.
В этом мы понимали толк.

1963

РАССВЕТ В БУТУГЫЧАГЕ

В ночную смену на Шайтане,
Где черный камень льдом покрыт,
Из горной штольни мы катали
Отпалом вырванный гранит.

Был штрек наполнен пылью едкой,
И каждый радостно вздыхал,
Когда с груженой вагонеткой
Мы выходили на отвал.

Нас обжигал морозный воздух,
Снежинки стыли на плечах,
И рядом с нами были звезды.
Под нами спал Бутугычаг.

Дремали горы в дымке синей,
К подножьям становясь темней.
Внизу, в глубокой котловине,
Дрожали бусинки огней...

Мы отдыхали очень редко.
За рейсом — рейс, простоев нет.
На двадцать пятой вагонетке
Вставал над сопками рассвет.

Еще прожекторы горели.
Но было видно с высоты,
Как с каждым рейсом розовели
Молочно-белые хребты.

Еще таился мрак в лощинах,
Поселок тенью закрывал,
А на заснеженных вершинах
Рассвет победно бушевал.

Спецовки мокрые твердели,
И холодила руки сталь.
Но мы стояли и глядели
На пламенеющую даль.

Мы знали: чудо грянет скоро,
Однако долго ждать нельзя,
И мы опять входили в гору,
Вагон порожний увозя.

Но каждый знал:
Когда вернется
Из узкой штольни на простор,
Увидит огненное солнце
Над белой цепью снежных гор.

1963

художник

Только голые камни,
Поросшие мохом.
Только клочья тумана
На стланике мокром.

Только грязные сопки
За хмарью суровой.
Только низкое серое
Зданье столовой.

А в столовой,
Над грудями мисок порожних,
Колдовал у картины
Голодный художник.

На картине желтели
Луга и покосы.
Над рекой у затона
Стояли березы.

Баламутя кнутами
Зеленую тину,
Пастухи к водопою
Сгоняли скотину...

Я смотрел на картину...
Ресницы смежались.
И деревья, и люди
Ко мне приближались.

И березы худыми
Руками качали,
И коровы мычали,
И люди кричали.

Заскрипели уключины
Над перевозом,
И запахло травюю,
Землею, навозом.

1963

КОСТРОЖОГИ

А. И. Солженицыну

В оцеплении, не смолкая,
Целый день стучат топоры.
А у нас работа другая:
Мы солдатам палим костры.

Стужа — будто Северный полюс.
Аж трещит мороз по лесам.
Мой напарник — пленный японец,
Офицер Кумияма-сан.

Говорят, военный преступник
(Сам по-русски — ни в зуб ногой!).
Кто-то даже хотел пристукнуть
На погрузке его слегой...

Все посты мы обходим за день...
Мы, конечно, с ним не друзья.
Но с напарником надо ладить.
Нам ругаться никак нельзя.

Потому что все же — работа.
Вместе пилим одно бревно...
Закурить нам очень охота,
Но махорочки нет давно.

Табаку не достанешь в БУРе.
Хоть бы раз-другой потянуть.
А конвойный стоит и курит,
Автомат повесив на грудь.

На японца солдат косится,
Наблюдает из-под руки.
А меня, видать, не боится,
Мы случайно с ним земляки.

Да и молод я.
Мне, салаге,
И семнадцати лет не дашь...
— Ты за что же попал-то в лагерь?
Неужели за шпионаж?

Что солдату сказать — не знаю.
Все равно не поймет никто.
И поэтому отвечаю
Очень коротко:
— Ни за что...

— Не бреши, ни за что не садят!
Видно, в чем-нибудь виноват...—
И солдат машинально гладит
Рукавицей желтый приклад.

А потом,
Чтоб не видел ротный,
Достает полпачки махры
И кладет на пенек в сугробе:
— На, возьми, мужик!
Закури!

Я готов протянуть ладони.
Я, конечно, махорке рад.
Но пенек-то — в запретной зоне.
Не убьет ли меня солдат?

И такая бывает штука.
Может шутку сыграть с тобой.
Скажет после: «Бежал, подлюка!» —
И получит отпуск домой.

Какогреет из автомата —
И никто концов не найдет...
И смотрю я в глаза солдата.
Нет, пожалуй что не убьет.

Три шага до пня.
Три — обратно.
Я с солдата глаз не свожу.
И с махоркой, в руке зажатой,
Тихо с просеки ухожу.

С сердца словно свалилась глыба.
Я стираю холодный пот,
Говорю солдату: «Спасибо!»
Кумияма — поклон кладет.

И уходим мы лесом хвойным,
Где белеет снег по стволам.
И махорку, что дал конвойный,
Делим бережно пополам.

1963

ЗОЛОТО

Глыбу кварца разбили молотом,
И, веселым огнем горя,
Заблестели крупинки золота
В свете тусклого фонаря.

И вокруг собрались откатчики:
Редкий случай, чтоб так, в руде!
И от ламп заплясали зайчики,
Отражаясь в черной воде...

Мы стояли вокруг.
Курили,
Прислонившись к мокрой стене,
И мечтательно говорили
Не о золоте — о весне.

И о том, что скоро, наверно,
На заливе вспотеет лед
И, снега огласив сиреной,
Наконец придет пароход...

Покурили еще немного,
Золотинки в кисет смели
И опять — по своим дорогам,
К вагонеткам своим пошли.

Что нам золото? В дни тяжелые
Я от жадности злой не слеп.
Самородки большие, желтые
Отдавал за табак и хлеб.

Не о золоте были мысли...
В ночь таежную у костра
Есть над чем поразмыслить в жизни,
Кроме
Золота-серебра.

1963

РАБОТА

На лежнёвке порою вешней —
Видно, был большой перекоп —
Забурился, ломая лежни,
И на шпалы сел паровоз.

За крушение на участке,
Если путь не починим в срок,
Строгий выговор будет начальству,
Заключенным — штрафной паек.

Бригадир полез, не робея,
С молотком под нависший скат.
С уважением за Сергеем
Наблюдал молодой солдат.

А Серега очень спокойно
Говорит, вытирая пот:
— Отойди, гражданин конвойный,
Ненароком тебя прибьет.

Показал, где рубить опоры,
Чтоб исправить опасный крен...
Был когда-то Сергей сапером
И в тюрьму угодил за плен...

Топоры застучали дружно,
Как, наверное, на войне.
Если нужно — так, значит, нужно.
Не стоять же нам в стороне!..

Хоть и малый — узкоколейный,
Все равно паровоз тяжел.
Но подважили посильнее.
Кто-то крикнул:
— Пошел! Пошел!..

Мы канат натянули туго,
И, ломая ветки берез,
Под веселую нашу ругань
Плавно тронулся паровоз.

И когда по брускам сосновым
Он на рельсы вкатил уже —
Всем нам было,
Честное слово,
Очень радостно на душе.

Захватила нас всех работа,
Увела от невзгод земных...
Словно вышли мы на свободу
На какой-то короткий миг.

1963

БЕРЕЗА

Звенел топор, потом пила.
Потом — последнее усилие.
Береза медленно пошла,
Нас осыпая снежной пылью.

Спилили дерево не зря,—
Над полотном, у края леса,
Тугие ветры декабря
Могли свалить его на рельсы.

Его спилили поутру,
Оно за насыпью лежало
И тихо-тихо на ветру,
Звеня сосульками, дрожало...

Зиме сто лет еще мести,
Гудеть в тайге, ломая сосны,
А нам сто раз еще пройти
Участок свой
По шпалам мерзлым.

И, как глухой сибирский лес,
Как дальний окрик паровоза,
Нам стал привычен темный срез —
Большая мертвая береза.

Пришла весна.
И, после вьюг,
С ремонтом проходя в апреле,
Мы все остановились вдруг,
Глазам испуганно не веря:

Береза старая жила,
Упрямо почки распушались.
На ветках мертвого ствола
Сережки желтые качались!..

Нам кто-то после объяснил,
Что бродит сок в древесной тверди,
Что иногда хватает сил
Ожить цветами
После смерти...

Еще синел в низинах лед
И ныли пальцы от мороза,
А мы смотрели,
Как цветет
Давно погибшая береза.

1963

ПОЕЗД

Мела пурга, протяжно воя.
И до рассвета, ровно в пять,
Нас выводили под конвоем
Пути от снега расчищать.

Не грели рваные бушлаты.
Костры пылали на ветру.
И деревянные лопаты
Стучали глухо в мерзлоту.

И, чуть видны в неровных вспышках
Забитых снегом фонарей,
Вдоль полотна чернели вышки
Тревожно спящих лагерей.

А из морозной
Черной чащи,
Дым над тайгою распластав,
Могучий,
Огненный,
Гудящий,
В лавине снега шел состав.

Стонали буксы и колеса,
Густое месиво кроша,
А мы стояли вдоль откоса,
В худые варежки дыша.

Страна моя!
В снегу по пояс,
Через невзгоды и пургу
Ты шла вперед, как этот поезд —
С тяжелым стоном
Сквозь тайгу!

И мы за дальними снегами,
В заносах,
На пути крутом
Тому движенью помогали
Своим нерадостным трудом.

В глухую ночь,
Забыв о боли,
Мы шли на ветер, бьющий в грудь,
По нашей воле
И неволе
С тобой
Делили
Трудный путь.

1962—1963

ТРУДНАЯ ТЕМА

Трудная тема,
А надо писать.
Я не могу
Эту тему бросать.

Трудная тема —
Как в поле блиндаж:
Плохо,
Если врагу отдашь.

Если уступишь,
Отступишь в борьбе,—
Враг будет оттуда
Стрелять по тебе.

Я трудную тему
Забить не могу.
Я не оставлю
Окопы врагу!

1963

ВИНА

Среди невзгод судьбы тревожной
Уже без боли и тоски
Мне вспоминается таежный
Поселок странный у реки.

Там петухи с зарей не пели,
Но по утрам в любые дни
Ворота громкие скрипели,
На весь поселок тот — одни.

В морозной мгле дымили трубы.
По рельсу били — на развод,
И выходили лесорубы
Нечетким строем из ворот.

Звучало:
«Первая! Вторая!...»
Под строгий счет шеренги шли.
И сосны, ругань повторяя,
В тумане прятались вдали...

Немало судеб самых разных
Соединил печальный строй.
Здесь был мальчишка, мой соклассник,
И Брестской крепости герой.

В худых заплатанных бушлатах,
В сугробах, на краю страны —
Здесь было мало виноватых,
Здесь было больше —
Без вины.

Мне нынче видится иною
Картина горестных потерь:
Здесь были люди
С той виною,
Что стала правдою теперь.

Здесь был колхозник,
Виноватый
В том, что, подняв мякины куль,
В «отца народов» ухнул матом
(Тогда не знали слова «культ»)...

Смотри, читатель:
Вьюга злится.
Над зоной фонари горят.
Тряпьем прикрыв худые лица,
Они идут
За рядом — ряд.

А вот и я.
В фуражке летней.
Под чей-то плач, под чей-то смех
Иду — худой, двадцатилетний —
И кровью харкаю на снег.

Да, это я.
Я помню твердо
И лай собак в рассветный час,
И номер свой пятьсот четвертый,
И как по снегу гнали нас,

Как над тайгой
С оттенком крови
Вставала мутная заря...
Вина!..
Я тоже был виновен.
Я арестован был не зря.

Все, что сегодня с боем взято,
С большой трибуны нам дано,
Я слышал в юности когда-то,
Я смутно знал давным-давно.

Вы что, не верите?
Проверьте —
Есть в деле, спрятанном в архив,
Слова — и тех, кто предан смерти,
И тех, кто ныне, к счастью, жив.

О, дело судеб невеселых!
О нем — особая глава.
Пока скажу,
Что в протоколах
Хранятся и мои слова.

Быть может, трепетно,
Но ясно
Я тоже знал в той дальней мгле,
Что поклоняются напрасно
Живому богу на земле.

Вина!
Она была, конечно.
Мы были той виной сильны.
Нам, виноватым, было легче,
Чем взятым вовсе без вины.

Я не забыл:
В бригаде БУРа
В одном строю со мной шагал
Тот, кто еще из царских тюрем
По этим сопкам убежал.

Он лес пилил со мною вместе,
Железной воли человек,
Сказавший «нет» на громком съезде
И вдруг исчезнувший навек.

Я с ним табак делил, как равный,
Мы рядом шли в метельный свист:
Совсем юнец, студент недавний
И знавший Ленина чекист...

О, люди!
Люди с номерами.
Вы были люди, не рабы.
Вы были выше и упрямей
Своей трагической судьбы.

Я с вами шел в те злые годы,
И с вами был не страшен мне
Жестокий титул «враг народа»
И черный
Номер
На спине.

1962—1963

КОЛЫМСКИЙ СТЛАНИК

Привет тебе,
Колымский колкий стланик,
Сибирских кедров самый младший брат!
Давно я не был
В этих сопках дальних
И, словно друга,
Видеть тебя рад.

Как ты живешь?
По-прежнему ли четко
Тебе видны отсюда, свысока,
Отвалы штолен,
Узкая речонка
И ветхие постройки рудника?..

Во чреве сопок
Где-то вьются штреки...
А здесь,
На склоне каменной горы,
Ты раздаешь бурундукам орехи,
Лишайник укрываешь от жары.

Ты очень добр.
Ты нам простил, конечно,
Невольную жестокость той поры,
Когда в буран
На этой сопке снежной
Тебя рубили
Наши топоры...

Бадью в барак цинготный приносили.
И густо поднимался хвойный пар.
И доктор заставлял нас пить насильно
Густой,
Смолистый,
Вязущий отвар.

А мы ничком
Валились на солому.
Казалось, к жизни больше нет пути.
Никто не верил
Пьянице лекпому,
Что горький стланик
Может нас спасти.

...Совсем застыла
В тишине округа.
Недвижны сопки
В розовом дыму...
Густую ветку,
Словно руку друга,
Я прижимаю к сердцу своему.

1963

КЛАДБИЩЕ В ЗАПОЛЯРЬЕ

Я видел разные погосты.
Но здесь особая черта:
На склоне сопки — только звезды,
Ни одного креста.

А выше — холмики иные,
Где даже звезд фанерных нет.
Одни дощечки номерные
И просто камни без примет.

Лежали там под крепким сводом
Из камня гулкою и льда
Те, кто не дожил до свободы
(Им не положена звезда).

...А нас, живых, глухим распадком
К далекой вышке буровой
С утра, согласно разнарядке,
Вел мимо кладбища конвой.

Напоминали нам с рассветом
Дощечки черные вдали,
Что есть еще позор
Посмертный,
Помимо бед, что мы прошли...

Мы били штольню сквозь мерзлоты.
Нам волей был подземный мрак.
А поздно вечером с работы
Опять конвой нас вел в барак...

Спускалась ночь на снег погоста,
На склон гранитного бугра,
И тихо зажигала звезды
Там,
Где чернели
Номера...

1961—1963

* * *

В. Филину

Мне помнится
Рудник Бутугычаг
И горе
У товарищей в очах.

Скупая радость,
Щедрая беда
И голубая
Звонкая руда.

Я помню тех,
Кто навсегда зачах
В долине,
Где рудник Бутугычаг.

И вот узнал я
Нынче из газет,
Что там давно
Ни зон, ни вышек нет.

Что по хребту
До самой высоты
Растут большие
Белые цветы...

О, самородки
Незабытых дней
В пустых отвалах
Памяти моей!

Я вас ищу,
Я вновь спешу туда,
Где голубая
Пыльная руда.

Привет тебе,
Заброшенный рудник,
Что к серой сопке
В тишине приник!

Я помню твой
Густой неровный гул.
Ты жизнь мою тогда
Перевернул.

Привет тебе,
Судьбы моей рычаг,
Серебряный рудник
Бутугычаг!

1964

ЛЕСНЫЕ ДОРОГИ

Я хожу по лесным дорогам,
Где в траншеях растет бурьян,
И читаю стихи сорокам,
Ветру, солнцу и муравьям.

Лес молчит,
Словно критик строгий.
Только птицы трещат в тиши.
Одобряют стихи сороки.
«Хороши,— кричат,—
Хороши!..»

Забрались молодые елки
В неуютный старый окоп.
Сиротливо лежат осколки
На припеке песчаных троп.

А внизу,
За оврагом волчьим,
Спит снаряд в песке у реки.
Вырос худенький колокольчик
Возле ржавой его щеки.

Над оврагом шумит ракета.
Лес к зеленой воде приник...
— Очень сильно он был побитый! —
Говорит мне старый лесник.

— Видишь, сколько тут всякой ржави.
Сквозь железо, где ни копни.
А потом короеды жрали,
Гниль крушила битые пни.

Лес бы выдюжил, он привычный.
Каждый год — пожар, шелкопряд.
Да попался дурак лесничий.
Много лет рубили подряд.

Что получше — пошло на срубы.
Все мы, видно, не без греха.
После тех «санитарных» рубок
Оставалась одна труха...

Мы идем с лесником в контору.
Под ногами шуршит песок.
Поднимается солнце в гору
По деревьям наискосок.

Между старых, стоящих порознь,
Безвершинных кривых дубов
Поднялась молодая поросль,
Занимая склоны холмов.

У крыльца телок на приколе.
За конторой — луг, тополя.
Лес корявый.
Ржаное поле.
Дорогая моя земля.

1964

ДОРОГА В ПЛЕС

Петляет дорога, ведя на проселок.
Лобастые камни лежат у ручья.
И маковка церкви за пиками елок —
Как дальняя-дальняя память моя...

И девочка-спутница с синим колечком,
И хмурый шофер, что спешит в сельсовет.
О чем-то забытом, но мудром и вечном
Задумались, глядя в холодный рассвет.

И колокол черный оперся на брусья,
Задумчиво слушая гулкую тишь.
И веет дремучей, глубинною Русью
От серых замшелых осиновых крыш.

1964

* * *

Давно с берез слетели листья,
И на рябинах у крыльца
Повисли трепетные кисти,
Как обнаженные сердца.

И всюду видится нетвердость,
Непостоянность бытия...
И не горит, как мокрый хворост,
Душа притихшая моя.

И сердце бьется неприметно.
Оно устало на весу
Дрожать от холода и ветра
В пустом неприбранном лесу.

1964

Я БЫЛ НАЗНАЧЕН БРИГАДИРОМ...

Я был назначен бригадиром.
А бригадир — и царь и бог.
Я не был мелочным придирой,
Но кое-что понять не мог.

Я опьянен был этой властью.
Я молод был тогда и глуп...
Скрипели сосны, словно снасти,
Стучали кирки в мерзлый грунт.

Ребята вкалывали рьяно,
Грузили тачки через край.
А я ходил над котлованом,
Покрикивал:
— Давай! Давай!..

И может, стал бы я мерзавцем,
Когда б один из тех ребят
Ко мне по трапу не поднялся,
Голубоглаз и угловат.

— Не дешеви! — сказал он внятно,
В мои глаза смотря в упор,
И под полой его бушлата
Блеснул
Отточенный
Топор!

Не от угрозы оробел я,—
Там жизнь всегда на волоске.
В конце концов дошло б до дела —
Забурник был в моей руке.

Но стало страшно оттого мне,
Что это был товарищ мой.
Я и сегодня ясно помню
Суровый взгляд его прямой.

Друзья мои! В лихие сроки
Вы были сильными людьми.
Спасибо вам за те уроки,
Уроки гнева
И любви.

1964

ПОЭТ

Его приговорили к высшей мере.
А он писал,
А он писал стихи.
Еще кассационных две недели,
И нет минут для прочей чепухи.

Врач говорил,
Что он, наверно, спятил.
Он до утра по камере шагал.
И старый,
Видно, добрый надзиратель,
Закрыв окошко, тяжело вздыхал...

Уже заря последняя алела...
Окрасил строки горестный рассвет.
А он просил, чтоб их пришили к делу,
Чтоб сохранить.

Он был большой поэт.
Он знал, что мы отыщем,
Не забудем,
Услышим те прощальные шаги.
И с болью в сердце прочитают люди
Его совсем негромкие стихи...

И мы живем,
Живем на свете белом,
Его строка заветная жива:
«Пишите честно —
Как перед расстрелом.
Жизнь оправдает
Честные слова...»

1964

МАРТА

Сгорели в памяти дотла
Костры сибирской лесосеки.
Но в тайниках ее навеки
Осталась теплая зола.

И лишь подует горький ветер
С далеких, выжженных полян,
Как затрещат сухие ветви,
Метнутся тени по стволам.

Сохатый бросится, испуган,
Рванет по зарослям густым.
И ругань, ругань, ругань, ругань
Повиснет в воздухе, как дым.

Взметнутся кони на ухабы,
Таща корявый сухостой.
И кто-то крикнет:
— Бабы! Бабы!
Гляди-ка, бабы, с ноль шестой!..

Она запомнилась навеки...
По хрусткой наледи скользя,
Она несла по лесосеке
Большие юные глаза.

Она искала земляков,
Она просила: — Отзовитесь.—
И повторяла:
— Лабас ритас!..¹ —
не слышал печальней слов.

Она сидела у огня,
Ладони маленькие грела
И неотрывно на меня
Сквозь пламя желтое смотрела.

¹ Доброе утро!.. (лит.)

Густым туманом по ручью
Стелилось пасмурное небо...
И я сказал ей:
— Хочешь хлеба? —
Она ответила:
— Хочу.

И я отдал ей все до крошки.
Был слышен где-то крик совы.
Желтели ягоды морошки
Среди оттаявшей травы...

И было странно мне тогда,
Что нас двоих,
Таких неблизких,
В седой глуши лесов сибирских
Свела не радость,
А беда.

1965

СЫН

Товарищ мой по несчастью
Жадно курил махорку,
Гулко шагал по камере,
Голову наклоня.
— Я не боюсь расстрела,—
Все повторял он горько.—
Жаль только, нету сына,
Сына нет у меня...

...Сын мой голубоглазый!
Тебе по утрам не спится.
Смотришь из колыбели
В распахнутое окно.
Слушаешь, как на ветке
Тонко поет синица.
Хочешь достать росинки
Трепетное зерно.

Сын мой голубоглазый!
Мир-то какой открытый!
С радостью, болью, ложью —
Вот он перед тобой!
В этом суровом мире
Клены росой умыты,
В нем каждая капля — счастье,
В нем каждое слово — бой!

1965

* * *

Полынный берег, мостик шаткий.
Песок холодный и сухой.
И вьются ласточки-касатки
Над покосившейся стрехой.

Россия... Выжженная болью
В моей простреленной груди.
Твоих плетней сырые колья
Весной пытаются цвести.

И я такой же — гнутый, битый,
Прошедший много горьких вех,
Твоей изрубленной ракиты
Упрямо выживший побег.

1965

* * *

Я сыну купил заводную машину.
Я с детства когда-то мечтал о такой.
Проверил колеса,
Потрогал пружину,
Задумчиво кузов погладил рукой...

Играй на здоровье, родной человек!
Песок нагружай и колеса крути.
А можно построить гараж из дощечек,
Дорогу от клумбы к нему провести.

А хочешь, мы вместе с тобой поиграем
В тени лопухов, где живут муравьи,
Где тихо ржавеют за старым сараем
Патронные гильзы — игрушки мои.

1965

БОРИСОГЛЕБСК

Сухой красноватый бурьян на заре
И утренний тонкий серебряный холод,
И город вдали на покатой горе,
Военного детства неласковый город.

Лежит в огородах сухая ботва.
На низеньких крышах — следы пулевые,
На клеверном поле притихли «Пе-2»,
Блестящие, новые двухкилевые.

И словно в насмешку над вихрем смертей,
На стенах старинных бревенчатых зданий —
Скупые таблички былых страхований
Губернских, уездных и прочих властей...

О, город из древней семьи городов!
Резные ворота, крылечки косые.
Глазами твоих опечаленных вдов
Тревожно мне в сердце смотрела Россия.

Спасибо тебе за твою лебеду,
За мягкое сено в домишках сосновых,
За редкую сласть петушков леденцовых
На бедном базаре в том горьком году.

1965

КОРДОН ПЕСЧАНЫЙ

Брату Вячеславу

Спустился летчик, весь иссеченный,
На мягкий мох березняка.
Над ним в слезах склонились женщины —
Жена и дочка лесника...

И мы с братишкой в яму черную
Смотрели, стоя под сосной.
Мы были просто беспризорными
Той неудобною весной.

Потом у маленького озера,
Где самолет упал вдали,
Двух карасей молочно-розовых
В прибрежной тине мы нашли.

Под ивой, перебитой крыльями,
Без соли — не достать нигде —
В консервной банке их сварили мы,
В бензином пахнущей воде...

Кордон Песчаный!..
Пойма топкая,
Худой осинник на пути!
Хочу опять сырыми тропками
В твои урочища пройти.

Хочу опушками сорочьими
Пройти к дымящейся реке...
Хочу найти могилу летчика
В сухом и чистом сосняке.

1965

* * *

Гроыхала бадья у колодца,
Где под срубом росла лебеда.
И тяжелыми каплями солнца
На колоду струилась вода.

А за серой ольхой на болоте
Над полями задымленной ржи
Голубой-голубой самолетик
В желтом небе кружил и кружил.

И ударили где-то зенитки.
И травинки подрезал металл.
И паук на серебряной нитке
Паутину вязать перестал.

А потом на пригорке покато
Зачернели глазницы могил.
И босою ногой на лопату
Нажимать просто не было сил.

1965

• • •

В. К.

Ветер стучал ладонями
В спину товарняка...
Все, что тогда не поняли,
Видно издалека.

Снова душе заказана
Тропка за Калитвой.
Город вдали под вязами —
Тихий и синий — твой...

Белым песочком высланы
Заросли ивняка.
Стихла далеким выстрелом
Вспугнутая река.

Только за низким тальничком
В черные невода:
«Валечка!.. Валя!.. Валечка!..» —
Всплескивает вода.

1965

* * *

Светло и холодно над Волгой.
Притих в долине город Плес.
И склон расчерчен черной елкой
По желтой проседи берез.

И мир распахнут и расколот.
В нем легкий треск и тишина.
Сошлись на миг тепло и холод,
Ноябрь и ранняя весна.

Горел костер на снежном склоне,
Веселый, рыжий, словно пес.
Огня горячие ладони
Бросали искры на откос.

Условность мира отражая,
Пришли к огню трава и снег,
И рядом — ты, еще чужая,
Но самый близкий человек.

О, наш костер
Над хмурой Волгой!
Ледком хрустящая лоза...
Холодный снег,
Кустарник колкий
И солнцем полные глаза!

1965

ТЕБЕРДА

Теберда, Теберда!
Голубая вода,
Ледяная вода
Из домбайского льда.

Никогда я не видел
Воды холодней.
Ничего не встречал
Крепче этих камней,
Что упрямо и трудно
Шлифует река,
Отражая в воде
Облака...

А над речкой
В зеленых долинах живет
Молчаливый
И гордый народ.
Сколько лет
От родимой земли вдалеке
Их катала судьба,
Словно камни в реке?!

Потому холодна
И прозрачна вода.
Видно, в ней растворилась
Печаль и беда.
Навсегда.

1965

ЯЛТА

В белом небе стили кипарисы,
И желтели дальние хребты,
И качали сосны,
Словно лисы,
Длинные пушистые хвосты.

Осыпая серебринки смеха
С мокрых листьев
В сонную траву,
Горное стремительное эхо
Повторяло нежное:
«Ау!..»

А сегодня чище и стеклянней
Брызги на пустынных пристанях.
Солнечный туман воспоминаний
Пеной оседает на камнях.

Позабылись радости и горе —
Только волны катятся, звеня.
И глаза —
Две теплых капли моря —
Из тумана смотрят на меня.

1965

ХОЗЯЙКА

Ирине

Как тяжело лежать в больнице
И ждать свиданья день за днем.
Смотреть, как желтые синицы
На ветках скачут за окном.

Халатов стирания байка,
Больничных кленов хмурый вид...
— Иди, пришла твоя хозяйка! —
Мне санитарка говорит.

А ты еще и не хозяйка,
И впереди немало бед.
Еще попробуй угадай-ка,
Хозяйкой будешь или нет.

И мне еще грудную клетку
Хирурги будут потрошить.
И случай мой довольно редкий,
И неизвестно, буду ль жить.

И у меня еще невеста,
Нежна и ласкова со мной.
Бойтся — потеряет место,
Когда уйду я в мир иной.

Беду считая неминучей,
Совсем не чувствуя греха,
Она уже на всякий случай
Другого ищет жениха.

Я страхом смерти был опутан,
Не различал добра и зла.
Но ты пришла и страх мой лютый
С невестой вместе прогнала...

Еще нетвердо сердце билось,
Тугим прихваченное швом.
Но ты пришла и утвердилась
В нем, неокрепшем, но живом.

И выходил я в сад больничный,
Где на ветру пучки травы.
И голоса густые птичьи
Кричали мне:
«Живи! Живи!...»

Синиц трепещущая стайка
Справляла жизни торжество.
И рядом шла моя хозяйка,
Хозяйка сердца моего.

1965

* * *

Где теперь ты, рыжая? Скажи.
Словно бы тебя и не бывало.
Словно бы от горечи и лжи
Сердце по частям не убывало.

И другая ждет меня теперь,
Та, что я в тебе искал напрасно.
После всех сомнений и потерь
Многое мне нынче стало ясно.

Словно бы поднялся на скалу
И увидел под собой с вершины
Сосны, погруженные во мглу,
Пройденные кручи и долины.

И видна мне с гулкой высоты
За дрожащей рябью бездорожья
Маленькая-маленькая ты,
Что осталась где-то у подножья.

1965

* * *

На почерневших ветках дуба
Свернулись бурые листья.
Холодный ветер зло и грубо
Раздел дрожащие кусты.

И только свежестью нежданной,
Как будто впрямь еще жива,
За изгородью деревянной
Сверкает мокрая трава.

1965

* * *

Г. Красухину

Горят сырые листья,
И вьется горький дым.
В саду, пустом и мгlistом,
Он кажется седым.

В молчанье нелюдимом
Я думаю о дне,
Когда растаю дымом
В холодной тишине.

Листок заледенелый
Качается, шурша...
Уже почти сгорела,
Обуглилась душа.

Не будет продолженья
В растаявшем дыму.
И нету утешенья
Раздумью моему.

1965

* * *

Я спал, обняв сырую землю,
На лесосеке под сосной.
Осенних трав сухие стебли
Склонялись нежно надо мной.

И на мешках от аммонита
Я спал во чреве рудника.
Осколки битого гранита
Врезались больно мне в бока.

Но я бессонницы не ведал.
С друзьями горький хлеб делил,
Пустой баландою обедал.
И сосны крепкие валил.

На дне глубокого карьера
Не знал я света и тепла.
Но ни одна меня холера
Тогда до срока не брала...

А нынче?.. Нынче только снится
Былая сила прежних лет.
Опять через окно больницы
Смотрю я в пасмурный рассвет.

Смотрю на глинистые пятна,
На лес, сверкающий бело...
Земля, земля!
Отдай обратно
Мое здоровье и тепло.

1965

* * *

О, жизнь! Я все тебе прощаю.
И давний голод в недород,
И что увлек меня, вращая,
Большой войны круговорот.

Прощаю бед твоих безмерность —
Они устроены людьми.
Прощаю, как закономерность,
Измены в дружбе и в любви.

Для всех утрат, былых и близких,
Я оправданий не ищу.
Но даже горечь дней колымских
Тебе я все-таки прощу.

И только с тем, что вечно стынуть
Придется где-то без следа,
Что должен я тебя покинуть,—
Не примирюсь я никогда.

1965

МЕТАЛЛОЛОМ

А. Иванову, сатирику

Металлолом! Металлолом!
Киоск дощатый за углом.

Веселый год сороковой.
Цветенье лип над головой.
И мы с товарищем вдвоем
Везем сдавать металлолом.

Тележка дряхлая ворчит
И по булыжнику стучит.
На зависть всем колоколам
Гудит, грохочет старый хлам:

Позеленевшее ведро,
Литое ржавое ядро,
Стальной ошейник для собак,
Екатерининский пятак,
Пустые ризы от икон,
Разбитый древний граммофон...

Давным-давно на свете нет
Скупых примет
Тех дальних лет.

Была военная зима —
Сгорели старые дома.
От прежних лип остались пни,
Давно трухлявые они.

В асфальт оделись города —
Исчез булыжник навсегда...
Товарищ мой погиб в войну
В свою десятую весну.

Что решено,
Что суждено —
Все переплавлено давно.

Но, как и прежде, за углом
Звенит-гремит
Металлолом.

1966

ПРАВДА

Кто додумался правду
На части делить
И от имени правды
Неправду творить?

Это тело живое —
Не сладкий пирог,
Чтобы резать и брать
Подходящий кусок.

Только полная правда
Жива и права.
А неполная правда —
Пустые слова.

1966

* * *

Приход зимы в краю суровом
Я вижу ясно и сейчас:
Холодный ветер с диким ревом
Деревья грозные потряс.

Мне и сегодня снится, снится
Скупого дня последний луч;
Пурга, готовая пробиться
Из тяжело летящих туч;

Снежинок первое порханье
В оцепеневшей синеве,
Когда от моего дыханья
Растаял иней на траве.

1966

* * *

Рокуэллу Кенту

Подъемный кран раскачивает ветер —
Как будто не Москва,
А Колыма
Явилась мне сегодня на рассвете
Сквозь белый пар,
Сквозь белые дома.

И у шоссе костер горит смолисто.
Кипит в котле расплавленный гудрон.
И увлеченно спорят два таксиста,
Осыпанные жестким серебром...

О, странный мир!
Ты повторяешь краски.
Я помню, как не раз я застывал
У тех полотен с видами Аляски,
Где никогда, конечно, не бывал.

Суровый мир.
Скупое освещение.
Холодных, чистых красок торжество...
И в каждой жилке
Зрело ощущение
Немыслимой знакомости его!

И эту сопку в облаке тумана,
И эту тень косую на снегу
Я видел где-то
Возле Магадана.
Вот только точно вспомнить
Не могу.

1966

* * *

Вспоминаются черные дни.
Вспоминаются белые ночи.
И дорога в те дали — короче,
Удивительно близко они.

Вспоминается мутный залив.
На воде нефтяные разводы.
И кричат,
И кричат пароходы,
Груз печали на плечи взвалив.

Снова видится дым вдалеке.
Снова ветер упругий и жесткий.
И тяжелые желтые блестящие
На моей закружившей руке.

Я вернулся домой без гроша...
Только в памяти билось и пело
И березы дрожащее тело,
И костра золотая душа.

Я и нынче тебя не забыл.
Это с той нависающей тропки,
Словно даль с голубеющей сопки,
Жизнь открылась
До самых глубин.

Магадан, Магадан, Магадан!
Давний символ беды и ненастья.
Может быть, не на горе —
На счастье
Ты однажды судьбою мне дан?..

1966

* * *

Вот и жизнь пошла на убыль,
Словно солнце на закат.
И серебряные трубы
В стылом воздухе звенят.

Жизнь моя! Сентябрь звенящий!
Время в прошлом торопя,
Все отчетливей и чаще
Вспоминаю я тебя.

Вспоминаю ранний-ранний
С колокольчиками луг.
На изломах белых граней —
Солнце шумное вокруг.

Вспоминаю малым-малым
Несмышленишем себя...
К тем истокам,
К тем началам
Ты зовешь меня, трубя.

1966

УТИНЫЕ ДВОРИКИ

Утиные Дворики — это деревня.
Одиннадцать мокрых соломенных крыш.
Утиные Дворики — это деревья,
Полынная горечь и желтый камыш.

Холодный сентябрь сорок пятого года.
Победа гремит по великой Руси.
Намокла ботва на пустых огородах.
Увяз «студебекер» в тяжелой грязи.

Утиные Дворики...
Именем странным
Навек очарована тихая весь.
Утиные Дворики...
Там, за курганом,
Еще и Гусиные, кажется, есть.

Малыш хвостинкой играет у хаты.
Утиные Дворики...
Вдовья беда...
Всё мимо
И мимо проходят солдаты.
Сюда не вернется никто никогда...

Корявые вербы качают руками.
Шуршит под копной одинокаямышь,
И медленно тают в белесом тумане
Одиннадцать мокрых
Соломенных крыш.

1966

ДОВОЕННОЕ

Было время демонстраций
И строительных громов,
И горела цифра «двадцать»
Над фасадами домов.

Проезжали с песней мимо
На больших грузовиках
Парни Осоавиахима
С трехлинейками в руках.

И еще плакат безлицый
В память врезался мою:
Кто-то в красных рукавицах
Давит черную змею.

Вспоминается дорога,
Лед на лужах как слюда...
И неясная тревога,
Непонятная тогда.

1966

* * *

Гулко эхо от ранних шагов.
Треск мороза — как стук карабина.
И сквозь белую марлю снегов
Просочилась,
Пробилась рябина

А вдали, где серебряный дым,—
Красноклювые краны, как гуси.
И столбов телеграфные гусли
Всё тоскуют над полем седым.

У дороги, у елок густых,
Если в зыбкую чашу взглядеться,
Вдруг кольнет задрожавшее сердце
Обелиска синеющий штык.

А простор —
Величав и открыт,
Словно не было крови и грусти.
И над белой сверкающей Русью
Красно солнышко
В небе горит.

1966

ПОЛЫНЬ

Ю. Киселеву

О, замри, мое сердце!
Застынь,
Слышишь,
Ветер качает полынь?..

Занимается свет.
Умирает роса.
И росинки блестят,
Словно чьи-то глаза.

Слышу будто бы плач,
Слышу будто бы стон.
Это тонкий полынный
Серебряный звон.

Это все, что когда-то
Случилось со мной,
Тихо шепчет полынь
У дороги степной.

Горьковатая,
Близкая сердцу трава
На холодную землю
Роняет слова...

Все, что в жизни узнать
И увидеть пришлось,
Все на этом рассвете
Сошлось:

И печаль, и тревога,
И зябкая стынь —
Всё — как эта дорога,
Как эта полынь

1966

* * *

Земля необычная здесь,
В Подмосковье.
Над бурым суглинком
Туман невесом...
И вдруг осенило
Забывтой любовью
К тебе,
Мой далекий
Степной чернозем.

Там черные комья
Блестели как уголь,
И в них, как солома,
Ломались лучи.
И в яростном солнце
Скакали за плугом
Такого же черного цвета
Грачи.

Там осенью сердце
Сжималось в тревоге
И давняя память
Стучала в виски.
И, как золотишки,
На черной дороге
Желтели
Потерянные
Колоски.

1966

* * *

Воронеж!.. Родина. Любовь.
Все это здесь соединилось.
В мой краткий век,
Что так суров,
Я принимаю, словно милость,
Твоей листвы звенящий кров.

Согрей меня скупую лаской,
Загладь печальные следы.
И приведи на мост Чернавский,
К раскатам солнечной воды.

И как навязчивая морочь,
Как синих чаек дальний плач,
Растает вдруг пустая горечь
Московских бед и неудач.

И что ты там, судьба, городишь?!
Тебе вовек не сдамся я,
Пока на свете
Есть Воронеж —
Любовь и родина моя.

1966

ДИРИЖАБЛЬ

Один и тот же незабываемый
Я вижу полдень вдалеке:
Бегу босой по теплым плитам
К нагретой солнечной реке.

Туда, где лодки пахнут краской,
Где на лугу стоит яхт-клуб,
Где довоенный мост Чернавский
С перилами из старых труб.

Бегу с бугра тропой полынной
В дремучей чаще лебеды.
В моей руке пятак старинный,
Позеленевший от воды.

И все доступно,
Все открыто,
И ничего еще не жаль.
И надо мной плывет, как рыба,
Огромный сонный дирижабль.

Куда он плыл светло и прямо —
На дальний полюс, на парад, —
Забываемый, вымерший, как мамонт,
Несовершенный аппарат?

Канатов черные обрывки
Под ним чертили высоту.
И было видно на обшивке
Ряды заклепок
И звезду.

Он пролетел над лугом желтым,
Где в лужах светится вода,
И утонул за горизонтом
В дрожащей дымке —
Навсегда.

**А я его так ясно помню.
А я всю жизнь за ним бегу.
В мир непонятный
И огромный
С былинкой тонкой на лугу.**

1966

КОРШЕВО

Ничего в нем вроде хорбшего,
Просто так, большое село.
Облака плывут — мимо Коршева,
Журавли летят — мимо Коршева,
И Битюг блестит как стекло.

А с горы удивляет далями
Неоглядный лесной простор.
Утки дикие кружат стаями,
Отражаясь в воде озер.

И, живя не в ладу с законами,
Рыбаки испокон веков
Острогию бьют щуку сонную
У обрывистых берегов.

И ночами летними странными
В каждом спящем пустом дворе
Лопухи, от росы стеклянные,
Тихо светятся на заре.

1966

* * *

О, мои счастливые предки,
Как завидую нынче вам!
Вашим вербным пушистым веткам,
Вашим сильным добрым рукам.

Слышу дальний звон колокольный.
Это солнце гудит весной.
Вижу белые колокольни,
Вознесенные над землей.

Как легко уходить вам было,
Покидать этот белый свет!
Одуванчики на могилах
Говорили, что смерти нет.

Знали вы, что земные звуки
Будут слышать, назло судьбе,
Ваши дети и ваши внуки,
Вашу жизнь пронося в себе,

Будут помнить о вас и плакать,
Будут вечно хранить, беречь
Ваших яблок сочную мякоть,
Вашей нивы тихую речь...

Как уйду я, кому оставлю
Этот мир, где роса чиста,
Эту полную солнца каплю,
Что вот-вот упадет с листа?

После огненной круговерти
Что их ждет, потомков моих?
И смогу ли жить после смерти
В невеселой памяти их?

И приду ли к грядущим людям
Светлой капелькой на весле?
Или, может быть, их не будет
На холодной, пустой Земле?..

1966

* * *

Все труднее, все труднее пишется —
Слишком жизнь безоблачно светла.
Хорошо то пишется,
Что выжжется
Болью, раскаленной добела.

Шел по жизни.
В трудных бедах выстоял.
Были строки — память грозных лет.
Получилось что-то вроде выстрела:
Боль, как порох, вспыхнула — и нет.

Все пустое, что теперь я делаю.
Я писать, как прежде, не могу.
Сердце — словно гильза обгорелая,
Лишь слегка дымится на снегу...

1966

ПАМЯТИ ДРУГА

В. Радкевичу

1

Ушел навсегда...
А не верю, не верю!
Все кажется мне,
Что исполнится срок —
И вдруг распахнутся
Веселые двери,
И ты, как бывало,
Шагнешь на порог...

Мой друг беспокойный!
Наивный и мудрый,
Подкошенный давней
Нежданной бедой,
Ушедший однажды
В зеленое утро,
Холодной двустволкой
Взмахнув за спиной.

Я думаю даже,
Что это не слабость —
Уйти,
Если нет ни надежды,
Ни сил,
Оставив друзьям
Невеселую радость,
Что рядом когда-то
Ты все-таки жил...

А солнце над лесом
Взорвется и брызнет
Лучами на мир,
Что прозрачен и бел...

Прости меня, друг мой,
За то, что при жизни
Стихов я тебе
Посвятить не успел.

Вольны мы спускаться
Любою тропюю.
Но я не пойму
До конца своих дней,
Как смог унести ты
В могилу с собою
Так много святого
Из жизни моей.

2

Холодное сонное желтое утро.
Летят паутинки в сентябрьскую высь.
И с первых минут пробуждается смутно
Упругой струною звенящая мысль.

Тебя вспоминать на рассвете не буду.
Уйду на озера, восход торопя.
Я все переплачу
И все позабуду,
И в сердце как будто не будет тебя.

Останется только щемящая странность
От мокрой лозы на песчаном бугре.
Поющая тонкая боль,
Что осталась
В березовом свете на стылой заре.

1966

* * *

Неуютный, невеселый,
Неприкаянный рассвет —
Словно сто веков прошел он
По пути с иных планет.

Свет измученный и странный,
Не желая умирать,
Льется в домик деревянный
На раскрытую тетрадь.

И за гранью невозможной
Наступает — хоть убей —
Сон тяжелый и тревожный,
Словно память о тебе.

А за синей кромкой леса,
Где дорога петли вьет,
Тонко-тонко и белесо
День серебряный встает...

Память, память!..
Где найду я
В лабиринте бед и гроз
Эту комнату пустую
В белом шорохе берез?

И кому потом оставлю
В веренице белых дней
Эту трепетную каплю
Краткой памяти моей?

1966

* * *

Голый лес, и на ветках черных
Дождевая блестит вода.
И таится в размытых норах
Неосознанная беда.

Бурых листьев лежат отрепья.
Неуютный туман вдали...
Изувеченные деревья
Руки в стороны развели.

Кости веток ломая с хрустом,
Незажившую боль несу.
И в душе моей тоже пусто,
Словно в этом сыром лесу.

Соберу я сырые ветки.
Буду долго я ворожить.
Будет дым голубой и едкий
Память горькую ворошить.

Будут годы струиться мимо...
Будет больно глазам до слез.
Может, это просто от дыма?
Может, это от прошлых гроз?..

Будут корчиться ветки дуба.
Будет кто-то из тьмы грозить.
Будет ветер сырой и грубый
Пламя трепетное гасить.

Только я все равно нарушу
Черный холод, сковавший бор.
Пусть согреет
Хотя бы душу
Невеселый ночной костер.

1966

БЕЛЯЕВО-БОГОРОДСКОЕ

Беляево-Богородское!
Ветер со всех концов.
Нерадостная, сиротская
Судьба у твоих скворцов.

Бульдозер в красной рубаше
Ровняет твои бугры,
И корчатся, как на плахе,
Сарайчики и дворы.

Потом по всему порядку,
Рыча, как голодный зверь,
Срезает ножом посадку:
Рябину, березу, ель...

А ветер над бурой глиной
Качает сухой бурьян.
Старик у палатки винной
С утра почему-то пьян.

— Обидели нас!
Обидели! —
В слезах причитает он.—
Ведь мы коренные жители,
И нас-то — в другой район!

И площадь дают хорошую —
Живи и не помирай.
А я не хочу жилплощади!
Ты родину мне отдай!..

А вдалеке,
За кранами,
Грибами вокруг холма
Панельные все, «слухмяные»
Растут близнецы-дома...

И черт бы с нею, с деревней,
С грядками огурцов,
Но все-таки жаль деревьев,
Все-таки жаль скворцов.

1966

ПРОЩАНИЕ

Лугов желтеющая роскошь.
За речкой тонкая ветла.
И тихий белый город Россошь,
Где ты к вагону подошла.

Те дни осенние проплыли
Под строгий шепот докторов
О вредности подземной пыли
И резких северных ветров.

И ни квартиры, ни зарплаты.
Больничный горький неуют.
Но очень ласковой была ты
Прощальных несколько минут.

И потому мне показалось,
Что всё — как прежде,
Как всегда.
А это ты со мной прощалась.
Не на неделю —
Навсегда.

Угас в тумане город Россошь...
Где ты теперь, через года?
Кого теперь спокойно бросишь,
Когда опять придет беда?

Что там теперь,
За непочатой,
Пустой страницей бытия,
Где желтый блеск,
Перрон дощатый
И сумка черная твоя?..

1966

* * *

Вот уж белыми метелями
Забинтована земля,
И снегами беспредельными
Тихо светятся поля.

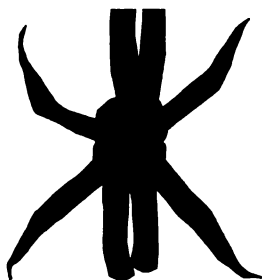
Вот уж дымными полотнами
Укрывается заря,
Над равнинами холодными
Красным золотом горя.

В эти дни невероятные,
Что проносятся, звеня,
Все яснее, все понятнее,
Все доступней
Для меня.

И когда от снега хрусткого
Свет струится по меже —
Нету злого,
Нету грустного,
Нету горького в душе.

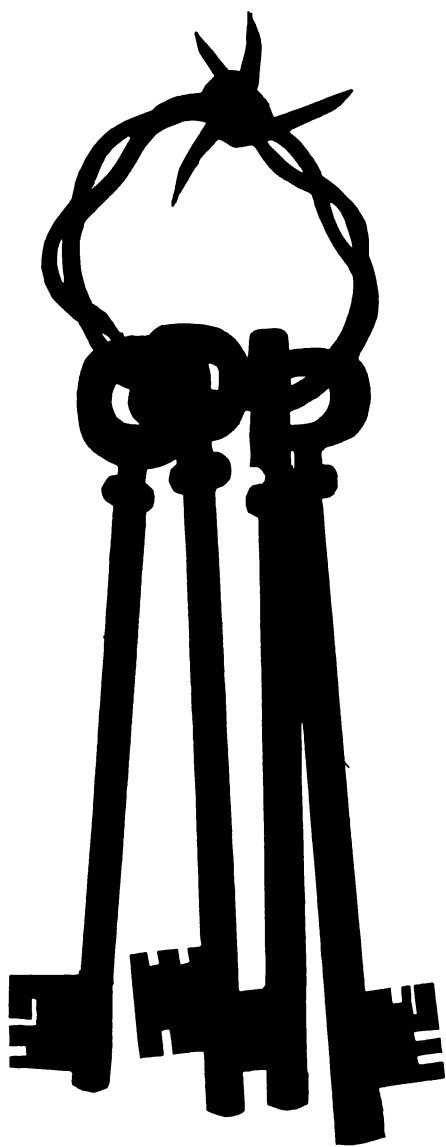
Пусть бросают нас любимые,
Пусть года уже не те —
Все приличней,
Все терпимее
В этой звонкой чистоте.

1966

прозрачные дни

САНИ

И снова вижу: мимо озими,
Где вьюги землю замели,
Скрипит веселыми полозьями
Дорога санная вдали.

Ах, сани легкие, крылатые!
Куда летите вы, куда?
Туда, где белый дым над хатою
Как хвост сибирского кота.

Где пахнет сеном и овчинами,
Где старый ворон на суку.
Где солнце тонкими лучинами
Зажгло зальделую реку.

Ах, сани, сани!
Отзвук прошлого.
Возьмите, милые, меня
Из неудобного
И тошного,
Бензином пахнущего дня.

Возьмите, древние и быстрые,—
Ведь вам не стоит ничего —
От горьких дум,
Друзей неискренних
И от меня
От самого.

1967

* * *

По белокрылым перелескам
В густом снегу
За рядом ряд,
Подобно ангелам небесным,
Земные елочки летят.

И сам лечу я в этой сини,
Лыжной сверкающей бегу,
И стынут кустики полыни,
Слегка звенящие в снегу...

О, время зимнего покоя,
Когда, почти что не дыша,
Любовью, болью ли, тоскою
Не омрачается душа!

Прими меня в свой сон беспечный,
В свой зыбкий холод уведи,
Дорогой трепетной и вечной,
Где что-то мнится впереди.

1967

* * *

Душой распахнутой приемлю
Седой от стужи березняк,
Морозом скованную землю
И дальний-дальний лай собак.

Бежит вперед веселый Рыжик,
С которым я едва знаком,
И белый снег с опаской лижет
Горячим красным языком.

И грустно-грустно, чисто-чисто
У яркой лыжницы в руке
Поет игрушечный транзистор
На итальянском языке.

И впереди, за черной елью,
Вместила солнечная даль
Скупое русское веселье
И итальянскую печаль.

1967

* * *

Заколоченные дачи.
Дятел будит тишину.
Талым снегом сосны плачут.
Чуют близкую весну.

И идет со мной Татьяна
И о чем-то говорит.
Это весело и странно
Называется — «кадрит».

Эх, Татьяна! Хвостик рыжий,
Челка лисьего огня.
Ни черта не закадришь ты
Волка старого — меня.

Это все когда-то было:
И ресницы и глаза.
Это все, как прежде, мило.
Жаль, что вечно так нельзя.

Жаль березу, ту, чье семя
Пало в снежную постель.
Жаль, что время, время, время
Разбивается в капель.

1967

* * *

Все туманнее та страна,
Что придумали мы с тобой.
И давно уж мне не нужна
Ни сама ты,
Ни образ твой.

Только вижу издалека
В белоснежном сквозном лесу
Фантастического зверька,
Чуть похожего на лису.

Распушив золотистый хвост,
Не жалея волшебных сил,
Он бежал через сотни верст —
Письма мне твои приносил.

Разошлись на тропе крутой,
Где тяжелые облака...
И оставили сиротой
Нами созданного зверька.

Закружил его в пустоте
Наших ссор снеговой туман.
Где-то в пасмурной темноте
Сухо щелкнул стальной капкан.

И давно позабыли мы
Тот придуманный нами край...
Только слышится мне из тьмы
Тихий-тихий
Печальный лай.

1967

* * *

Ах, речка, речка Тебердинка!
Меня напрасно не зови.
В тебе растаял,
Словно льдинка,
Последний след моей любви.

Любви случайной, ненадежной
И сердце тронувшей слегка,
Но светлой, звонкой и тревожной,
Как эта горная река.

Она ушла куда-то в небыль,
Как тонкий луч за край земли,
И стала соснами, и небом,
И пылью солнечной вдали.

И только в памяти небыстрой
Она осталась навсегда
Незамерзающей и чистой,
Как эта синяя вода.

1967

ВОСХОД ЛУНЫ

Был мир загадочным и древним.
Во тьме журчала Теберда.
И на зубчатом черном гребне
Возникла крупная звезда.

В сиянье зыбкое одета,
Она стремительно росла
Там, на хребте,
Где тьмы и света
Граница резкая прошла.

И четко-четко в лунном диске
Вдруг стали издали видны
Уступы скал,
Кустарник низкий
И ветка сломанной сосны.

1967

ДИКИЕ ГУСИ

Гуси плавают в горной речке,
Очень трудно плавать гусям.
Гуси жмутся по-человечьи
К неуютным седым камням.

Гуси, гуси! Какой бедою
Занесло вас в глухую падь
С беспокойной этой водою,
Где и пищи не отыскать?

По-над сопками ветер свищет,
Сыплет крупкой в худом леске.
Только гуси все что-то ищут
В каменистом сыром песке.

Туча с неба вот-вот завьюжит
У замшелой речной косы.
Все красней и красней от стужи
Их стремительные носы.

Видно, по сердцу им большая —
Пусть с крупинками злого льда,
Пусть холодная,
Пусть чужая —
Все равно живая
Вода.

1967

* * *

Все в этом мире ново, все здесь вечно.
Восходит солнце,
Словно жизнь моя,
Чтобы опять светло и быстротечно
Сгореть над вечным ходом бытия.

И краткий миг судьбы моей тревожной
И нов и вечен в этой чуткой мгле,
Как нов и вечен
Смятый подорожник
На влажной и суглинистой земле.

1967

* * *

Даль расширилась, раздвинулась
До предельной чистоты.
За окном роняет жимолость
Пожелтевшие листья.

Тихой горечью охваченный,
Я смотрю, смотрю в упор
В этот мир переиначенный,
В этот сломанный забор.

Неприкаянные грешники,
С покосившихся шестов
Уцелевшие скворечники
Грустно смотрят на восток.

Старый пруд зарыт бульдозером.
Ветхий дом сожжен дотла.
Лишь вдали, где было озеро,
Все качается ветла.

1967

* * *

О, Родина! В неярком блеске
Я взором трепетным ловлю
Твои проселки, перелески —
Всё, что без памяти люблю:

И шорох рощи белоствольной,
И синий дым в дали пустой,
И ржавый крест над колокольней,
И низкий холмик со звездой...

Мои обиды и прощенья
Сгорят, как старое жнивье.
В тебе одной — и утешенье
И исцеление мое.

1967

* * *

Вот и снова мне осень нужна,
Красных листьев скупое веселье,
Словно добрая стопка вина
В час тяжелого, злого похмелья.

Вот и снова готов я шагать
По хрустящим бурьянам за город,
Чтобы долго и жадно вдыхать
Этот чистый целительный холод...

Тяжелее струится вода.
Горизонт недалек и прозрачен.
И полоскою тонкого льда
Тихий берег вдали обозначен.

А вокруг ни единой души.
И обрывы от инея белы.
И в заливе дрожат камыши,
Словно в сердце вонзенные стрелы.

1967

* * *

А. Яшину

Иду в полях. Куда — не знаю.
Межой хрустящею иду.
Я все о чем-то вспоминаю,
Я все чего-то не найду.

Наверно, я ищу рябину,
Степной обветренный дичок.
Вот подойду и сердце выну,
Повешу сердце на сучок.

И буду жить без слез, без тягот.
Дроздов веселая семья
Обрадуется цвету ягод,
А это просто — кровь моя.

1967

ПОЛЕ БОЯ

О, поле боя, поле боя!..
Воронеж. Мне двенадцать лет.
И солнце светится рябое
На змейках пулеметных лент.

Нам повезло невероятно.
Растаял снег, ушла зима.
Винтовочных и автоматных
Патронов всюду
Просто тьма.

Наверно, в тех кустах полевых
По комьям плачущей земли
Меж черных проволочек минных
Нас божьи ангелы вели.

Там был один окоп оплывший,
И в нем, откинувшись назад,
Стоял, как памятник,
Застывший,
Погибший осенью солдат.

Худой, остриженный, белесый...
И прямо в середину лба
Осколком черного железа
Его отметила судьба.

Песок по брустверу ссыпался.
Былинки ежились, шурша.
Сжимали скрюченные пальцы
Чуть поржавевший ППШ...

Немая горечь той картины
Из детской памяти ушла,
Но, словно взрывом старой мины,
Сегодня сердце обожгла.

...Я вижу вновь перед собою,
Уже не в детстве — наяву,
То роковое поле боя,
Сухую ржавую траву.

Путем извилистым и длинным —
Уже который год подряд!—
Я вновь и вновь иду по минам
Моих печалей и утрат.

И понимается до боли,
До горьких дум в конце пути,
Что жизнь —
Она как это поле,
И надо поле перейти.

1967

* * *

И. Н.

Обманулась ветка ивы —
Осень теплая была.
Ветка ивы торопливо
В день ноябрьский расцвела.

А метель вот-вот завьюжит,
Лед заблещет на воде.
Мне, как ветке, нынче нужен
Друг, что выручит в беде.

Вот мороз трещит над миром
Все грозней и все сильней.
А в бутылке от кефира —
Нитки тонкие корней.

Мне не надо утешенья,—
Друг мой милый,
Помоги:
Сохрани мое цветенье
От мороза и пурги.

1967

ГАДАНИЕ

Смешное древнее искусство,
Пустая вера в чудеса!..
В мою ладонь ты смотришь грустно,
А я смотрю в твои глаза.

И в них, печальных и усталых,
Сквозь пелену былых обид
Лукавства маленький кристаллик
Легко и весело дрожит...

Гадай, пожалуйста. Вот руки.
Судьбу неясную зови.
Смотри, как линия разлуки
Подходит
К линии
Любви.

1967

* * *

И пусть была лишь одурь пьяная,
Пусть вовсе не было любви,—
Возникло тонкое и странное,
Что не изучено людьми.

Неощутимое, невнятное,
Неразличимое почти,
Как та звезда голубоватая,
Едва мелькнувшая в ночи.

Ее как будто бы и не было,
Но, догоревшая дотла,
В холодном мраке, в черной небыли
Она ведь все-таки была.

1967

* * *

Себя ни капли не жалея,
Припомнив боль недавних дней,
Я стал серьезней и честнее
В холодной осени моей.

И то, что мнилось мне видением,
Вторым явлением с небес,
Вдруг оказалось наваждением,
Где вовсе не было чудес.

Где были беды и усталости,
Мои печали и твои,
Где не было лишь самой малости —
Звенящей капельки любви.

1967

* * *

Л. О.

Поднимается белый холодный рассвет.
В мерзлых лужах
Пожухлая стынет трава.
Словно в жизни хорошего больше и нет,
Только грудь все болит,
Да болит голова.

Обещая сиянье сентябрьского дня,
Скоро хлынет заря —
На больницу, на парк...
Милый доктор! Домой отпустите меня,—
Я бы с сыном сегодня пошел в зоопарк.

Посмотрели бы белых полярных лисиц
И попили с печеньем в кафе молока.
Покормили бы первых осенних синиц
На площадке подросшего молодняка...

И плясал бы медведь.
И смеялся бы сын.
Очень весело было бы мне и ему.
Я бы очень толково ему объяснил
Все его бесконечные «как?», «почему?»

Полыхает заря,
Тонко-тонко звеня.
В нежном розовом свете
Березовый парк...
Милый доктор!
Домой отпустите меня,—
Я бы с сыном сегодня
Пошел в зоопарк.

1967

* * *

Желтый дом. А стены белые.
Белых стен неровный круг.
Да рябины обгорелые
Поразбросаны вокруг.

Вдалеке на почве глинистой
Чахнут желтые цветы.
Мыслью тонкой и извилистой
Вновь и вновь приходишь ты.

Старый друг с грибной корзиною!
Ты зовешь меня с горы.
И укол аминазиновый
Сам прошу я у сестры.

Тонкий шприц. И все закончено.
И тяжелый долгий сон.
И бурьян густой, всклокоченный
Все шуршит со всех сторон.

1967

* * *

Отсюда выпишусь не скоро...
И будет долго мне видна
Высоковольтная опора
Из запотевшего окна.

А если солнце глянет выше —
Увижу дальние кусты,
За пашней — розовые крыши,
На клумбах — чахлые цветы.

И вовсе незаметный раньше,
Предстанет вдруг, как наяву,
Холодный поздний одуванчик,
Упавший в мокрую траву.

1967

* * *

За рядом желтокорых яблонь,
Вдруг оказавшись на виду,
Пожухли, скорчились, озябли
Кусты сирени на ветру...

А мне сегодня тридцать восемь...
Считаю медленно в тиши,
В который раз приходит осень
В звенящий сад моей души.

Святое время листопада,
Горенье буйное в листве!
Пусть все свершается как надо
В твоём могучем торжестве.

Бушуй огнем своим нелетним,
Греми железом крыш пустых.
Одно прошу: не будь последним
В шеренге осеней моих.

1967

* * *

В середине перелеска,
Словно память о былом,
Осень, чистая, как детство,
Клены трогает крылом.

Не осенний
И не летний
Бродит ветер по траве.
Все заметней,
Все заметней
Жилки красные в листе...

Как мне быть
И что мне делать?
Как я жил
И что я смог?..
И бодрит больное тело
Неосенний ветерок.

Ветер носит птичьи перья,
И вдали кричит сова...
Но живут еще деревья,
И растет еще трава.

В середине перелеска,
Словно память о былом,
Осень ясная, как детство,
Клены трогает крылом.

1967

ИРИНЕ

В тумане плавают осины,
И холм маячит впереди.
Неудивленно и несильно
Дрожит душа в моей груди.

Вот так, наверно, и застыну,
И примет мой последний взгляд
Морозом схваченную глину
И чей-то вырубленный сад.

Издаেকে, из тьмы безгласной,
Где свет качается в окне,
Твой лик печальный и неясный
На миг приблизится ко мне.

Уже без вздоха и без мысли
Увижу я сквозь боль и смерть
Лицо, которое при жизни
Так и не смог я рассмотреть.

1967

* * *

Дохнул на лес прохладный ветер.
Притихли бойкие дрозды.
И огоньками бересклетин
Зажглись поблекшие кусты.

И за рябиной придорожной,
За тенью старого плетня
Прозрачней, чище и тревожней
Блестит осенняя стерня.

1967

* * *

Вере Ивановне

Как сердце устало!
Как нужно покоя.
Хотя бы на несколько ранних минут,
Чтоб выйти в осеннее чистое поле
И знать, что тебя не зовут и не ждут.

Чтоб лес вдалеке.
Хорошо, если сосны.
Чтоб просто идти, никого не виня.
Чтоб было прозрачно, легко и морозно.
Чтоб тихо у ног шелестела стерня.

Как сердце устало!
Как нужно минуту:
Уйти, раствориться в туманной заре,
В чернеющем поле, ветрами продутом,
В просторном, холодном, седом ноябре.

1967

* * *

Наконец пришло спокойствие.
Листья падают, шурша.
И рябиновыми гроздьями
Наслаждается душа.

Спит ручей за тонкой наледью,
Сонно, медленно струясь.
Между ним и давней памятью
Есть таинственная связь.

Сердце чувствует согласие
Свежих ран и дальних вех...
Снегири сидят на ясене,
Сыплют семечки на снег.

1968

* * *

А. Твардовскому

Осень, опять начинается осень.
Листья плывут, чуть касаясь воды.
И за деревней на свежем покосе
Чисто и нежно желтеют скирды.

Град налетел. Налетел и растаял
Легким туманом в лесной полосе.
Жалобным криком гусиная стая
Вдруг всполошила домашних гусей.

Что-то печальное есть в этом часе.
Сосны вдали зеленой и видней.
Сколько еще остается в запасе
Этих прозрачных стремительных дней?

Солнце на миг осветило деревья,
Мостик, плотину, лозу у пруда.
Словно мое уходящее время,—
Тихо в затворе струится вода.

1969

* * *

Кто занес тебя, береза,
На такую высоту —
Выше леса,
Выше плеса,
Прямо к самому кресту?

Хорошо ль тебе живется
На старинных кирпичах?
Что за птица рядом вьется
В белых солнечных лучах?

И куда ведет дорога
Вдоль синеющих столбов?
Что там слышно возле бога,
Возле ржавых куполов?

Может быть, сквозь грозы злые
Видно с гулкой высоты
Все года мои былые,
Все начальные мечты?..

Черный пруд в наплывах тины.
Отраженья облаков.
Ребятишки у плотины
Ловят сетками мальков.

Может, это я у хлева
Тихим мальчиком стою
И ломоть ржаного хлеба,
Глядя на небо, жую?

И смотрю на край откоса,
И никак не ясно мне:
Почему растет береза
На разрушенной стене?

1969

* * *

Приехала мать из Воронежа,
Из милой моей стороны.
И мысли притихли тревожные,
И вспомнились детские сны.

Сидим, говорим про забытую,
Седую почти старину,
Про давние годы несытые,
Про дом, про родню, про войну...

И теплым дыханием родины
Согрет мой нерадостный быт...
Да, много нелегкого пройдено,
И много еще предстоит.

Но все же какие хорошие
Нам в жизни минуты даны!..
Приехала мать из Воронежа,
Из милой моей стороны.

1969

УГЛЯНЕЦ

За стылым лесом, за болотом,
Где сизый дым в траву упал,
Ходили куры под заплотом
Из старых прокопченных шпал.

Еще там мельница стояла —
Четыре сумрачных крыла.
И сено желтое пылало
На взгорке около села.

Мы просто мимо проходили.
Был виден домик и заплот.
И весело зенитки били
В большой зеленый самолет.

И не попали, не попали,
Хотя так низко он летел!
И черные дымки пропали
Вдали, где ельничек редел.

И плечи тер тяжелый ранец,
И на ходу сказали мне,
Что рядом здесь село Углянец,
Оно осталось в стороне.

Лишь помню руки сбитых веток,
Шальную кошку на избе.
Да был ли он, Углянец этот,
Когда-нибудь в моей судьбе?

Но в памяти, где брезжит юность,
Все догорает тот стожок,
Который там
Тот самый «юнкерс»
Своими пулями зажег.

* * *

Сухая внуковская осень.
На взгорках убраны овсы.
На славу вымахала озимь
До самой взлетной полосы.

Резвится ветер в небе чистом,
Чужие флаги шевеля.
Какого-то премьер-министра
Встречает русская земля...

За грозным ревом самолетным
Никто не видел, как прошли
Неясным клином перелетным
В холодном небе журавли.

И на обветренных покосах
Блестит стерня со всех сторон.
И тихо светится в березах
Седая боль былых времен.

Но все как будто бы забыто
Землей, природой и людьми.
И даль и сердце — все открыто
Покою, свету и любви.

1969

* * *

Поле, поле. Свет спокойный
Розовеет на стерне.
Словно все огни и войны
Грохотали в стороне...

Может, это только снится —
Эти желтые поля,
Эти узкие бойницы
Белого монастыря?

Может, вдруг ударит выстрел,
Словно гром над головой,
И растает в небе чистом
Серый дым пороховой?..

1969

* * *

Спит рядами теплый ельник,
А у края, на юру,
Сиротинка можжевельник
Зябко ежится к утру.

Невысокий, неказистый,
Сизоватый от росы
Одинокий куст смолистый
Среднерусской полосы.

Можжевельничком зеленым
Посыпали в старину
Путь последний, похоронный,
В неудобную страну...

Вот какой обычай дальний
На холодном на ветру
Вдруг напомнил мне печальный
Можжевельник на юру.

1969

ВИНТОВКА СВТ

Когда-то ею на парадах,
Пока не грянула война,
Новейшей, десятизарядной,
Так любовалась вся страна!

О, ряд штыков, блестящих, плоских!
Он с детства памятен и мне.
И звонкий шаг у стен кремлевских,
И первый маршал на коне...

Но трудный опыт горькой правды
С годами памятней вдвойне:
То, что годится на парадах,
Не все годится на войне.

И в грозный час военной стужи
У огневого рубежа
То неудачное оружие
Сменил надежный ППШ...

Но почему-то так непросто,
Так странно стало на душе,
Когда тяжелый длинный остов
Нашел я в старом блиндаже.

Я этот ствол стальной и ржавый
Не мог спокойно обойти:
В нем наша боль,
И наша слава,
И века нашего пути.

1969

* * *

Ржавые елки
На старом кургане стоят.
Это винтовки
Когда-то погибших солдат.

Ласточки кружат
И тают за далью лесной.
Это их души
Тревожно летят надо мной.

1969

* * *

Кукует поздняя кукушка.
Клубится пар грибных дождей.
Дубы качают на верхушках
Пучки зеленых желудей.

И я иду тропинкой хвойной,
Травинку горькую грызу.
И так чудесно, так спокойно
В согретом солнечном лесу!

Но не могу переупрямить
Ту боль, что сердце мне свела,—
Моя измученная память
Гудит во все колокола.

Гудит во мне глухим набатом
О днях ошибок и потерь,
О том, что сделано когда-то
Не так, как сделал бы теперь...

А лес шумит на косогоре...
Скажи, кукушка, сколько дней
Еще мне жить,
Еще мне спорить
С жестокой памятью моей?

1969

КОЛОМЕНСКОЕ

А за окошком — родина:
Подъемный кран да глина.
Да желтая болотина,
Да красная калина.

А поправей немного,
В серебряной росе —
Веселая дорога —
Каширское шоссе.

И листья кружат в танце,
И ветки — словно сеть.
И едут иностранцы
На церковь поглазеть.

Летящая, как слава,
Из глубины веков,
Для них она — забава,
А для меня — любовь.

И вдалеке за горкою —
Поля, поля, поля...
Польны ветка горькая
Она — как жизнь моя.

Привет родному краю!
Я весь навеки твой,
Я медленно сгораю
С березовой листвой.

1969

* * *

По лесному перелогу,
По ракитовым кустам
Прямо выйду на дорогу
К дорогим моим местам.

С ручейком посередине
Сыроватый редкий бор.
Там сорока на осине
Мне знакома с давних пор.

Удивляясь, словно чуду,
Всяким травам и хвощам,
Понемногу позабуду,
Что кому наобещал.

Позабуду день, что прожит
В бестолковой толкотне,
И друзей моих хороших,
Что злословят обо мне.

Ничего она не стоит,
Вся на свете суета,
Рядом с мудрой красотой
Придорожного куста.

1969

* * *

Зеленые дали померкли.
Но осень суха и чиста.
По старой разрушенной церкви
Узнаю родные места.

Динамик гремит у дороги
О первых полетах к Луне.
Давно позабыли о боге
В родимой моей стороне.

Трава зеленеет привольно
В проломах заброшенных стен.
Взбираются на колокольню
Рогатые черти антенн.

И только у края покоса
Над желтой осенней парчой
Тревожно мерцает береза
Нетянутой тонкой свечой.

1969

* * *

Заигрался камышинкой
Ветер с самого утра.
Называется Лапшинкой
Деревенька в три двора.

Здесь ромашкам нет помехи
На заброшенном гумне.
Здесь я словно в прошлом веке,
В дальней дедовской стране.

Если б только над карнизом,
Где ютятся воробьи,
Не топорщил телевизор
Рожки тонкие свои;

Если б только хриплым свистом
В этот тихий край берез
Не врывался сквозь транзистор
Мир сомнений и угроз;

Если б не было тревожно
От сегодняшних примет,
То и вправду было б можно
Превозмочь движенье лет.

1969

* * *

Невыразимой сладкой тишью
Полны осенние луга.
И с высоты следит за мышью
Проворный сокол пустельга.

То на высокий провод сядет,
То снова вьет свои круги...
А у болота ветер гладит
Сухие заросли куги.

И ничего не надо больше:
Смотреть на чистые поля,
На облетающие рощи
Желтеющего сентября.

Смотреть бездумно и беспечно,
С ребячьей радостью вокруг —
Как будто жизнь чиста и вечна,
Как этот золоченый луг.

Как будто может повториться
На том печальном рубеже
И эта даль,
И эта птица,
И этот лютик на меже.

1969

* * *

Черные листья осины.
Зелень кукушкина льна.
Дивной, неведомой силы
Русская осень полна.

Птицы ли вдаль улетают,
Жгут ли на поле жнивье,—
Эта пора наполняет
Нежностью сердце мое.

Как бы прошел я все муки
В той неуютной дали,
Если б не помнил в разлуке
Запах родимой земли?

Да и сегодня, пожалуй,
Жить мне трудней бы пришлось,
Если бы грудь не дышала
Светом притихших берез.

Если бы снова и снова
Не осыпал я росу
С зонтиков болиголова
В этом осеннем лесу.

1969

* * *

Капустная синяя свежесть.
И красные клены вдали.
Последняя кроткая нежность
Притихшей осенней земли.

И сердцу легко и тревожно.
И в речке густеет вода.
Неужто когда-нибудь можно
Все это забыть навсегда?

И эти намокшие колья,
И стадо на том берегу,
И зелень свекольного поля
На сизом остывшем лугу?

И эти кусты, и осинки,
И берег с холодной травой,
И женщину в красной косынке
Над свежей зеленой ботвой?

1969

* * *

Туман слонится тонко,
И сумерки свежи.
И плачет перепелка
В голубоватой ржи.

И сумрак незаметно
Дорогу заволок.
И не дрожит от ветра
Осиновый колок.

Уже притихли дачи,
И свет зари угас.
На башне водокачки
Зажегся красный глаз.

Но солнце свет прощальный
Еще на землю шлет,
Неярко освещая
Летающий самолет.

1969

* * *

Желтоватые покосы,
Ежевика в старых рвах.
И качаются березы
На разрушенных церквах.

Как прекрасна эта доля:
Видеть каждый божий день
Это небо,
Это поле,
Этот ивовый плетень.

Уходить,
Зарю встречая,
В эти стальные леса.
Слушать нежное звучанье
Серебристого овса.

1969

* * *

Лаает собака с балкона,
С девятого этажа.
Странно и беспокойно
Вдруг встрепенулась душа.

Что ты там лаешь, собака?
Что ты мне хочешь сказать?
Кто-то высоко, однако,
Вздумал тебя привязать!

Падает снег осторожно
В белые руки берез...
Но почему так тревожно
Лаает привязанный пес?

Вспомнилась черная пашня,
Дальних собак голоса,
Маленький одноэтажный
Домик, где я родился.

1969

* * *

Здесь, на окраине, над лугом,
Был дом, украшенный резьбой.
И был рассыпан черный уголь
Под водосточною трубой.

И доносился сладкий привкус
С далеких нив, где зрела рожь.
И выносили пыльный фикус
На теплый пенный летний дождь.

Здесь тополя цвели в истоме,
В том чистом мире детских лет,
Здесь я родился, в этом доме,
Которого давно уж нет.

А мне он так сегодня нужен,
Тот ранний мир моей души,
Где я с восторгом шел по лужам,
Не зная горечи и лжи.

Он где-то здесь, под пепелищем,
В глубинах сердца, в толще дней...
Мы все его тревожно ищем
В суровой зрелости своей.

1969

* * *

Называлась улица
Касаткина Гора.
Домики сутулятся
На краю бугра.

Революционные
Митинги прошли.
Авиационная —
Гору нарекли.

Желтая акация,
Тишь да соловьи.
Где тут авиация,
Милые мои?

Рядом церковь древняя...
Но табличка та
Памятником времени
Стала навсегда.

Время было дивное,
Буйное, как хмель,
Славное, наивное...
Где оно теперь?

1969

* * *

Над улицей галки кричали,
Был солнцем булыжник согрет.
То было в далеком начале
Моих убывающих лет.

Запомнились семечки вяза
На влажной и теплой земле:
Такие кружочки ни разу
Еще не встречались мне.

Те семечки блеклого цвета
Мне виделась давней весной
Пистонами для пистолета,
Игрушки моей жестяной...

А нынче под деревом этим
Я сына за ручку веду.
И есть у него пистолетик —
Такие и нынче в ходу.

И сын удивляется странным
Кружочкам в воде дождевой.
И мир — золотой, первозданный —
Шумит над его головой.

1969

* * *

Послевоенная Россия,
Буханка хлеба — сто рублей.
Но если бы сейчас спросили,—
Дней не припомню веселей.

Наверно, жизнь лишь в раннем детстве
Так первозданна и свежа,
Что никаких утрат и бедствий
Не хочет принимать душа.

Я убегал тогда с урока
В запретный ельник за селом.
И ржавый танк с пробитым боком
Не увезли в металлолом.

Над обездоленной равниной
Дымок струился от села.
И блиндажей сырая глина
Еще травой не заросла.

Но я судьбою был доволен,
И сердце прыгало в груди.
И жизнь весенним теплым полем
Еще синела впереди.

1969

* * *

Загорелась листва на березах.
Засветился в низинах туман.
И в предчувствии первых морозов
Помрачнел придорожный бурьян.

И за ветками черных осинок,
За сырым и холодным жнивьем
Пробивается зелень озимых,
Словно память о детстве моем.

Вспоминается звон у колодца
На далекой-далекой заре,
Безымянная речка, болотце,
Голубая трава в серебре...

И в предчувствии вечной разлуки
На краю убывающих дней
Вспоминаются нежные руки,
Руки матери милой моей.

1969

* * *

Трещит горящая берёста.
Звенит вдали бензопила.
И кажется: все в жизни просто
И нет ни горечи, ни зла.

Нет ни заботы, ни помехи.
И на душе так хорошо,
Как на осенней лесосеке —
Просторно, чисто и свежо.

А если ствол упавший хрустнет,
То это все не страшно мне,—
Должна же быть хоть капля грусти
В прозрачной этой тишине.

Ведь рядом с тихой печалью
О том, что жизнь кратка моя,—
Торжественней, необычайней
Земная радость бытия.

1969

* * *

Редко-редко покажется солнце.
От дождей почернели плетни.
И хромой журавель у колодца
Вспоминает весенние дни.

Скоро вьюги засвищут, засеют,
Заиграют шальной хоровод.
И покроется жухлая зелень
Первым снегом осенних невзгод.

Безымянная речка застынет.
И над белой землей поутру
Только черные былки польни
Будут тихо шуршать на ветру.

1969

• • •

После дней сырых и грязных,
После горечи и слез
Вдруг пришел —
Как светлый праздник —
Звонкий утренний мороз.

Там, где черные бурьяны
Шелестели на ветру,
Белым инеем
Поляны
Засверкали поутру.

И печали улетели,
Улетели далеко.
И на сердце
В самом деле
И просторно и легко!

И звенит ручей в овраге.
И туман стоит в бору.
И рябины —
Словно флаги —
Полыхают на ветру.

1969

* * *

Там, за окраинным домом,
Легкая снежная мгла.
Чем-то до боли знакомым
Пахнет сырая ветла.

Там кольцевая дорога,
Черточки синих столбов.
Вечная чья-то тревога,
Вечная чья-то любовь.

Ветер у старой церквушки
Снежную стелет постель.
Кровью рябин по опушке
След не моих ли потерь?

А за пригорком покатым —
Леса далекий рубеж.
Там, над последнею хатой,
Дым не моих ли надежд?

1969

* * *

За вербным перелеском
Куски речного льда
Несет с веселым плеском
Весенняя вода.

Стоит дымок в березах,
И солнце вдоль реки
Горит на красных лозах
Пушистой шелюги.

И от глухой обиды,
От всех моих забот
Остался только битый
Голубоватый лед.

Изломанный и острый,
С подтаявших низин
Его вода уносит
До следующих весен,
До следующих зим.

1969

* * *

Тихое поле над логом.
Чистый холодный овес.
И за обветренным стогом
Рощица тонких берез.

Родина! Свет предосенний
Неомраченного дня.
Желтым потерянным сеном
Чуть золотится стерня.

Бледные ломкие стебли
Жмутся к косому плетню.
Эту неяркую землю
Каждой кровинкой люблю.

Если назначена доля
Мне умереть за нее —
Пусть упаду я на поле,
В это сухое жнивье.

Чтобы уже не подняться,
Чтобы в последней беде
Нежно щекою прижаться
К пыльной сухой борозде.

1969

* * *

Опять в полях светло и пусто.
Солома, ветер и песок.
И в синем холоде капуста,
И в желтом пламени лесок.

И незабываемый, изначальный,
В тиши прозрачной и сырой —
Далекий ровный и печальный
Стук молотилки за горой.

Сырой лужок о трех ракидах,
Осока стылая в воде.
И ряд колосьев, позабытых
На обнаженной борозде...

Когда еще, какие дали
Помогут мне хотя б на миг
Забиться в праздничной печали
От невеселых дум моих?

И на какой другой излучке,
В каком непройденном пути
Смогу забыть о той разлуке,
Что неизбежна впереди?

И на каком другом рассвете,
В какой неведомой глуши
Так ощущается бессмертье
Колосьев, ветра и души?

1970

* * *

Памяти Б. Батуева

Голубеет осеннее поле,
И чернеет ветла за рекой.
Не уйти от навязчивой боли
Даже в этот прозрачный покой.

Потемнела, поблекла округа —
Словно чувствует поле, что я
Вспоминаю погибшего друга,
И душа холодеет моя.

И кусты на опушке озябли,
И осинник до нитки промок.
И летит над холодной зябью
Еле видимый горький дымок.

1970

* * *

Л. Аннинскому

Белеет зябь морозными ожогами.
За голым лесом дымная заря.
Опять иду звенящими дорогами
Бесснежного сухого декабря.

Опять, наверное, погибнут озими,
Промерзнут обнаженные поля.
От этой долгой,
Бесконечной осени
Устала и измучилась земля.

Уже дубы в последнем редком золоте
На пустыре застыли не дыша.
И беззащитна,
Как свеча на холоде,
В глухом просторе хрупкая душа.

И словно нет предела безотрадности,
И страшно в этом холоде пропасть...
Пора бы сердцу отогреться в радости,
Пора бы снегу теплому упасть!

1970

* * *

Согрело мартовское солнце
Еще заснеженную степь.
Позолотило у колодца
Бадью обмерзшую и цепь.

Уже готовые для сева,
Рокочут где-то трактора.
И дух оттаявшего сена
Струится с дальнего бугра.

И после долгого ненастья
Опять простор широк и свеж.
Опять рукой подать до счастья,
До всех несбывшихся надежд.

И ждет душа отрады вешней,
Благословенного тепла,
Как почерневшая скворечня,
Как обнаженная ветла.

1970

* * *

Опять я подумал о родине,
Где стынет в росе лебеда,
Где в старой замшелой колодине
С утра холодеет звезда.

Там черные тени в дубраве
И белый над берегом сад.
И можно не думать о славе
И слушать, как листья летят...

Там речка прозрачна, как детство.
Там рыжим кустам камыша,
Наверное, точно известно:
Бессмертна ли наша душа.

1970

* * *

Значок ГТО на цепочках
На форменной куртке отца.
И тополь в серебряных почках,
И желтый песок у крыльца...

В эпоху сомнений и бедствий
До самого смертного дня
Нетленная память о детстве
Уже не оставит меня.

И видится, словно вначале,
Та первая в жизни беда,
Как будто по свету не мчали
Меня роковые года.

Все видится дымное небо,
Изломанный танками сад,
Горбушка казенного хлеба,
Что дал незнакомый солдат.

Видения дальнего детства
Опять меня сводят с ума,
Как будто не вдавлены в сердце
Россия, Сибирь, Колыма...

Как некое странное бремя,
С тревожным моим бытием
Дано мне застывшее время
В усталом сознание моем.

Там хата с колючей соломой,
Поющий за печкой сверчок...
Какой-то солдат незнакомый.
Какой-то старинный значок.

1971

* * *

Здравствуй, степная деревня!
Белый сухой полынок.
Стали родные деревья
Черными пнями у ног.

Родина! Хатой саманной,
Стылой лозой у плетня,
Далью пустой и туманной
Снова ты манишь меня.

Ветер за старой повестью
Треплет кусты конопли.
Нет и не будет на свете
Ближе и горше земли.

Свет золотой и тревожный.
Что еще там впереди?
На обнаженные пожни
Скоро прольются дожди.

Все ли я сделал на свете,
Чтобы спокойно глядеть
В дали холодные эти,
В эту сентябрьскую медь?

Может, за далью размытой,
За луговиной степной
Что-то навеки забыто,
Что-то потеряно мной?

Что там темнеет у стога
Сквозь просяное жнивье?
Может быть, это дорога
В дальнее детство мое?

Что там вечерняя синька
Прячет в просторе полей?
Может быть, это косынка
Матери старой моей?

1971

* * *

Знакомый край с холодной далью,
С тревожным шумом камыша.
Твоей березовой печалью,
Как прежде, полнится душа!

Все те же выцветшие флаги
Качает ветер у крыльца.
И жгут костер в сухом овраге
Два босоногих огольца.

Как прежде, вьется дым летучий
На суходолы и лога.
И веет холодом из тучи
На прошлогодние стога.

И на безлюдном побережье
Опять волнуется лоза.
И холодит ладонь, как прежде,—
Дождинка, капелька, слеза.

1971

* * *

Как жалобно ястреб кричит
На этой опушке глухой.
И ветер полынью горчит
И трогает вереск сухой.

Здесь черные листья дрожат
На старых кустах бузины.
Здесь черные гильзы лежат
В окопах последней войны.

Как много простора для глаз!
Какое безлюдье кругом!
И снова в назначенный час
За лесом гремит полигон.

И клочья колючей стерни
Взлетают над полем седым.
И давние горькие дни
Напомнил тротилловый дым...

А к ночи — опять тишина.
Лишь ветер гуляет в бору.
Как будто уснула война
И снова проснется к утру.

1971

МЕЛЬНИЦЫ

Машут крыльями мельницы
В сорок третьем году.
В чистом поле чернеются
На юру, на виду.

За холодными хатами
Ветра зимнего стон.
От былых элеваторов —
Обгорелый бетон.

Но пока не рассеется,
Не откатится враг —
Машут крыльями мельницы
В черноземных степях.

Ветряные, старинные,
На скрипучей оси.
Словно в годы былинные
На Великой Руси.

Словно заново найдены
Силы древней земли.
Словно дальние прадеды
К нам на помощь пришли.

Пусть вдали за покосами
Дыма траурный креп.
Будет поле с колосьями,
И победа, и хлеб!

Машут крыльями мельницы
Сквозь лихие года.
Вся беда перемелется
Навсегда, навсегда.

1971

* * *

Воронеж, детство, половодье.
Зеленый плавающий лед.
И солнце держит за поводья
Над белой тучкой самолет.

Военный — маленький, двукрылый,—
Защита грозная страны...
А вдалеке за рощей стылой
Поля озимые видны.

Там, за рекой, село Придача
За гулкой дамбой,
За мостом.
И церковь белая маячит,
Сияет золотым крестом.

И тихий звон летит по свету,
В упругом воздухе плывет.
И знаю я,
Что бога — нету...
И кружит в небе самолет...

И жизнь моя еще в начале.
И даль аукает: «Иди!..»
И нет ни бога,
Ни печали.
И все, что будет,—
Впереди.

1972

* * *

Больше многих других потрясений,
Что отпущены щедрой судьбой,
Помню солнечный день предвесенний,
Помню город разрушенный мой.

Бело-розовый, зыбкий — от снега.
От кирпичных разрубленных стен,—
Он теснился до самого неба,
Словно в белом тумане летел.

Незнакомый, притихший, суровый —
Словно призрачный дымный погост...
А вдали золотился сосновый,
Наведенный саперами мост.

На ступенях знакомого спуска,
Ах, как сердце забилось тогда!
Вот и домик на улице узкой...
Но была за углом — пустота...

Только виделись дальние дали —
Необычно, просторно, светло.
Только черные птицы летали
И поземкой с обрыва мело.

Тополей обгорелые руки.
Обнаженный пролет этажа...
В первый раз
Содрогнулась от муки
Защищенная детством душа.

1972

* * *

У степного переезда
Предвечерняя полынь.
И откуда — неизвестно,
Слишком ранняя теплынь.

Год назад пришла победа...
Паровоз свистит вдали.
Теплый руль велосипеда,
Дух горячий от земли.

Еду тропкой пришоссейной,
Задеваю лебеду.
А велосипед — трофейный,
Очень легкий на ходу...

Я живу, еще не зная,
Что дорога нелегка,
И полынь в начале мая
Не особенно горька.

Впереди иные грозы.
Дышит с юга суховей...
Тихо светятся березы
По окраинам полей.

Непонятна, неизвестна
Отуманенная синь.
И дрожит у переезда
Придорожная полынь.

1972

* * *

Снова дрогнуло сердце от боли.
Снова падают листья в ручей.
На изрытом картофельном поле
Собираются стаи грачей.

Впереди, за лугами пустыми,
Где кончается желтый покос,
Что там видится в розовом дыме
За вершинами стылых берез?..

Вот и вечер пришел незаметно.
И просторы уснули в тиши...
Может, все-таки вправду бессмертна
Хоть какая-то память души?

Может, в чем-то возможна бескрайность,
Над которой не властны года?
Если в смерти забудется радость,
Пусть продлится хотя бы беда.

Чтоб лететь и лететь по раздолью
Под стихающий крик журавлей
Этой вечной березовой болью
Над просторами сонных полей.

1972

* * *

Качается мерзлый орешник,
Стучит на холодном ветру.
И я — неприкаянный грешник —
Опушкой иду поутру.

Блестит на дороге солома,
Деревья стоят в серебре.
И все мне, как прежде, знакомо
В пушистом седом январе:

Болотца замерзшее блюдце
И в теплом снегу — камыши...
Но только уже не вернуться
В прозрачную юность души.

Растаяла в годы скитанья,
Как этих деревьев серебро,
Блаженная радость незнанья,
Начальная вера в добро.

И только по склонам бесснежным,
Где стога замерзший комок,
Еще не угасшей надежды
Струится наивный дымок.

1972

* * *

Холодный день на Иссык-Куле
И волны с просинью свинца!
Когда-нибудь забыть смогу ли
Полынный запах чебреца?

Как у высоких гор киргизских
Меня нежданно потрясло
В сухих плетнях, в оградах низких
С названьем Липенка село!..

И впрямь живут в семье единой
Потомки тех, кого сюда
В начале века с Украины
Вела суровая беда.

И все знакомо в поле черном —
Посевы, вербы, камыши...
Как будто я в родном Подгорном,
В степной воронежской глуши.

Вот только горы, что застыли
За планкой крайней городьбы...
А впрочем, горы тоже были
В нелегкий час моей судьбы.

На перепутьях горных тропок
И я судьбу свою искал.
Среди колымских круглых сопок,
Среди иркутских желтых скал.

И все сошлось в прибрежном гуле
На странной точке бытия.
Как будто здесь,
На Иссык-Куле,
И вправду жизнь прошла моя.

1972

* * *

Спугнул я зайца на меже
На предвечернем тихом поле.
И что-то дрогнуло в душе,
Как от давно забытой боли.

И вспомнился далекий год.
Послевоенный мокрый грейдер.
Седая ива у ворот.
Над пустырем холодный ветер.

И вспомнилось: иду босой,
Иду в поля по чернозему.
А дождь — сверкающий, косой —
На крышах вымочил солому.

И весь в окопах был покос,
За ним бурьян стоял стеною...
А сколько зайцев развелось
В полях, истерзанных войною!..

О, эти комья на стерне
И эта черная дорога!
И вдруг ожившая во мне
Та позабытая тревога!..

...А заяц прыгал через лен
И скрылся в низеньких ракетах.
Как будто он —
Из тех времен,
Из тех полей полузабытых.

1972

* * *

Ал. Михайлову

Еще не все пришли с войны.
Не все прогоны были сжаты.
Среди июльской тишины
Стояли сумрачные хаты.

И пожелтели огурцы
На приовражном суходоле.
И были сложены в крестцы
Снопы на бедном нашем поле.

Потом на глиняном току
Цепами женщины стучали.
И бесконечное «ку-ку»
Кукушки дальние кричали...

И ясно слышится теперь,
Как возле тока у колодца
Скрипел и плакал журавель
О тех, кто вовсе не вернется...

Открыты новые миры.
Покорены глухие дали.
Но журавель —
До сей поры —
Мелькнет вдали
Как знак печали.

И на любой тропе судьбы
Все вижу — явственно до боли,—
Как ровно сложены снопы
В послевоенном бедном поле.

1972

* * *

Деревья с черными грачами
И горечь тающего льда.
И размываемый ручьями
Остаток санного следа.

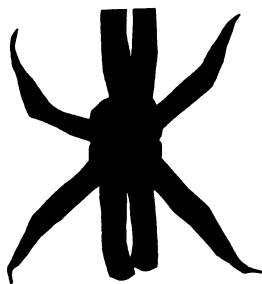
А за темнеющим сараем
В тумане пойменных низин —
Кора зеленая, сырая
Уже оттаявших осин.

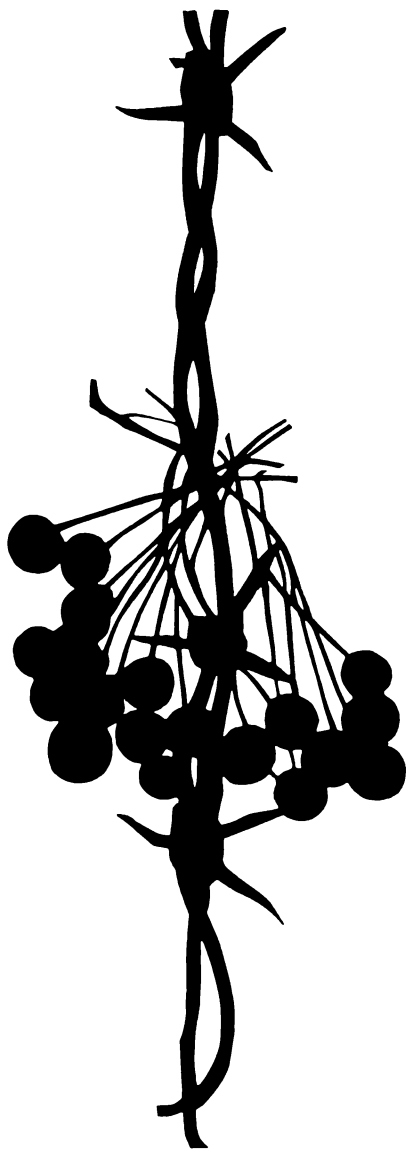
И на окраине селенья,
Где тучи теплые висят,
Тревожным духом обновленья
Уже окутан сонный сад.

И рядом с древней колокольней,
Где синий свет и высота,
Опять надеждою невольной
Душа наивно занята...

О, если б все-таки оставить
В грядущей неизбежной мгле
Пускай не жизнь,
Хотя бы память
Об этой жизни на земле!

1972

**калина красная-
калина черная**

* * *

На лыжах при большой луне
По спящей улице селенья
Приятно в детстве было мне
Бежать без страха и волненья.

И одиноко и легко
Скрипели старенькие лыжи.
И было видно далеко
Домов заснеженные крыши.

И вдруг неведомо куда
По небу быстро покати­лась
Большая круглая звезда
И белым светом засветилась.

И не звезда, а целый шар —
Холодный, огненный, хвостатый...
И я порывисто дышал,
Взбегая на крылечко хаты.

И мать на странный мой рассказ
Испуганно перекрестилась...
Я вспоминал потом не раз,
Как та комета прокатилась.

Она упала за столбы,
За мостик железнодорожный,
Как предсказание судьбы —
Далекой, странной и тревожной.

1973

ДОРОГА

Ю. Киселеву

Все меньше друзей
Остается на свете.
Все дальше огни,
Что когда-то зажег...
Погода напомнила
Осень в Тайшете
И первый на шпалах
Колючий снежок.

Погода напомнила
Слезы на веках.
Затронула в сердце
Больную струну...
Давно уж береза
На тех лесосоках
Сменила
Спаленную нами сосну.

И тонкие стебли
Пылающих маков
Под насыпью ветер
Качает в тиши.
Прогоня лежнёвок
И стены барачков
Давно уже сгнили
В таежной глуши.

Дорога, дорога...
Последние силы
Злодейка цинга
Отнимала весной.
И свежим песочком
Желтели могилы
На черных полянах
За речкой Чуной.

Зеленые склоны
Да серые скалы.
Деревья и сопки,
Куда ни взгляни.
Сухие смоленные
Черные шпалы —
Как те незабытые
Горькие дни.

Дорога, дорога
По хвойному лесу.
Холодная глина
И звонкая сталь...
Кому-то стучать
Молотком по железу.
Кому-то лететь
В забайкальскую даль

Дорога, дорога.
Стальные колеса.
Суровая веха
В тревожной судьбе.
Кому-то навеки
Лежать у откоса.
Кому-то всю жизнь
Вспоминать о тебе.

1973

* * *

Земля, поросшая травой,—
Какое это чудо!
И запах мяты луговой
Неведомо откуда.

И эти низкие дома,
По-южнорусски — хаты.
И эти нивы у холма,
Просторны и покаты.

И этот рокот спелой ржи,
Звенящие косилки.
И эти вечные стрижи
Над лужей у развилки.

Какой рассвет моей судьбы
Летит со мною вместе
Сюда,
Где старые дубы
Такие же,
Как в детстве;

Где трактора стучат во мгле
И на осеннем склоне
Все гнутся гривами к земле
Колосья —
Словно кони?..

1973

* * *

Я приеду к тебе, отец,
Лишь водой прошумит апрель,
Лишь в саду запоет скворец
И потянется к солнцу ель.

Старых листьев зажжем костер —
Будет дым золотить закат.
И починим гнилой забор,
И вскопаем наш бедный сад.

Этот памятный край любя,
Я приеду — не праздный гость.
Унаследовал от тебя
Я твою крестьянскую кость.

На распутье добра и зла,
В рудниках, в ледяной воде,
Не она ли меня спасла,
Не сломилась в лихой беде?..

А еще ведь была война.
Скудный хлеб и сырой свинец.
Пусть скорее придет весна!
Я приеду к тебе, отец.

Будет майское торжество.
Будет верба цвести в лесу.
Внука старшего твоего
Погостить к тебе привезу.

Будет в небе сиять звезда.
Будут в свежей листве дома...
Жаль, что быстро идут года,
Что еще впереди зима.

Жаль, что в зрелости все видней
Неизбежный прощальный час.
Жаль, все меньше и меньше дней
Остается теперь у нас.

1973

«КОММУНА»¹

Б. Стукалину

Синим шрифтом
На серой бумаге
В четверть
Прежде большого листа
В год великой беды
И отваги
Мне газета
Запомнилась та.

Там развалины
Таяли в дымке
И ряды
Атакующих рот.
И пугали
Неясные снимки
Необычным:
Воронежский фронт.

А в полях
За Рождественской Хавой
В вековой
Черноземной пыли
Бой тяжелый,
Неравный,
Кровавый
Сотрясал
Основанье земли.

И мальчишка
Двенадцатилетний
В блиндаже
За горящей избой

¹ «Коммуна» — воронежская областная газета.

Был уверен:
Тот самый — последний,
Легендарный
Решительный бой.

Полыхали
Пожары в округе.
Громыхали
Войска за мостом.
Из калиток
Седые старухи
Осеняли колонны
Крестом...

И являлись
Тревожно и ново
Эти руки,
Глаза и уста
И такое
Обычное слово
На углу
Голубого листа.

1973

* * *

Послевоенный майский праздник.
Веселый трепет кумача.
И от развалин дымно-красных
Холодный отсвет кирпича.

И солнцем улицы залиты,
Толпой ликующих людей,
Солдаты, вдовы, инвалиды...
Худые личики детей.

Почти забывшаяся горечь.
И ветер вспаханных полей.
И свежая густая порось
От обгорелых тополей.

Фанфар нестройное звучанье
В лучах нежаркого тепла —
О радости,
Об окончанье
Насилья, ненависти, зла.

И над разбитыми домами,
И над уставшими людьми —
Победой поднятое знамя,
Как обещание Любви.

1973

* * *

Земля, земля...
Следы копыт
На голубой прибрежной глине.
И слышно,
Как ветла скрипит.
И веет горечью полыни.

Уже и вспомнить не могу,
Когда она в меня запала —
Ветла на низком берегу
И тихий шелест краснотала.

И то далекое село,
Где жизнь когда-то начиналась.
Как будто время не ушло,
А навсегда во мне осталось.

Остался тот далекий дом
И блеск росы по желтым пожням.
Наверно, так уж мы живем —
Не только нынче,
Но и в прошлом.

И слышится: ветла скрипит.
И сердцу дороги доньше
Пучки травы,
Следы копыт
На голубой холодной глине.

1973

* * *

И. Ж.

Ты о чем звенишь, овес,
На вечернем тихом поле?
От твоих зеленых слез
Сердце тает в сладкой боли.

И слышны во все концы
На последнем склоне лета
Тоненькие бубенцы
Из серебряного света.

Голоса сухой травы,
Голоса сырой дороги.
О покое, о любви.
О растаявшей тревоге.

О неведомой судьбе.
И о днях моих начальных.
И, конечно, о тебе.
О глазах твоих печальных.

1973

* * *

Розовых сосен стена.
Мокрые крыши лесхоза.
И среди сосен одна,
Словно чужая, береза.

Капли на ветках дрожат.
Тучи клубятся над бором.
Мокрые тыквы лежат
За почерневшим забором.

Сколько еще проживу?
Скоро ли снова увижу
Эту сырую траву,
Эту холодную крышу?

Снова терзает меня
Жизни суровая проза.
Но вдалеке у плетня
Светится в соснах береза.

1973

* * *

И припомнилась негромко
В тишине лесного дня
Ненаглядная знакомка,
Что покинула меня...

А береза тихой свечкой
Свет роняет на стога.
И качается над речкой
Золотистая ольха.

Улетела, упорхнула —
Как сорока на сосну.
Больно в сердце встрепенула
Незатихшую струну.

И сидит себе стрекошет.
Может, думает: грущу.
Только зря она хлопочет —
Я и так ее прощу.

Не подвергну укORIZне
За пустячные грехи,—
Ради краткой нашей жизни,
Ради веточек ольхи.

1973

РИГА

Запах дыма и осени.
Листья в зыбкой воде.
Словно золото бросили,
Растеряли в беде.

Словно древние талеры,
Пятаки и рубли
Утонули, растаяли
И травой заросли.

А за старыми башнями
Синий светится свет —
Золотыми, вчерашними
Очертаньями лет.

И у пристани парусной
По торцам мостовой —
Шаг тревожный и радостный,
Затихающий — твой...

Сколько горечи пройдено,
Сколько вех и племен
От Ливонского ордена
До последних времен!

Сколько боли украдкою
Испытала душа!
Только жизнь эта краткая
Все равно хороша!

В ней надежды и радости —
Словно листья на дне.
В ней печали и странности —
Словно ядра в стене.

И вдали над соборами
Синий светится путь.
Словно время,
Которое
Никогда не вернуть.

1973

* * *

Над морем радуга,
А море —
Свинцово, серо и темно.
И клены в тающем уборе,
И ветер ломится в окно.

О, эти стынущие пляжи
И мерзнущие деревца!
Они — почти как судьбы наши,
Не пройденные до конца.

Все те же радости и горе,
Все то же счастье и беда.
То тяжело бушует море,
То блещет солнце и вода.

И это гулкое дыханье,
И это золото листвы —
Как неумолчное признание
Незатихающей любви.

1973

* * *

Бросаю в воду хлеб —
Кормлю у моря чаек.
Как легок их полет
В безлюдье синевы!
И тихая волна
Задумчиво качает,
Как тени дальних дней,
Пучки морской травы.

Такая благодать
И воды так спокойны!
И сосны, и песок,
И сети рыбаков.
Как будто никогда
Не грохотали войны,
Не гибли корабли
У этих берегов.

Торжественный покой,
Седой и величавый.
И кажется душе:
Грядущий путь един —
Не будет никогда
Ни проволоки ржавой,
Ни обгорелых труб,
Ни плавающих мин.

Конечно, никогда
Беда не повторится.
И будет белый хлеб,
И будет синий свет.
И стаи белых птиц
Кружиться и кружиться
Все будут в синеве
Над перепутьем лет.

Как розовый туман,
Как солнечная морочь,
Растает вся печаль
В предутренней тиши...
И лишь в седой волне
Чуть затаится горечь,
Как в памяти моей,—
На самом дне души.

1973

* * *

Тучка, ласточка, душа.

А. Кушнер

Скоро, скоро холода,
Торжества предзимней стужи.
Скоро хрупкая слюда
На заре покроет лужи.

Дрозд-рябинник прилетит,
Покачнется на рябине.
Первый иней заблестит
На остуженной равнине.

Встрепенется не дыша,
Как у славного поэта,
Тучка, ласточка, душа
На черте зимы и лета.

Что ей нужно впереди,
Где под ветром стонут ели,
Где последние дожди
И последние метели;

Где объятья распростер
Сквозь серебряные выси
Полыхающий костер
На опушке нашей жизни?

Ты лети, лети, душа,
На огонь
Любви и ветра!
Может, вправду хороша,
Может, вправду ты —
Бессмертна?!

1973

* * *

Пожелтели, облетели кроны.
Стихло море в редких кораблях.
Чайки, словно белые вороны,
Кормятся на убранных полях.

Распластались золотые выси.
Не вернется лето — не зови! —
Для последней,
Для прощальной мысли,
Для почти развенчанной любви.

Что дороже —
Радость или совесть?
Эта прелесть тающих берез?
Эта легкомысленная повесть,
Душу опалившая всерьез;

Эти угасающие клены,
Этот луг, знакомый наизусть,
Где пророчат белые вороны
Вечную серебряную грусть?..

1973

* * *

Соловецкая чайка
Всегда голодна.
Замирает над пеною
Жалобный крик.
И свинцовая
Горькая катит волна
На далекий туманный
Пустой материк.

А на белом песке —
Золотая лоза.
Золотая густая
Лоза-шелюга.
И соленые брызги
Бросает в глаза,
И холодной водой
Обдаёт берега.

И обветренным
Мокрым куском янтаря
Над безбрежием черных
Дымящихся вод,
Над холодными стенами
Монастыря
Золотистое солнце
В тумане встает...

Только зыбкие тени
Развеянных дум.
Только горькая стылая
Злая вода.
Ничего не решил
Протопоп Аввакум.
Все осталось, как было.
И будет всегда.

Только серые камни
Лежат не дыша.
Только мохом покрылся
Кирпичный карниз.
Только белая чайка —
Больная душа —
Замирает, кружится
И падает вниз.

1973

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

Осинники да черные стога.
Забор нависшей над обрывом дачи.
Да синим льдом обмерзли берега.
И белый луг ветлою обозначен.

И с высоты — туманным молоком
Подернуты леса, овраги, реки...
А здесь, в церквушке, — выставка икон,
Написанных в каком-то дальнем веке.

Какое буйство красок и любви,
Какие удивительные блики!
Не верится, что созданы людьми
Бессмертные возвышенные лики.

Каким путем сюда они пришли
И почему их власть с веками крепла?
Их на кострах совсем недавно жгли.
Но вот они — восставшие из пепла.

И снова нынче, семь веков спустя,
В сиянии из золотистых пятен
С какой тревогой за свое дитя
Владимирская смотрит Богоматерь!

Что вдохновляло древних мастеров,
Что виделось им в окна слюдяные?
Конечно, бог — задумчив и суров.
Но и простые радости земные.

Далекое предчувствие весны.
Любовь, что так кротка и терпелива.
Тревожный ветер.
Мокрый ствол сосны.
И эта даль холодная — с обрыва.

1973

* * *

Метель и листья.
С колокольни
Смотрю на золото листья.
И еле виден путь окольный
Из помутневшей синевы.

А глянет солнце —
Мир окрестный
Просторней, чище и видней.
И ближе берег неизвестный,
И даль прозрачней
И синей.

Под первым злым
Колючим снегом
Дрожит озябшая земля,—
Зима жестоким печенегом
Пришла на мирные поля.

Но на ополье
Возле Нерли,
Где каждый храм
К реке приник,
Кресты и шпили
Не померкли,
Как грани русских
Ратных пик.

1973

СУЗДАЛЬ

С полуразрушенных валов —
Простор для сердца
И для взора
От синезвездных куполов,
От белозубых стен собора.

А вдалеке
Ильинский луг.
Дороги, пашни, огороды.
Какое таинство вокруг,
Единство вечное природы!

И эта Каменка-река,
Берез развеянное семя.
И эти в небе облака —
Непостижимые,
Как время.

И этот ветер,
Этот свист —
Как связь небес и человека.
И этот с клена
Желтый лист —
Не из десятого ли века?

1973

ОБОРОНА ВЛАДИМИРА

(1238 год)

Вокруг пылала
Отчая земля —
Стога, деревни,
Церкви и повети,
А здесь, внутри,
За стенами кремля —
Не только жены,
Старики и дети.

Здесь, за стеною,
Жил не только князь,
Митрополит
И славный воевода,
Но древних букв
Затейливая вязь —
Язык, культура
И душа народа...

Как мало нынче
Знаем мы о них,
О тех, погибших
В той кровавой тризне!
Ведь в том огне
Сгорело столько книг!
А книги — тоже
Продолженье жизни.

1973

КАМЕНКА

Бревенчатая лава
Над Каменкой-рекой.
Отсвечивает ржаво
Тростник береговой.

Редяющие рощи,
Озябшие давно,
И женщина полощет
Суровое рядно.

Бревенчатые сваи,
Зеленые от мха.
И словно караван —
Далекie стога.

А быстрая водица
Чиста и холодна.
И весело струится,
И светится до дна.

Подернуты туманом
Ракиты по буграм.
Козьюю и Демьяном
Зовется старый храм.

Разрушенный лабазик.
Обломки кирпича.
И новый желтый газик
У синего ручья.

И тусклого востока
Холодная слюда.
И старый ров Нетёка,
Где не текла вода.

И небо у акаций,
Поблекшее слегка,
Как после реставраций
Иконная доска.

А выше — бесконечность,
Распахнутая высь.
И это вместе — вечность,
И это вместе — жизнь.

1973

ТБИЛИСИ

Открылись солнечные выси,
Открылась белая Кура
С зеленых гор твоих, Тбилиси,
С высот кремнистого бугра.

И древний храм в объятьях солнца,
И ровный шорох старых лип.
И Николая Чудотворца
Такой родной российский лик.

В моем пути по Закавказью
Опять твой кров меня манит
Грузинской и славянской вязью
Покрытых мохом древних плит.

Форпост любви и христианства,
Преодолевший зло и страх,
Как это гулкое пространство
В глухих языческих горах.

И чтоб в тебе не усомниться,
Опять навстречу выйдет мне
Поэт Ладо Сулаберидзе,
Земляк по дальней стороне.

И вновь разбуженная память
Нас уведет к иным хребтам.
Пусть не понять
И не исправить
Судьбы, что мы хлебнули там...

Но все вдали, что пережито,—
Тайги дремучая стена.
А жизнь просторна и открыта,
Как эта дивная страна.

Где в октябре бушует лето,
Где в желтом солнце склон горы.
Где этот город,
Полный света,
И волны белые Куры.

1973

* * *

Белый мост у Беговой.
Блестки белые кружатся.
И дрожащий голос твой,
Что уже пора прощаться.

Что бежать тебе пора —
Мимо лип и гастронома.
Что опасная игра —
Расставанья возле дома.

Возле дома твоего.
Он вдали —
Такой огромный.
Там не знают ничего
О любви твоей
Бездомной.

О снежинке в волосах,
О нечаянном ненастье.
О запрятанном в глазах
Ненадежном
Кратком счастье...

Помоги ты мне,
Господь,
Не солгать и не обидеть!
Укротить и дух и плоть,
Но во сне хотя бы видеть —

Этот снег на Беговой,
Это белое круженье,
И любви, еще живой,
Продолженье, продолженье...

1973

* * *

Помнишь ты, Ирина, осень...
Ф. Сологуб

Мелкий кустарник —
Сырая осина,
Синие ветки
В лесной полосе.
Тонкая, легкая
Сладость бензина
После заправки
На раннем шоссе.

А впереди
Догорают березы.
Черная елка,
Сосна и ольха.
Тихое солнце
Глядит на покосы,
На побелевшие
За ночь луга.

Утренний иней,
Конечно, растает.
Снова откроется
Зелень травы.
Словно опять
Ненадолго настанет
Легкое время
Беспечной любви.

Милая женщина,
Грустная птица!
Все в этой жизни —
До боли всерьез.
Сколько еще
Оно может продлиться,
Это дыхание
Желтых берез?

Сколько еще
За твоими глазами
В кружеве этой
Последней листвы
Там, впереди,
За полями, лесами —
Жизни, печали,
Дороги, любви?..

1974

* * *

День ни солнечный,
Ни пасмурный —
Как несмелая любовь.
Ни кораблика,
Ни паруса.
Словно музыка без слов.

Хвойной сушью
Мягко выстлана
В сонных дюнах тишина.
Легкомысленно,
Безмысленно
На песке шуршит волна...

И почти невыразимая
Начинается с утра
Предосенняя,
Предзимняя,
Предпечальная пора.

Улетят в воспоминания —
Ни забыть, ни передать —
Наши тихие гуляния,
Золотая благодать...

Только музыка прощальная
Все же внятно говорит,
Что совсем не беспечальная
Нам разлука предстоит.

Что когда-то
Каждой клеточкой
О последнем этом дне
Дрогнет сердце
Хрупкой веточкой,
Как от ветра на сосне.

1974

* * *

Цветок земляники в конце сентября
В бору у холодного моря.
И синий вдали силуэт корабля,
Рыбачьего сейнера, что ли?..

Вернусь ли когда-нибудь
Снова сюда,
На этот обветренный берег,
Где горько-соленая помнит вода
О давних
И новых потерях?..

Какая забота:
Вернусь, не вернусь,
Увижусь ли снова с тобою?!
Останется в памяти
Вяжущий вкус
Шумящего в пене прибоя.

И этот кораблик
В седой синеве,
И эти закатные блики,
И тот одинокий
В холодной траве
Осенний цветок земляники.

1974

* * *

Игрушечной нашей любви
Слегка не хватало печали...
И синие чайки кричали,
И сонные сосны качали
Над нами вершины свои.

А впрочем, была и печаль,
Как это притихшее море,
Как музыка
В Домском соборе,
Когда забывается горе
И кажется:
Жизни не жаль.

А после
Была и тоска,
Глухая, как поздняя осень,
Когда необуздан и грозен
Прибой из волны и песка.

А что еще нужно душе?
Немного любви
И тревоги,
Немного листвы на дороге
И ветра в сухом камыше.

Но главное — эта печаль,
Как тихое, кроткое море,
Как музыка
В Домском соборе,
Когда забывается горе
И кажется:
Жизни не жаль.

1974

* * *

Закончилось наше прекрасное лето.
Закончилась наша прекрасная осень.
Холодного чистого зимнего света
Полна тишина
Над вершинами сосен.

И замерла флюгера черная стрелка.
И в дюнах пустынных —
Раздолье воронам...
И наша любовь,
Как озябшая белка,
Ушла, ускакала
По розовым кронам.

1974

* * *

Вот и клен — золотая душа —
Загорелся над морем холодным.
Стало сердце пустым и свободным.
Словно не было в нем ни шиша.

Расправляй свои крылья, лети!
Будь разумна, спокойна, здорова.
Это грустное горькое слово
Пусть тебя не догонит в пути.

Брошу в море немного монет —
Не затем, чтоб вернуться обратно.
Слишком жизнь коротка и понятна,
Потому и желания нет.

Пусть обычай и глуп и нелеп —
Брошу мелочь в седые барашки.
Чайки вскрикнут —
Подумают: хлеб.
Только это не хлеб,
А медяшки.

1974

* * *

Ах, как весело листья летят
И шуршат по безлюдному скверу!
И соборы крестами блестят
И хранят
Позабывшую веру.

Сберегают в осенней тиши
И несут из столетья в столетье
Нерешенную тайну души,
Неизбывную жажду
Бессмертья.

По старинной по белой стене
Над сухим,
Над развеянным кленом
Я иду в ветровой тишине,
Словно к рощам лечу
Отдаленным.

Этот вечный простор с высоты
Все тревожней, туманней и глуше...
И с обрыва слетают листья,
Словно наши
Бесплотные души.

1974

* * *

Родина! Белый туман
В черном логу под горою...
Не позабуду, не скрою
Боли, тревоги и ран.

Но в невеселом пути,
В жизни, несущейся скоро,
Ты мне — любовь и опора,
Вечная радость в груди.

Этой тропой из села
К этой дороге чугунной
Матерью нежной и юной
Ты меня в детстве вела.

Каждой зимой и весной
Речкой, прозрачной и чистой,
Ивой, сухой, желтолистой,
Всюду ты рядом со мной.

От навесного огня
Этой заросшей канавой,
Глиной, холодной и ржавой,
Ты укрывала меня.

В годы печали и зла
Ты обо мне не забыла,
Поле мое сохранила,
Душу мою сберегла.

Все, чем живу и дышу,
Знаю, а может, не знаю,—
Только тебе доверяю,
Только тебе расскажу.

1974

СЛУЖБА В АВИАЦИИ

За короткую службу свою
В авиации нашей военной
Не был я ни в едином бою,
Не исследовал тайны вселенной.

На зеленом на старом «Ли-2»
И немного на «Ил-28»
Полетал, как дневная сова,
Над вершинами елей и сосен.

Над квадратами ржавых полей,
Над мельканьем оврагов и пашен —
Выше труб, облаков, журавлей,
Выше самых больших телебашен.

И качалась, суглинком пыля,
С золотыми от света лесами,
Дорогая до боли земля,
С тополями, дождями, слезами...

По сигналу срываясь чуть свет,
Думал я в той небесной дороге,
Что, быть может, и разницы нет
В боевой и учебной тревоге.

И качался простор впереди —
Необычно, зовуще и пусто.
И щемило и пело в груди
Незнакомое сладкое чувство.

1974

* * *

Чуть слышно тоскует кукушка.
Летает над пашней скворец.
Оделась лесная опушка
В цветущий терновый венец.

И в заросли дрока и терна,
Где старый бурьян на меже,
Уютно, легко и просторно
И вовсе не страшно душе.

И нечего просто бояться.
Какая там боль впереди?
Пусть даже опять повторятся
Мои роковые пути.

Все эти холодные стены,
Дороги, костры, поезда,
Разлуки, тревоги, измены —
Не очень большая беда.

Все это потом —
Как награда,
Как горький развеянный сон.
Страшнее другое:
Утрата
Друзей тех далеких времен.

И может однажды случиться
Какой-нибудь ранней весной,
Что не с кем уже поделиться
Всем тем,
Что случилось со мной.

1974

МАКОВОЕ ПОЛЕ В КИРГИЗИИ

Семь лет мак не родил,
а голода не было.

Поговорка

В колхозе — маковое поле.
Оно в диковину для нас.
Но вдруг напомнило до боли
Родимый край,
Вечерний час...

И желтый клин
За низкой горкой.
И скрип телеги.
И отца —
С его веселой поговоркой,
Что повторял он без конца.

Смешная поговорка эта
Из дедовской
Батрацкой тьмы
Потом со мной прошла полсвета,
До самой дальней Колымы.

Была война.
Пурга дымилась.
И в перекрестье всех судеб
Еще прочнее утвердилось:
Важней всего на свете —
Хлеб.

А здесь и вправду —
Поле мака.
И славный будет урожай.
Но сердце дрогнуло, однако,
И стало вдруг чего-то жаль...

Как семена тянь-шаньской ели
С крутых обветренных камней,
Они куда-то улетели —
Заботы тех
Ушедших дней.

А на сухом кремнистом взгорке,
Как прошлой жизни странный след,
Качался мак —
Из поговорки,
Из дальних-дальних
Детских лет.

1974

* * *

Пишу о душе. А душа
Давно не нужна и забыта.
От взрослого до малыша —
Все тянутся к радостям быта.

Машины нужны, «Жигули»,
Ковры, телевизоры, дачи...
В распадках промерзлой земли
Мне жизнь представлялась иначе.

Прости, дорогая жена,
Как в песне забытой поется —
До самого вечного сна
Нам жить без машины придется...

А может быть, все же правы
Веселые наши соседи,
И былки осенней травы
Уже не шуршат на рассвете?

И в черной воде камыши
Не красит рассветная вспышка,
И нет ее вовсе, души,
А только пустая сберкнижка?

1974

* * *

Поэзия не спорт,
Поэзия — душа!
Прочнее нет на свете аксиомы.
В поэзии не стоят ни гроша
Боксерские и прочие
Приемы.

Поэзия не бег,
Не вольная борьба.
Поэзия — сомненье и тревога.
Поэзия — надежда и судьба,
Поэзия, как говорят,—
От бога.

1973—1975

* * *

Цветы сажают в торф
И думают, что это
Отличный чернозем,
Прекрасная земля.
Но этот темный цвет —
Лишь внешняя примета,
Давно погибших трав
Горячая зола...

Я выдумал тебя
И сам свой бред разрушу.
Не чайка ты — сова
С провалом хищных глаз.
Как ядовитый торф,
Ты мне сжигала душу.
Последний уголек,
По счастью, не погас.

И пусть была тоска,
Пусть был обман недолог,
Пусть ты на третий день
Пришла ко мне сама.
Но как я мог не знать,—
Ведь все-таки биолог! —
Особенности трав
И птичьего ума?!

Забуду навсегда —
Не больно и не жалко —
И все свои стихи,
И все твои слова...
Давно засохла та
Печальная фиалка.
Лишь кое-где взошла
Болотная трава.

1975

* * *

Даль и душа прояснились.
Стаял покров ледяной.
Будто лишь только приснились
Беды, что были со мной.

Буду спокойней и проще.
Буду учиться всерьез
У фиолетовой рощи
Дымных февральских берез.

Все позабуду печали —
Бедствий, разлук, похорон...
Что еще там накричали
Стаи голодных ворон?..

1975

* * *

И. Ж.

Весенняя песня синицы.
Холодный березовый март.
И солнца упругие спицы
На синих сугробах горят.

Закончилось тяжкое бремя
Обиды, тревоги и лжи.
И сонно вздыхают деревья
В прозрачной и горькой тиши.

«Расстались,
Расстались,
Расстались!» —
Капли стучат под стеной...
И все же навеки остались
Святые глаза надо мной.

Зеленые, полные муки,
Они до последнего дня,
До самой последней разлуки
Все будут глядеть на меня.

1975

* * *

Спасибо за цветы и за глаза,
За синий март —
Тревожный и прощальный.
И ничего, что этот стих —
Печальный:
Печаль, как дым,
Уходит в небеса.

Сырых деревьев неукротимый зов
С веселыми грачами и лучами...
Смотри вокруг
И не кори печали,—
Печаль не бесконечна,
Как любовь.

И пусть вдали,
На льдистом побережье,
Еще чернеют сонные леса.
Не только счастьем,
Верой и надеждой,—
Печалью тоже
Светятся глаза.

И белый лед,
И синяя вода,
И тот кустарник
За глухой дорогой
Освещены
Одной большой тревогой:
Печаль, как жизнь,
Уходит навсегда.

1975

Ирине

Огненно-рыжий дубок,
Стройный, худой и лохматый.
Облака синий клубок
В желтой полоске заката.

Тихо в больничном саду,
Нет ни тревоги, ни страха.
Вместе с тобою пройду
До луговины оврага.

Осень, а клевер цветет —
Мелкий, неяркий, лиловый.
Скоро зима заметет
Этот цветок бестолковый.

Это — потом...
А сейчас —
Прелесь осеннего сада.
Свет понимающих глаз.
Лучшего в жизни не надо.

Злые забуду года,
Боль и душевную смуту.
Боже! Продли навсегда
Сладкую эту минуту.

1975

В БОЛЬНИЧНОМ САДУ

Памяти поэта Д. Голубкова

Я — больной облегченного типа.
Просто думаю с чувством вины,
Что стихи мои —
Сущая липа,
Что они никому не нужны.

Впрочем, может, я просто не в форме.
Закатилась, погасла звезда.
...И стихи, к сожаленью, не кормят.
Только поят,
И то не всегда.

И трепещет во мне укоризна,
Словно ива на зыбком песке,
К основателям школы «рублизма»
На родимом моем языке...

И навязчиво снова и снова,
Ветром осени жадно дыша,
Вспоминаю глаза Голубкова.
Митя, Митя! Святая душа!..

Что там, Митя,
В пустыне безмерной?
Существует ли там благодать?
Очень странно и пусто, наверно,
Не любить,
Не писать,
Не страдать?..

1975

ИЗ БОЛЬНИЧНОЙ ТЕТРАДИ

Ничего не могу и не значу.
Словно хрустнуло что-то во мне.
От судьбы получаю в придачу
Психбольницу —
К моей Колыме.

Отчужденные, странные лица.
Настроение — хоть удушись.
Что поделать — такая больница
И такая «веселая» жизнь.

Ничего, постепенно привыкну.
Ну, а если начнут донимать,
Оглушительным голосом крикну:
— Расшиби вашу в Сталина мать!..

Впрочем, дудки! Привяжут к кровати.
С этим делом давно я знаком.
Санитар в грязно-белом халате
Приголубит в живот кулаком.

Шум и выкрики — как на вокзале.
Целый день — матюки, сквозняки.
Вон уже одного привязали,
Притянули в четыре руки.

Вот он мечется в белой горячке —
Изможденный алкаш-инвалид:
— Расстреляйте, убейте, упрячьте!
Тридцать лет мое сердце болит!

У меня боевые награды,
Золотые мои ордена...
Ну, стреляйте, стреляйте же, гады!
Только дайте глоточек вина...

Не касайся меня, пропадлина!..
Я великой победе помог.
Я ногами дошел до Берлина
И приехал оттуда без ног!..

— Ну-ка, батя, кончай горлопанить!
Это, батя, тебе не война!..
— Отключите, пожалуйста, память
Или дайте глоточек вина!..

Рядом койка другого больного.
Отрешенно за всей суетой
Наблюдает глазами святого
Вор-карманник по кличке Святой.

В сорок пятом начал с «малолетки».
Он ГУЛАГа безропотный сын.
Он прилежно глотает таблетки:
Френолон, терален, тизерцин.

Только нет, к сожалению, средства,
Чтобы жить, никого не коря,
Чтоб забыть беспризорное детство,
Пересылки, суды, лагерь...

Гаснут дали в проеме оконном...
Психбольница, она — как тюрьма.
И слегка призабытым жаргоном
Примерещилась вдруг Колыма...

...От жестокого времени спрячу
Эти строки в худую суму.
Ничего не могу и не значу
И не нужен уже никому.

Лишь какой-то товарищ неблизкий
Вдруг попросит, прогнав мелюзгу:
— Толик, сделай чифир по-колымски!..—
Это я еще, точно, смогу.

Все смогу! Постепенно привыкну.
Не умолкнут мои соловьи.
Оглушительным голосом крикну:
— Ни хрена, дорогие мои!..

1975

КАЛИНА

На русском Севере —
Калина красная,
Края лесистые,
Края озерные.
А вот у нас в степи
Калина — разная,
И по логам растет
Калина черная.

Калина черная
На снежной замети —
Как будто пулями
Все изрешечено.
Как будто горечью
Далекой памяти
Земля отмечена,
Навек отмечена.

Окопы старые
Закрыты пашнями.
Осколки острые
Давно поржавели.
Но память полнится
Друзьями павшими,
И сны тревожные
Нас не оставили.

И сердцу видится
Доныне страшная,
Войной пробитая
Дорога торная.
И кровью алою —
Калина красная.
И горькой памятью —
Калина черная.

Калина красная
Дроздами склевана.
Калина черная
Растет — качается.
И память горькая,
Печаль суровая
Все не кончается,
Все не кончается...

1976

ОТВЛЕКАЮЩИЙ ДЕСАНТ

Отвлекающий десант —
Двадцать девять краснофлотцев.
Отвлекающий десант...
Скоро, скоро кровь прольется!

Отвлекающий десант
С хрупкой маленькой подлодки.
Наливает лейтенант
По сто грамм казенной водки.

И ясна, понятна цель,
Невозможное — возможно:
Взять поселок Коктебель
И держаться — сколько можно.

Налететь, напасть, отвлечь —
Без подмоги, в непогоду.
И навеки в землю лечь.
В эту землю, в эту воду.

Отвлекающий десант.
Есть такой в морском уставе.
Отвлекающий десант —
Верный путь к посмертной славе.

...Болью полнится душа
На краю волны и суши;
Двадцать девять ППШ
Против сотни вражьих пушек!..

После всех побед и бед
Их припомнят и прославят.
Через тридцать долгих лет
Здесь им памятник поставят.

На воде растаял след...
Двадцать девять краснофлотцев!..
Через тридцать долгих лет
Лишь один сюда вернется.

Лишь один остался жив.
Плакал горькими слезами,
Две гвоздики положив
На холодный серый камень.

1976

* * *

Иссохшая долина,
И между трех дорог —
Корявая маслина,
Сухой шершавый лох.

Под одиноким лохом,
Где солнце и полынь,
С чуть затаенным вздохом
Из памяти — нахлынь!

Нахлынь все то, что было:
И что свежо теперь,
И что душа забыла
За давностью потерь...

Друзей ушедших лица
Я в сердце берегу.
Но с ними поделиться
Ничем уж не могу.

Стою один в долине
На стыке трех дорог —
Как дерево пустыни,
Как одинокий лох.

1976

* * *

Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война...

Песня

Колючей проволокой сердце
Рванет бесхитростный куплет.
И никуда уже не деться
От давних лет,
От горьких лет.

Когда в огне, во мгле чертовой
Земля стонала
И когда,
Как написал поэт Твардовский,
Сдавали чохом города.

Ужели так всегда в России,
Ужели недруги правы:
Чтоб разбудить святые силы,
Дойти им надо до Москвы?!

Не верю этому, не верю!
Но вижу скорбные глаза
И помню каждую потерю,
Родных и близких голоса.

Нас разбудили, разбудили,
И мы восстали — как один.
Мы победили, победили.
И впредь, конечно, победим.

И жизнь светла и величава...
Но пусть в любой далекий срок
Нам помнится не только слава,
Но и жестокий тот урок.

И песня пусть продлится в завтра —
Про тот платочек
И вокзал, —
Которую безвестный автор
Веленьем сердца написал.

1976

* * *

Е. М. Раевской
В. Ф. Жигулину

Дорогие родители!
Мать и отец!
Не сердитесь, что письма
Пишу вам короче и реже.
Просто все тяжелеет
Судьбы незабытый свинец,
И с годами печали
Больнее, чем прежде...

Но и нынче я помню
О дальнем, родном и святом.
И ночами все вижу
В картинах отчетливо резких:
По рассказам отца —
Деревенский жигулинский дом,
И в старинном Воронеже —
Дом знаменитых Раевских.

Впрочем, нет.
«Знаменитых» — неправильно, нет.
Знаменитыми были
Далекие мамыны предки:
В орденах — генерал,
А в цепях — декабрист и поэт,
Раньше прочих познавший
Тюремные камеры-клетки.

...А Жигулины родом
Откуда-то из-под Ельца.
Там и нынче в селе —
Все Жигулины да Жигулевы.
А потом — Богучар
И родная деревня отца —
Монастырщина.
Сколько беды в этом слове!..

И луга за Подгорным —
Моя изначальная жизнь.
И горящий Воронеж —
Мое изначальное горе.
Две могучие крови
Во мне воедино слились,
И пошел я по жизни
В извечном душевном раздоре...

Не печальтесь, родные!
Я буду почаще писать.
И конечно, приеду.
Дела и заботы отрину.
Еще многое мне
Вы должны о себе рассказать,
Чтобы я рассказал
Своему повзрослевшему сыну.

1976

* * *

В. М. Раевской

Крещение. Солнце играет.
И нету беды оттого,
Что жизнь постепенно сгорает,—
Такое вокруг торжество!

И елок пушистые шпильи,
И дымная прорубь во льду...
Меня в эту пору крестили
В далеком тридцатом году.

Была золотая погодка,
Такой же играющий свет.
И крестною матерью — тетка,
Девчонка пятнадцати лет.

И жребий наметился точный
Под сенью невидимых крыл —
Святой Анатолий Восточный
Изгнанник и мученик был.

Далекий заоблачный житель,
Со мной разделивший тропу,
Таинственный ангел-хранитель,
Спасибо тебе за судьбу!

За годы терзаний и болей
Не раз я себя хоронил...
Спасибо тебе, Анатолий —
Ты вправду меня сохранил.

1976

СТИХИ ИРИНЕ

Жизнь прекрасна и коротка
И тепла, как твоя рука...

О, видения детских лет,
Где казалось, что смерти нет!..

Нынче сосны гудят в бору —
Все о том, что и я умру.

Сколько лет нам дано судьбой?
Что оставим мы здесь с тобой?

Сын останется — кровь моя.
Стих останется — боль моя.

Будет ветер у трех дорог.
Разметать золотистый стог.

И тростиночка камыша
Будет петь, как моя душа.

И на ветке блеснет роса,
Как живая твоя слеза.

1976

* * *

В. Гусеву

Немощная улица,
Спуск над Чернавским мостом.
И ленивое солнце
Бредет по ступеням скрипучим.
Я опять пребываю
В растаявшем времени том
С чувством горькой потери —
Тяжелым и жгучим.

Довоенный Воронеж.
Серебряный пух тополей.
Мимолетное, зыбкое
Очарованье...
И была эта улица
Родиной детской моей —
Самой ранней, начальной,
Какой не придумать названья.

Перелёшинской улицей
Встарь называлась она.
А потом получила
Тревожное имя Лассалья.
И менялись названия,
Как времена...
И пожары войны
По домишкам сухим заплясали.

А потом, в сорок третьем,
В обугленной черной трубе
Все окрестные ветры
Гудели, стонали, кричали...

Немощная улица
В жизни моей и судьбе
Навсегда называется
Улицей первой печали.

1976

* * *

Упал снаряд, и совершилось чудо:
На опаленной порохом стене
Возник в дыму неведомо откуда
Святой Георгий на лихом коне.

От сотрясения обнажилась фреска,
Упала штукатурка поздних лет,—
И он возник — торжественно и дерзко —
Как древний знак сражений и побед.

В сиянии возвышенного лика
Простер десницу грозную свою.
И острая карающая пика
Пронзила ядовитую змею.

А пулемет стучал в старинном храме,
И ладил ленту молодой солдат.
И трепетало яростное пламя,
И отступал проклятый супостат.

1976

МЕДАЛИ

В. Н. Неустроеву

Медалью за Победу
Играет оголец.
С войны награду эту
Привез его отец.

А впрочем, та победа
Девятого числа —
Не от отца, от деда
Ко внуку перешла...

Мы много испытали.
Но остаются в силе
И медные медали,
И слезы на могиле.

Смешались годы, даты
С бурьяном и травой.
Спокойно спят солдаты
Больших и малых войн.

Уснули, отстрадали,
Цветами проросли.
Лишь медные медали
Кочуют по Руси.

И в близком и в далеком
Геральдика проста:
Всевидящее око,
Лучистая звезда.

Как будто их единый
Художник рисовал —
За взятие Берлина,
За Шипку-перевал...

1976

ФЛАГИ

Шили флаги косынею
В давнем веке у нас.
И летел над Россией
Шитый золотом Спас.

Под багряно-червлеными
В том великом году,
Под святыми знаменами
Дмитрий шел на Орду...

И вскружил над столицей
Синий стяг Ермака.
И могучею птицею
Пролетел сквозь века.

И победными красками
Созывало на бой
Знамя князя Пожарского
Над горящей Москвой.

А с полками Суворова
В честь российской земли
Стяги с лентой Георгия
Через Альпы прошли.

И забыть нам не велено
Славный крейсер «Варяг»
И горящий, простреленный
Тот андреевский флаг...

1976

ИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Мне страшную быль рассказали —
Ее повторить я готов,—
Как древние книги сжигали
В начале тридцатых годов.

Далеко, на Севере где-то,
Стоял монастырь у воды.
Стоял на окраине света,
Не видел татарской орды.

Тевтонцы туда не пробились,
Ни ляхи,
Ни Наполеон.
Там древние книги хранились
Еще с византийских времен.

...Костры поыхали багрово,
И отблеск плясал на стене.
И, может быть, подлинник «Слова»
Сгорел в том ужасном огне.

Горели и акты и святцы,
Сказанья родимой земли...
Да что ж вы наделали, братцы!
Да как же вы это смогли?!

1976

* * *

В. Пескову

Засыпают землею овраг —
Золотистый дубняк и орешник.
И дымится суглинистый прах,
И повис над обрывом скворечник.

Скоро, скоро и он упадет
В эту пропасть земли и каменьев.
И большая дорога пройдет
Над вершинами мертвых деревьев.

Я не против прогресса,
Ни-ни!
Понимаю размах и великость.
Но прошу тебя, век:
Сохрани
Хоть какую-то малую дикость.

Сохрани приозерный камыш,
Сохрани деревенские вишни.
Сохрани первозданную тишь,
Из которой когда-то мы вышли.

Сохрани эти ветлы во мгле,
Эти черные гнезда и кроны.
Пусть спокойно живут на земле
Хоть простые грачи и вороны.

1976

РОМАНС

Прощайте, милая,
Прощайте навсегда!
За Вашу грусть
Прошу у Вас прощенья.
Пусть будет Вам
Навеки в утешенье
Над тихим лесом
Хрупкая звезда.

Пусть будет все у Вас
Прекрасно и легко.
Пусть не тревожит
Ни печаль, ни смута.
Но пусть всегда —
Светло и далеко —
Останется прощальная минута.

И не жалейте вовсе обо мне.
Я не достоин Вашего участия.
Историей доказано вполне:
Поэты не приносят женам счастья.

Я тоже Вас забуду навсегда.
Но будет мне
Навеки откровеньем,
Таинственным
И трепетным виденьем
Над тихим лесом
Грустная звезда.

1976

* * *

Высокая рябина в Слоке.
Зачем все помнится она,
Когда давно прошли все сроки,
И боль глуха,
И даль темна?

И я забыл,
И ты забыла
Ту суету смешных потерь.
Любила или не любила —
Какая разница теперь?!

Рябина красная над морем
В холодной северной глуши —
Уже ни радостью,
Ни горем
Не обожжет моей души.

И я легко мараю строки —
Не дорожу,
Не берегу...
Но все горит рябина в Слоке
На том пустынном берегу.

1976

* * *

Жизнь! Нечаянная радость.
Счастье, выпавшее мне.
Зорь вечерняя прохладность,
Белый иней на стерне.

И война, и лютый голод.
И тайга — сибирский бор.
И колючий, жгучий холод
Ледяных гранитных гор.

Всяко было, трудно было
На земле твоих дорог.
Было так, что уходила
И сама ты из-под ног.

Как бы ни было тревожно,
Говорил себе: держись!
Ведь иначе невозможно,
Потому что это — жизнь.

Все приму, что мчится мимо
По дорогам бытия...
Жаль, что ты неповторима,
Жизнь прекрасная моя.

1976

* * *

По холодному яру
До редких посадок сосны,
До обломанной серой,
Едва распушившейся ивы
Я люблю пробираться
Тропинками ранней весны,
Где уже зеленеют
Упругие всходы крапивы.

А на склоне оврага
Мать-мачеха густо цветет.
Каждый желтый цветок —
Словно малое робкое солнце.
Жаль, что все это вместе
Теперь уже скоро уйдет
И уже никогда,
Никогда для меня не вернется.

А поближе к ручью
Оживают на солнце хвощи.
И крапива, крапива —
За домом пустым и разбитым...
Из весенней крапивы
Зеленые вкусные щи
Мать готовила в детстве,
Далеком, почти позабытом...

Я согласен уйти.
Только пусть не исчезнет тропа.
Пусть поправится ива,
Пусть будет желтеть одуванчик.
Будет новая жизнь,
Будет новая чья-то изба,
Будет бегать по яру
Растрепанный радостный мальчик.

1976

ЛЕТЯЩИЕ ДНИ

(Песня)

Ирине

В жизни много путей,
В жизни много тревог,
Но нельзя эту жизнь
Повторить.
Все дороги прошел,
Всю беду превозмог,
Чтобы радость с тобой
Разделить.

А вдали, вдали,
Как наши прекрасные дни,
Беспечные птицы летят
На летний короткий закат
И всё тают вдали,
Тают вдали...

Все, что было в душе,
Все, что было в судьбе,—
Это вновь пережить
Я готов.
Сохраняю в себе,
Доверяю тебе
И надежду, и боль,
И любовь.

А вдали, вдали —
Короткий косяк журавлей
Над желтою дымкой полей.
И плавный вершится полет.
А один отстает
И отстает...

Птица будет лететь,
Сердце будет болеть —

Это вечный закон
Бытия.
И прекрасна судьба —
На лету умереть,
Предзакатную боль
Затая.

А вдали, вдали,
Как наши прекрасные дни,
Беспечные птицы летят
На летний короткий закат
И всё тают вдали,
Тают вдали...

1977—1978

* * *

Б. Окуджаве

Черный ворон, белый снег.
Наша русская картина.
И горит в снегу рябина
Ярче прочих дальних вех.

Черный ельник, белый дым.
Наша русская тревога.
И звенит, звенит дорога
Над безмолвием седым.

Черный ворон, белый снег.
Белый сон на снежной трассе.
Рождество. Работать — грех.
Но стихи — работа разве?

Не работа — боль души.
Наше русское смятенье.
Очарованное пенье —
Словно ветром — в камыши.

Словно в жизни только смех,
Только яркая рябина,
Только вечная картина:
Черный ворон, белый снег.

1978

ЗА ДРУГИ СВОЯ

(Фрагменты поэмы)

Больши сея любве никтоже ймать,
да кто душу свою положит за други своя.
От Иоанна, гл. 15, ст. 13.

Надпись на памятнике русским
гренадерам, павшим под Плевной
(г. Москва)

СЕЛО ПОДГОРНОЕ

Апрель 1877 года

Когда объявили царский манифест,
народ крестился и все поздравляли
друг друга с войною...

Ф. Достоевский

На подгоренской улице сельской
Зазвучал золотой благовест.
Лучезарной порою апрельской
Объявил государь манифест.

Манифест о войне с басурманом,
О святой, справедливой войне.
Ради помощи братьям славянам
В задунайской несчастной стране.

Там далеко, за речкой Дунаем,
Черным дымом повит небосклон.
Над болгарским истерзанным краем
Нестихающий слышится стон.

Там лихая орда чужеземцев
Растоптала домашний уют.
Истяжают невинных младенцев,
Храмы божии рушат и жгут...

И встречался прохожий с прохожим,
Выходя на Воронежский шлях:

— Что ж, поможем болгарам?
— Поможем!
Это дело святое, земляк.

Оградим от орды басурманской
И поможем в несчастье таком —
Трудовою копейкой крестьянской
И граненым солдатским штыком.

Пусть у нас недостатки с долгами,
Пусть померзла озимая рожь.
Все же божее солнце над нами,
Все же день этот вешний хорош...

А вокруг — голубые опушки,
Ветряки, ветряки, ветряки...
И летели в казенные кружки
Медяки, медяки, медяки...

Собирается Федор в солдаты.
На буграх зеленеет трава.
До свиданья, родимые хаты,
До свиданья, река Калитва.

До свиданья, супруга Мария,
До свиданья, родимая Русь.
И не плачьте, мои дорогие, —
Я домой непременно вернусь.

Я недаром прошел по пустыне
В туркестанском далеком краю.
Если схватит тоска на чужбине,
Я веселую песню спою:

Солдатушки,
Бравы ребятушки!
Где же ваши жены?
Наши жены —
Пушки заряжены.
Вот где наши жены.

Тронул поезд на станцию Лиски,
Загудел, застонал паровоз.
Все, что дорого сердцу и близко,
Затуманилось в дыме берез.

Меловые обрывы и горы...
Белогорье, Бобров, Сагуны...
Необъятные наши просторы
Православной великой страны...

«Не горюй и не кланяйся пулям —
Легче сладишь с любой бедой.
До свидания, Федор Микулин»,—
Шепчет ива над синей водой.

Дым клубится в затейливых кольцах.
Тает эхо в весеннем лесу.
«Добровольцев везу,
Добровольцев»,—
Колесо говорит колесу.

А в вагонах, в зеленых вагонах
Молодые поют голоса.
И качается песня на склонах
И привольно летит в небеса:

Солдатушки,
Бравы ребятушки!
Где же ваша слава?
Наша слава —
Русская держава.
Вот где наша слава.

РАЗДУМЬЯ РУССКОГО СОЛДАТА
ФЕДОРА МИКУЛИНА

Ночь на 30 августа 1877 года
под Плевной

Россия — единственная страна в
Европе, где достаточно идеализма,
чтобы воевать из-за чувства.

М. Д. Скобелев

Укрепи мою душу,
Всемогущий Господь,
Чтоб и горе, и стужу,
И страх побороть!

Уж поборемся славно мы
Завтра в смертном бою.

Защитим православную
Веру свою.

Нашим братьям поможем
Вдали от родного жилья.
Честно головы сложим
За други своя.

...А в округе окрестной
Стоит тишина.
Лишь болгарская песня
Издалека слышна:

Шуми Марица
Окырвавэна.
Плаче вдовица
Люто ранэна.

Слышно: выстрелы близкие.
Слышно: пули летят.
То винтовки английские
У турецких солдат —

Магазинные, новые,
И по былкам травы
Хлещут плети свинцовые —
Не поднять головы.

Рано утром пойдем мы
Под терновый венец:
Под турецкие бомбы,
Под английский свинец.

Не для почестей царских,
Наград и питья.
Ради братьев болгарских —
За други своя.

Поведет нас по пашне,
По размытой стерне
Генерал наш бесстрашный
На белом коне.

Вместе с ним мы хлебнули
И песку и жары,

С ним ходили под пули
На штурм Бухары.

...А в округе окрестной
Тишина — как струна.
И болгарская песня
Тихо-тихо слышна:

Шуми Марица
Окырвавэна.
Плаче вдовица
Люто ранэна.

Будет вечная память
Тем, кто сгинет во мгле.
Будет вечная радость
На болгарской земле.

И не я, так другие —
Сладим с этой ордой.
На святой на Софии
Будет крест золотой!

А уж если не сможем,—
Боже, воля твоя! —
Честно головы сложим
За други своя.

БОЙ ЗА ЗЕЛЕНЫМИ ГОРАМИ

Плевна, 30—31 августа 1877 года

Словно желтый, кровавый
Обломанный клык,
На вершине дымится
Редут Кованлык.

Синим дымом дымится,
Плюется свинцом.
Молча падают в травы
Боец за бойцом.

А правее — другой
Смертоносный редут.

Но солдаты идут,
На погибель идут.

Громыкает оркестров
Военная медь,
Но не может, не может
Огня одолеть.

А огонь не утих,
А огонь не умолк.
Таёт Суздальский полк.
И Владимирский полк.

И тогда появился
В дыму и в огне,
Словно воин небесный,
Генерал на коне:

— Знамя! Знамя повыше!
Ребята, вперед! —
Генерала охрипший
Перекошенный рот.

Не берет его пуля.
Не берет его штык.
Самым первым ворвался
В редут Кованлык...

Ой ты, русская сила,
Сила русской души!
Никому не измерить
Твои рубежи.

Всем военным канонам
Вопреки, вопреки
Силу крупповских пушек
Сокрушают штыки.

Взятие отрядом Скобелева двух «городских» редутов поставило турецкую армию в крайне опасное положение. Фронт был прорван по всей глубине, грозный меч навис над Плевной. Но русское главное командование не поняло выгод создавшейся обстановки и категорически отказалось прислать Скобелеву подкрепления. Зато Осман-паша правильно оценил ситуацию и бросил против скобелевских редутов лучшие свои силы.

А на взятых редутах
Груды трупов и дым.
От ружейного пороха
Стало небо седым.

И с соседних редутов
Турки лупят под дых.
Бруствер сложен из трупов —
Из своих и чужих.

Очень трудно укрыться
От свинцовой пурги.
Послужите нам, братья,
Послужите, враги.

И пришел на депешу
Короткий ответ:
«Подкреплений не ждите:
Их у меня нет.
Генерал-лейтенант Зотов».

Как же нет подкреплений,
Если видно вдали,
Что не все еще части
В атаку пошли?

У села у Радищева,
У шоссе, у реки —
Ясно видно — бездействуют
Наши полки.

Но пришел на депешу
Повторный ответ:
«Подкреплений не ждите:
Их у меня нет.
Генерал-лейтенант Зотов».

Пять турецких контратак были отбиты. Но для продолжения боя уже не было сил. Прикрывать отступление вызвался майор Горталов с горстью солдат-храбрецов. Подвиг Горталова имел большой военно-практический и глубокий нравственный смысл. Уже было известно, что турки подвергают раненых жестоким пыткам, стараясь продлить их страдания как можно дольше. Благодаря майору Горталову русские, отступая, унесли с собою всех своих раненых.

...Ах, винтовка, винтовка,
Славный русский бердан.
Ой, недаром, недаром
Ты Федору дан.

И горячая пуля,
И штык, и приклад.
И железная клятва:
Ни шагу назад.

И даны от рожденья
Святые слова:
Даже гибель прекрасна
За други своя.

...А майору Горталову
Мнится в смертном дыму,
Как по гребню по алому
Помощь мчится к нему.

Там вдали, за высотами,
Взят Омарский редут.
Скачут конники Зотова,
Скачут, пушки везут.

Но вокруг только пулями
Искореженный скат
Да солдата Микулина
Угасающий взгляд.

И уже приближается
Лес турецких штыков.
Жизнь земная кончается.
Аминь! Во веки веков.

ЭПИЛОГ
ПРАВНУК ФЕДОРА МИКУЛИНА

г. Плевен, 1978 год

В гулком эхе притихших
Зеленых кварталов
Все мне слышится имя:
Горталов, Горталов...

В шуме гордого дуба,
Что стар и ссутулен,
Все мне слышится имя:
Микулин, Микулин...

В этом парке священном,
В этом памятном месте
Вспоминается давняя
Славная песня:

Солдатушки,
Бравы ребятушки!
Где же ваши деды?
Наши деды —
Славные победы.
Вот где наши деды.

1978

ПОРУЧИК РОДИОНОВ

Сто лет горит лампада
Над каменной плитой.
И светится иконка
Оправой золотой.

Поручик Родионов
Лежит в чужой земле.
Над ним горит лампада
В соборной полумгле.

Поручик Родионов
Со знаменем в руке
Погиб когда-то в этом
Болгарском городке.

Когда входили в город
Под знаменем полка,
Какой-то шальный турок
Ударил с чердака.

Английская винтовка,
Проверенный прицел.
Упал на мостовую
Красавец офицер...

Поручик Родионов
Лежит в чужой земле.
Над ним горит лампада
В соборной полумгле.

Балканскою сиренью
Окутан древний храм.
И соловей балканский
Поет по вечерам.

Скользят лучи косые
По каменной стене...
А что теперь в России,
В родимой стороне?

На родине, в России,
Просторно и светло.
Фамильный склеп сломали,
И мрамор — на метро.

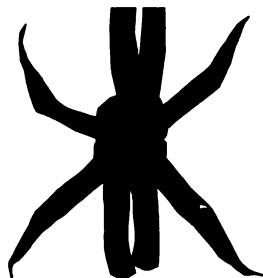
А здесь горит лампада
Вторую сотню лет,
Как той далекой жизни
Непозабытый след.

Поручик Родионов,
Вы слышите меня?
Мы по семье Раевских
Далекая родня.

Мы все родные люди,
Сыны одной страны,
Огни любви и скорби
Нам далеко видны.

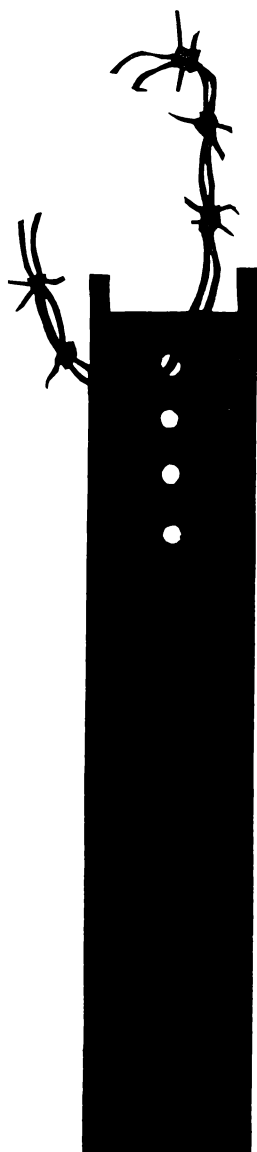
Огни людской печали,
Огни былого дня —
От маленькой лампы
До Вечного огня.

1980

В надежде вечной

* * *

В гулких осенних
Остуженных рощах
Снова земля
Холодна и черна.
Снова на тропках,
На кочках намокших
Светится зелень
Кукушкина льна.

Холодно травам,
А моху привольно.
Радостно пьет
Ледяную росу.
Снова разлука,
А сердцу не больно.
Пусто и тихо
В осеннем лесу...

Что еще будет
В оставшейся жизни?
Что потеряю,
Кого полюблю?
Не обращаюсь
К судьбе в укоризне,
Но об одном только
Бога молю:

В кружеве листьев,
Багровых и красных,
В жизни, которая
Боли полна,
Пусть до конца
Остается, как праздник,
Яркая зелень
Кукушкина льна.

1980

* * *

Помню ровное поле
И маленький наш огород —
На окраине города,
Где-то за Пеше-Стрелецкой.
И высоко над нами
Спокойно гудит самолет.
Может, наш, но по звуку
Скорее похож на немецкий.

Самолет высоко.
Он не станет на нас нападать.
Возвращается, видно,
На базу из дальней разведки.
И спокойно лопатой
И тяпкой работает мать.
И спокойно, лениво
Ударили рядом зенитки...

На седой мешковине
Разложен нехитрый обед:
Пять вареных картошин,
Ломоть кукурузного хлеба.
Самолет улетел,
И растаял барашковый след,
От снарядных разрывов
Очистилось летнее небо.

И полуденным зноем
Простор черноземный дышал.
И желтели цветами
Полыни пахучие грозди.
А вдали на пригорках
Разрушенный город лежал.
И коробки развалин
Белели, как древние кости...

Где истоки любви
К этой горькой и милой земле?
Что меня навсегда
К этим грустным полям приковало?
Здесь родился и жил,
Здесь навеки растаю во мгле,
Здесь полынное семя
Нечаянно в сердце запало.

1980

* * *

Мой бедный мозг, мой хрупкий разум,
Как много ты всего хранишь!
И все больше с каждым разом
Тревожно вслушиваться в тишь.

В глухую тишь безмолвной думы,
Что не отступит никогда,
Где, странны, пестры и угрюмы,
Живут ушедшие года.

Там все по-прежнему, как было.
И майский полдень, и пурга.
И друга черная могила,
И жесткое лицо врага...

Там жизнь моя войной разбита
На дальнем-дальнем рубеже...
И даже то, что позабыто,
Живет невидимо в душе.

Живет, как вербы у дороги,
Как синь покинутых полей,
Как ветер боли и тревоги
Над бедной родиной моей.

1980

• • •

Что будет — то будет,
Умрем — как уснем.
Тяжелой полынью
В полях прорастем.

И будет над нами
Струиться заря.
И будет полынью
Светиться земля.

И кто-нибудь скажет:
— Какая теплынь!
Какая в полях
Голубая полынь!

И горькие ветки
Качнутся, шурша.
И в зыбкой тиши
Встрепенется душа.

1980

* * *

Опять в глазах колымский камень,
Худой, корявый, редкий лес,
И золотой смолистый пламень,
И блески белые с небес.

Опять летишь ты, птица-память,
В мои далекие года.
От этих лет меня избавить
Никто не сможет никогда.

Да и зачем? Все наше — с нами.
До самой роковой черты
Все буду видеть это пламя
В краю беды и мерзлоты.

Какой еще суровой мерой
Измерю нынче жизнь свою,
Чем тот колымский камень серый,
Чем тот огонь в глухом краю?

И что еще на этом свете
Яснее убедит меня
В том, что любовь
Сильнее смерти,
Сильнее камня и огня?

1980

* * *

Белый аист на кресте
На побеленной церквушке
В той молдавской деревушке,
В той осенней чистоте.

Не забуду тех дорог
С неосеннею теплыню,
Сходный с древнею латынью
Молдаванский говорок.

Потому что нам дана
Для стихов простых и грустных —
Для молдавских и для русских
Боль — одна, любовь — одна.

Буду помнить навсегда
Дамиана и Виеру.
Не приму другую веру
Ни за что и никогда.

И в осенней высоте
Пусть нам светит в жизни ясной
Символ грустный и прекрасный:
Белый аист на кресте.

1980

* * *

Ирине

Она одна меня поймет.
Друзья давно в могиле.
Давно ушли от всех невзгод,
Отжили, отлюбили...

А мне дана еще судьба
О них поведать миру.
Писать стихи, сходить с ума
Над горестною лирой.

Писать который год подряд
И верить доброй сказке,
Что рукописи не горят
И не тускнеют краски...

Мой верный друг — моя жена.
Хоть верьте, хоть не верьте —
Она до смерти мне нужна,
И даже после смерти.

Она простит мои грехи,
Развеет боль сомнений
И сохранит черновики
Моих стихотворений.

1980

* * *

Овес да пашня — все родное.
Дрожит осиновый колок.
И кружит, кружит надо мною
Ширококрылый соколог.

Чего ты кружишь, птица сокол?
Чего ты видишь там вдали
За растревоженной осокой,
За краем вспаханной земли?..

И дождь, и серебро полыни,
И влажный теплый чернозем...
В какой еще глухой пустыне
Мы это в сердце пронесем?

Каков предел —
Любви и муки
На этой горестной земле?
Какие беды и разлуки
Таятся в предпоследней мгле?

Уйду без ропота и гнева,
Как дым — в рассветные поля.
Но будет вечно это небо
И эта черная земля.

1980

* * *

Памяти Виктории Д.

О, жизнь моя! Не уходи,
Как ветер в поле.
Еще достаточно в груди
Любви и боли.

Еще дубрава у бугра
Листвой колышет
И дальний голос топора
Почти не слышит.

И под ногой еще шуршат
Сухие прутья.
И липы тонкие дрожат
У перепутья.

Еще стучит по жилам кровь
В надежде вечной.
И вечной кажется любовь
И бесконечной.

Но с каждым годом уже круг
И строже время
Моих друзей, моих подруг,
Моих деревьев.

О, хрупкий мир моей души
И даль лесная!
Живи, блаженствуй и дыши,
Беды не зная...

Прозрачен лес, закат багров,
И месяц вышел.
И дальний голос топоров
Почти не слышен.

1980, 1987

МУЗЫКА

В. М. Раевскому

Дядя Вася учил меня музыке,
Он учил меня скрипку держать.
Словно легкие звонкие бусинки,
Ноты прыгали прямо в тетрадь.

И сидели на тонких линейках,
Словно вишенки в росных садах,
Словно девочки на скамеечках,
Словно ласточки на проводах...

Вечерами в огне электрическом
За рядами воронежских дач
Дядя Вася играл в симфоническом.
Дядя Вася был классный скрипач...

А в саду у вишневого дерева
Разливался веселый фокстрот...
Но нагрянул июнь сорок первого,
И ушел дядя Вася на фронт.

Он вернулся домой искалеченный —
Два осколочных, три пулевых.
Изувеченный весь, недолеченный.
Хорошо, что остался в живых.

Он играл еще в маленьком скверике,
Где эстрадный гремел пяточок,
Развеселый мотив из Америки
Про какой-то ночной кабачок.

А вокруг — лишь руины вокзальные
Да пустырь с обгорелой трубой...
И уроки мои музыкальные
Позабылиса сами собой.

Позабылась и песня союзников...
Но доньше во все времена
Все звучит во мне тихая музыка,
И не знаю, откуда она.

1980

РАЗДУМЬЕ

Во время шуковских погромов в
Воронеже семья Раевских прятала
в своем доме еврейских детей. Оде-
вали им на шею крестики: крещеных
бандиты не трогали.

Из рассказа моей матери
Е. М. Раевской

Отдам еврею крест нательный,
Спасу его от злых людей...
Я сам в печали беспредельной
Такой же бедный иудей.

Судьбою с детства не лелеем
За неизвестные грехи,
Я мог бы вправду быть евреем,
Я мог бы так писать стихи:

По дорогой моей равнине,
Рукой качая лебеду,
С мечтой о дальней Палестине
Тропой российской иду.

Иду один, как в поле ветер.
Моих друзей давно уж нет.
А жизнь прошла,
И не заметил.
Остался только тихий свет.

Холодный свет от белой рощи
И дальний синий полумрак...
А жить-то надо было проще,
Совсем не так, совсем не так...

Но эту горестную память
И эту старую повесть
Нельзя забыть, нельзя оставить,
Осталось только умереть.

**А в роще слышится осина.
А в небе светится звезда...
Прости, родная Палестина.
Я не приеду никогда.**

1980

* * *

Вхожу, как в храм,
В березовую рощу,
Где мшистый пенъ —
Подобье алтаря.
Что может быть
Торжественней и проще:
Стволы дерев
И тихая заря?

От горькой думы,
От обиды черной,
От неутешных
Подступивших слез
Иду забыться
В этот храм просторный
К иконостасу
Розовых берез.

1980

* * *

Понимаю понемногу:
В жизни вовсе нет чудес,
Вижу дальнюю дорогу,
Белый дым и черный лес.

Очень хочется уехать.
Не на время — навсегда
В белый край, где бродит эхо,
Провожает поезда.

Чтобы слышались ночами
Скрипы сосен за стеной.
Чтобы не было печали
И сумятицы больной.

Там заря во мгле туманна,
И в ночи горит звезда —
Просто, ясно, перевозданно,
Словно в детские года...

Понемногу понимаю:
В жизни вовсе нет чудес,
Есть дорога полевая,
Белый дым и черный лес.

1980

* * *

Здравствуй, лоза у оврага,
Домик и старая ель!
Радостно лает дворняга,
Милый, приветливый зверь.

Цепью железной грохочет,
Рвется ко мне на крыльцо.
Очень лизнуть меня хочет,
И непременно в лицо.

В пику недоброму веку
Даль молода и свежа.
Радостно льнет к человеку
Добрая песья душа.

В дебрях житейского мрака,
В час, когда сердцу невмочь,
Друг человеку — собака.
Только не может помочь.

1980

* * *

Перепелка над пшеничным полем
И вечерний предзакатный лес.
Словно звон далеких колоколен
Тихо разливается окрест.

Тихий звон неведомо откуда...
На плохую жизнь не сетуй, друг.
Все равно она большое чудо.
Лишь бы свет небесный не потух.

Лишь бы в нашей пасмурной России
Было все, как в лучшие года.
Чтобы жили, сеяли-косили.
Чтоб не голодали никогда.

Чтобы травы были зеленее,
Чтобы больше было тишины.
Чтобы власти были поумнее,
Чтобы вовсе не было войны...

Я своей судьбой вполне доволен.
Я люблю такие вечера.
Перепелка над пшеничным полем
Тихо призывает:
Спать пора.

1980

* * *

Последний вздох сентябрьской музыки.
Ракиты в черном серебре.
Сухие былки кукурузы
И грустный суслик на бугре.

Стою, печально разминая
Колосья пыльные в горсти.
Прости меня, земля родная,
За что — не знаю, но прости.

Под тихий шелест листопада
Над остывающим прудом
Мне не стихи писать бы надо,
А жить с тобой твоим трудом.

Но я узнал иные шири,
Не отказавшись от сумы,—
Лихие просеки Сибири,
Седые сопки Колымы.

Там черный бор гудел тревожно,
Мела пурга, беду суля,
Но жить и там, конечно, можно,
Там тоже русская земля.

Там далеко, в тайге косматой
Был у меня пушистый друг —
Зверек таежный полосатый,
Забавный рыжий бурундук...

И я люблю одной любовью
Тайгу и отчие поля.
Одной душой, одною кровью
Любовь оплачена моя.

И дорог мне лесок далекий,
И дух степного ветерка,
И этот суслик одинокий,
Российский брат бурундука.

1980

* * *

Марта, Марта! Весеннее имя.
Золотые сережки берез.
Сопки стали совсем голубыми.
Сушит землю последний мороз.

И гудит вдалеке лесосека.
Стонет пихта, и стонет сосна...
Середина двадцатого века.
Середина Сибири. Весна.

По сухим по березовым шпалам
Мы идем у стальной колеи.
Синим дымом, подснежником талым
Светят тихие очи твои.

Истекает тревожное время
Наших кратких свиданий в лесу.
Эти очи и эти мгновенья
Я в холодный барак унесу...

Улетели, ушли, отзвучали
Дни надежды и годы потерь.
Было много тоски и печали,
Было мало счастливых путей.

Только я не жалею об этом.
Все по правилам было тогда —
Как положено русским поэтам —
И любовь, и мечта, и беда.

1980

ПОКИНУТАЯ ДЕРЕВНЯ

Пусть твои дома давно забиты
И почти рассыпался плетень.
Все равно шумят твои ракиты —
Украшенье русских деревень.

Тишина. Лишь в поле крик вороний.
Да рокошет трактор за бугром.
На лугу — стреноженные кони.
И мерцает речка серебром.

Ничего. Ты все равно прекрасна.
Пусть шуршит под ветром лебеда.
Никакому тленью не подвластна
Этих далей тусклая слюда.

Потерпи, родимая, немного.
Слышишь этот трактор вдалеке?
Скоро будет новая дорога,
Новый мостик на твоей реке...

А ракитам лет уже по двести.
Есть о чем тужить и вспоминать...
Ничего, на этом грустном месте
Кто-нибудь поселится опять.

1980

* * *

Золотое, зеленое утро.
Пятиглавая церковь вдали.
А в душе одиноко и смутно.
И летят вдалеке журавли.

Журавли, вы как будто из песни,
Из протяжных, мучительных слов.
И дрожит, и звенит поднебесье
Над рядами сосновых стволов.

Эти сосны — как медные струны
От земли до холодных небес.
И звучат журавлиные трубы,
И качается утренний лес.

Все закончится — боль и дорога.
Я ухода давно не боюсь.
Но останется эта тревога.
Этих пажитей легкая грусть.

Этот бор за притихшею весью,
Этот запах сосновых стволов.
Эти птицы — как будто из песни,
Из протяжных, мучительных слов.

1980

1

* * *

В. Лазареву

Ветер свистит в сухом камыше
Близким посвистом зимних вьюг.
Больше того, что есть в душе,
Мы — увы! — не напишем, мой друг.

Больше того, что жизнью дано,
Мы не сможем вложить в стихи...
Ветер стучит и стучит в окно.
Уже на дворе не видно ни зги.

А я вспоминаю седые дни.
Вижу солнца кровавый круг.
Только послушай, только взгляни,—
Сколько пришлось пережить, мой друг!

Видно, такая у нас тропа.
Время нас и должно терзать.
Больше того, что скажет судьба,
Разве мы сумеем сказать?..

1980

МЕТЕЛЬ

О господи! Царь наш небесный!
Какая густая метель!
У этой речушки безвестной
Кому она стелет постель?

И нету следа человека,
И волка поблизости нет.
Как будто из прошлого века
Струится серебряный свет.

А что это там за дорогой?
Погост? Или, может, село?..
Какой необъятной тревогой
Угрюмую душу свело.

Совсем незнакомая местность.
И снежные призраки дней
Летят и летят в неизвестность
Из тающей жизни моей.

1980

* * *

Продли, Всевышний, дни моей Ирины.
Без глаз ее душа моя пуста.
Я без нее — как елка без вершины.
Я без нее — как церковь без креста!

1981

* * *

Обложили, как волка флажками,
И загнали в холодный овраг.
И зари желтоватое пламя
Отразилось на черных стволах.

Я, конечно, совсем не беспечен.
Жалко жизни и песни в былом.
Но удел мой прекрасен и вечен —
Все равно я пойду напролом.

Вон и егерь застыл в карауле.
Вот и горечь последних минут.
Что мне пули? Обычные пули.
Эти пули меня не убьют.

1981

НА ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

О. Чухонцеву

Чайка в зеленой воде
Монастырского рва.
Светлый песчаник
Старинной твердыни Изборска.
Даль и сирень.
И на камне — густая трава.
Милой российской земли
Суховатая горстка.

Как это было:
Ливонская дымная мгла...
Милая Родина,
Горе мое вековое!
Как устояла
И как ты отбиться смогла
В этом краю
За Великою — псковской рекою!

Славлю тебя,
Грозовая тревожная Русь.
Славлю твое
Всенародное гулкое вече.
С кроткой молитвой
За камни святые берусь,
Вижу, как ворон кружится
Далече-далече.

Ворон кружится,
Но ясная всходит заря.
Реют знамена,
И гордо — до смертного часа —

Светится копьями
Русская наша земля.
Светится лик золотой
Нерукотворного Спаса.

1982

БЕЛОГОРЬЕ

Белогорье. Горы белые.
В этих радостных местах
Бились красные и белые
Не за долю, не за страх.

За единую, великую,
За счастливую страну —
Шли к Якиру и к Деникину
На кровавую войну.

И враждебными колоннами
В пору горестных утрат
Шли под разными знаменами
Старший брат и младший брат.

И в любви к родному краю
В том убийственном бою
Каждый думал: умираю
Я за Родину свою...

Возле хутора придонного
И сейчас закат багров.
Пулеметчики Буденного
Там косили юнкеров...

И осталась память ясная
О далеком, но живом.
И рябина ярко-красная
На обрыве меловом.

1983

НА РОДИНЕ

Не узнал я родного села
У железной дороги за Доном.
Там, где чистая речка текла,
Почва скована грязным бетоном.

И дымятся в цементной пыли
Вместо прежней зеленой равнины —
Там, где лилии нежно цвели,—
Комья серой рассыпчатой глины.

Нет ни хат, ни веселых раки
Там, где пчелы под крышами жили.
И глухая старуха твердит:
— Осушили, сынок, осушили...

Ощущением горькой беды
Сердце тронули бабкины слезы...
А какие здесь были сады,
Заливные луга, сенокосы!..

Здесь шуршала стена камыша
И мосточек скрипел по соседству.
И рванулась обратно душа —
В золотое видение детства.

Сколько лет пролетело с тех пор
За войной, за бедою проклятой?..
Ах, гони поскорее, шофер!
В тридцать пятый гони,
В тридцать пятый...

1983

• • •

Л. Лавлинскому

Георгиевский крест —
Награда небольшая,
Но все же дорога —
Своя, а не чужая.

И дед ее берег,
Завертывал в тряпицу,
Как память злых дорог
В болгарскую столицу.

Я деда не видал.
Я родился в тридцатом.
Отец мне передал
Тот крестик в сорок пятом.

Сказал: храни, сынок,
Как и мои медали...
Прошел немалый срок —
Мне тоже орден дали.

Я получал в Кремле
Ту скромную награду.
Поземка по земле
Летела на ограду.

Был радостен и свеж
Кирпич на Спасской башне.
И трепетных надежд
Был полон дух щемящий.

И в золотой пыли
Зубцы и башни были.
Мы рядом с другом шли.
Нас вместе наградили.

Когда стихи пишу,
Решаю кривотолки,
Все пристальной гляжу
За стекла книжной полки.

Там серебро блестит,
Эмаль и позолота:
Георгиевский крест
И орден «Знак Почета».

1983

РАЗДУМЬЯ НА КУРШСКОЙ КОСЕ

ИЗ ИСТОРИИ

Беспокойный край балтийский —
И эстонский, и латвийский.
И красавица коса —
Солнце, дюны и леса.

Сколько здесь людей побито,
Сколько золота зарыто —
Помнит Куршская коса —
Солнце, берег и леса.

Курши, пруссы и ливонцы,
И рогатые тевтонцы.
Шведы, викинги, датчане,
Может, даже англичане.

Всех их видела Коса —
Море, солнце и леса.

Мы и сами здесь живали.
На ладейках приплывали.
Торговали, воевали.
Били смертным кулаком
На Неве и на Чудском.

Это вереск небо славит,
А не южный олеандр.
Это в Новгороде правит
«Руссиш кёниг» Александр...

На песках трава космата,
И рябины красный клочок.
Залетал сюда когда-то
Гордый польский соколок.

Все давно проплыло мимо,
Растворилось стружкой дыма...

Шелестит песок со склона,
И валун лежит — тяжел.
Даже полк Наполеона
Здесь нечаянно прошел.

А теперь стоим здесь мы,
Бесшабашные славяне.
До последней черной тьмы
Этот край теперь за нами.

Враг зарвался и нарвался,
Сам себе теперь не рад.
Как он прежде назывался,
Славный наш Калининград?

Позабылось это слово.
Не найдешь и в словаре.
Лишь песок шуршит сурово
Между сосен в ноябре...

ИЗ ГЕРАЛЬДИКИ

Нашли перо
От прусского орла
На золотом песке
Парнидской дюны.
И вспомнились старинные дела.
И давние
Затрепетали струны.

Литовский всадник
Горячил коня
Всего шестнадцать лет
Над этим краем.
Но он умчался,
Шпорами звеня.
И лишь песок летуч,
Но не сгораем.

А что забыто,
То вернется впредь.
Нечаянно, непрочное,
Ненадолго.
Вернется,
Чтобы снова умереть,
Как пламенем
Охваченная елка.

А что же вечно?
Вечен только мрак.
И это море,
Что о берег бьется.
И многих стран
Древнейший мудрый знак:
Горячее и радостное
Солнце.

ИЗ НУМИЗМАТИКИ

Здесь пролегли
Древние пути.
Шли корабли,
С волной и ветром споря.
Но все ж не смог я
Талера найти
На берегу
Играющего моря.

Зато вокруг
Блестели серебром —
И на густой хвое
Прибрежной тропки,
И на песчаном пляже
За бугром
Лишь полуталеры —
Пивные пробки.

ПРОКЛЯТЫЙ БАТАЛЬОН

Батальон Импулявичюса.
Ровно тысяча душ.
Души проданы дьяволу
За сомнительный куш.

За кокарды армейские
Довоенной Литвы.
И за форму карателей
Цвета грязной травы.

Автоматы — немецкие.
Жечь и вешать — карать.
Белоруссии помнится
Эта мерзкая рать.

Батальон Импулявичюса...
Он развеялся в прах
В белорусских селениях
И в колымских горах.

Батальон Импулявичюса.
Путь палаческий твой
И дела твои прокляты
И Москвой, и Литвой.

Где ты сам, Импулявичюс?
В ФРГ или США?
Или филином мечется
Твоя злая душа?

И болотные призраки
В гуще черных лесов —
Не твое ль это воинство,
Свора загнанных псов?

За спаленными хатами,
Там, где топь и бурьян,
Все бредут с автоматами,
Превращаясь в туман...

ВО ЧУЖОМ ПИРУ

Правительство ФРГ размещает на своей территории американские крылатые ракеты, нацеленные на СССР и его союзников по Варшавскому Договору.

А мне еще громко слышится
Грохот Грюнвальдского боя.
Хотя с тех пор пролетело
Без малого шесть веков.
А мне еще ясно видится,
Как знамена колышутся
Над копьями наших литовских
И наших смоленских полков.

Целых полгода пили —
Праздновали победу —
Во славу Польши, России
И Великой Литвы.
В старинном городе Бонне
Про этот пир не забыли —
До нынешних дней похмелье
Не вышло из головы.

ПИСЬМО ЛЕСНИЧИМ НЕРИНГИ

Ваша литовская ива
Не переносит солености.
Сохнет, не приживается
На прибрежном балтийском песке.
Не огорчайтесь,
Это — не самые страшные горести,
Когда жизнь
Всего человечества
Качается на волоске.

И я сегодня все пристальной
Всматриваюсь в историю.
Думаю о Грюнвальде...
Слышу боль последней войны...
И вспоминаю ивы —
Кусты и деревья, которые
Растут на бескрайних просторах
Великой нашей страны.

Их перечесать невозможно —
Растения рода *Salix* —
Гораздо более сотни
Разного вида ив...
Из заросли сосен выпрыгнул
Чуть рыжеватый заяц.
Белый туман опустился
На тихий Куршский залив...

На Куршской косе вспоминается
О многих веках и потерях.
А ветер ломает сосны.
А в берег стучит волна.
Посадками ивы извечно
Мы укрепляем берег.
Но вот ведь — не приживается! —
От крови вода солона.

Мы снова умрем за Родину,
Как пращурь умирали.
Лишь бы зло не селилось
В наших братских сердцах...
Мне ясно припоминается,
Что где-то на Южном Урале
Есть мелкая ива, растущая
Даже на солонцах.

Я туда съезжу осенью,
Хоть этот путь неблизкий.
И мы одолеем вместе
И злую волну и пески.
Я вам привезу весной
От горькой ивы российской
Чуть розоватые, теплые,
Словно слеза, черенки.

Калининград — Неринга — Москва
1983

У БОЛЬНИЧНОГО ОКНА

Ирине

Видна труба заброшенной котельной,
И вьется лист — в подобие стрижу.
И из окна палаты неотдельной
Я каждый вечер все на них гляжу.

Ах, солнце, солнце! Свет моей надежды.
Ах, Ира, Ира! Свет моей души.
Я каждый вечер опускаю вежды
И говорю: живи, мой друг, дыши.

Мои часы — из солнца и трубы.
Мой календарь — из ветра и березы.
Моя любовь, конечно, из судьбы.
Но там — все слезы,
слезы, слезы, слезы...

1984

ВЕНЧАНИЕ ПОЭТА-ДЕКАБРИСТА. 1829

Владимиру Федосеевичу
Раевскому

Венчанье, венчанье...
А может быть, это прощанье?
И добрый священник
Напрасно сулит обещанья,
Что жизнь хороша
И прекрасна и даже
Совсем не тревожна.
Да разве такое возможно?

И вдруг в барабане
Под куполом вспыхнуло
Яркое солнце.
А день-то январский
Угрюмый и черный
Над Русью просторной.
Откуда же солнце? Откуда?
Ведь это и вправду
Похоже на чудо.

И руки, и свечи,
И наши венчальные кольца.
И снова под куполом —
Яркое вспыхнуло солнце.
А день-то январский
Угрюмый и черный
Над Русью просторной.
Откуда же солнце,
Откуда?
Наверное, чудо.

1984

• • •

Лебеда под Сухуми,
В краю винограда и пальм,
Сиротой одинокой
Тоскует в тени кипариса.
И на тонкие листики
Солнечный зайчик упал.
И горючие строки
Невольню в душе родилися...

Ах, какие жестокие,
Лютые были года!
И была лебеда
Не травкою, а пищею.
Ах, какая большая,
Густая росла лебеда
Между черных камней
На родном пепелище!

Лебеда под Сухуми —
Примета российских полей...
Если в здешнем краю
Ненароком уснуть мне придется,
То и здесь для меня,
Для безвестной могилы моей
Этот кустик родимый
Найдется.

1984

* * *

В доме Орёлкиных
На абхазской земле
Мы пьем с Фазилем
Вино виноградное.
И южное солнце
Сверкает в вине.
И кажется: нету
Минут отраднее.

А Маргарита
Нам подливает вино.
Она прекрасна —
Как Маргарита.
И все печали
Уходят на дно —
В Черное море.
И боль — забыта.

И словно я не был
Судьбою ранен.
И словно нету
Тревожных вех...
Я — православный,
Фазиль — мусульманин.
Но Бог, как известно,
Один для всех.

Мы служим Богу
Совести и добра.
Но мы, однако,
Всего лишь люди.
Мы горько знаем,
Что было вчера.
Но мы не знаем,
Что завтра будет...

Жил бы всю жизнь
В этой дивной стране,
Где речь просторна,
Душа — открыта,
Где каждый
Толк понимает в вине,
Где у каждого Мастера —
Мargarита.

1984

ПОДРАЖАНИЕ СТАРИННОМУ ЖАНРУ

(В альбом N)

Излученье Ваших глаз
И опасно, и приятно.
Я опять смотрю на Вас.
Вам, конечно, все понятно.

Мне и время нипочем.
Нет ни горя, ни потравы.
Словно лазерным лучом
Подожгли сухие травы.

И пожар, пожар, пожар —
Зыбкий, быстро проходящий.
Ветерок разносит жар,
Легкомысленно летящий.

Я опять смотрю на Вас.
И душа на все согласна.
Излученье Ваших глаз
И прекрасно, и опасно.

Я опять на Вас смотрю.
Вы беды не замечайте.
Ничего, что я сгорю,—
Облучайте, облучайте.

Все равно огонь костра
Не спасет от вечной доли.
Лишь зола, зола, зола
Прошуршит на снежном поле...

1985

ЭНЦИКЛОПЕДИИ

С. С. Аверинцеву

Устаревают энциклопедии.
Быстро меняются фарсы, комедии.

Мир неустойчив, неясен и тесен.
Даже «Брокгауз», простите, не честен.

Там говорится для темного жителя
Глухо про смерть Иоанна Крестителя.

Сказано скупом: была, мол, интрига.
Это, как вы понимаете, фига.

Про Соломею ни слова единого
В этом рассказе из тома старинного.

Может, вы даже мне и не поверите.
Что ж, загляните в словарь и проверьте.

«Устаревают» любые трагедии.
Заново пишутся энциклопедии.

1984

ПРЕКРАСНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Прекрасная специальность —
Опытный вальщик леса.
Если хороший напарник,
Если пила остра.
Если мороз не очень
И звонко поет железо.
Если найдется минута
Покурить у костра.

Тяжелая специальность,
Если пила — ручная.
Если норма большая
И плохие харчи.
Но обратись к восходу,
Новый день начиная.
И на судьбу земную
Не сетуй и не ропщи.

Опасная специальность,
Если на снежном склоне
Крутит колючий ветер,
Не дает повалить сосну.
Если в худых рукавицах
До крови стерты ладони
И нет никакой надежды,
Что увидишь весну...

Был вальщиком, стал поэтом,
Не потерял интереса
К тревожному шуму сосен,
К дальним путям журавлей...
Прекрасная специальность —
Опытный вальщик леса,
Надеюсь, не пригодится
Больше в жизни моей.

1984

ПОБЕДА

Даже тот, кто пришел
На войну перед самым рейхстагом
И мальчишкой безусым,
По счастью, в бою не почил,
Не успел проявить
Свою волю, отвагу и храбрость,—
Но одну — «За победу» —
Законно медаль получил.

А потом —
Юбилейных и памятных —
Много прибавилось к этой медали.
Юбилейных и памятных —
Желтых кружков дорогих.

Сорок лет пронеслось
После нашей Великой Победы,
И медали чеканятся вновь
На Московском Монетном дворе.

Сорок лет пронеслось...
Из одной — стало восемь наград.
А у тех, кто навеки уснул
На великой Российской равнине —
Ни одной медали
И льгот — никаких...
Для них утешенье —
Победа.

1984

ВАЖНЕЕ МЕДАЛИ...

1

Я мальчишкой вытаскивал мины
Из тяжелой весенней земли.
А вдали розовели руины.
И подснежники рядом цвели.

Три взрывателя в каждой «кастрюле».
Три чеки, три стальных проводка.
И стальные — как шарики — пули.
Чуть приплюснуты, сжаты бока.

Надо в землю спокойно взглядеться,
Каждый стебель проверить не раз.
Вот и мина. Куда же ей деться
От моих настороженных глаз.

Как легко я тогда рисковал!
Нынче вспомнишь — и сердце сожмется.
Я стальные коробки вскрывал,
И сияло на шариках солнце.

Был я в метре от вечного сна.
И цветы наклонялись прощально.
Но была моя жизнь изначально
Для чего-то другого нужна.

2

Если я не участник войны,
Это, граждане, вовсе не значит,
Что страдания мне не больны,
От которых и взрослый заплачет.

Я участник большого огня.
Когда стены родные пылали.
«Мессершмитты» стреляли в меня,
Злые «юнкерсы» бомбы бросали.

Я родился в тридцатом году.
И годами для фронта не вышел.
Но хлебнул фронтовую беду
Среди белых воронежских вишен.

Я частенько в больницах лежу —
Крепко голову пуля задела.
Я о мерзлых распадках пишу.
Впрочем, это особое дело...

Не смущайте вопросом меня,
Почему мне медали не дали.
Я участник большого огня.
Это, может, важнее медали.

СЕРЖАНТ РЫБАКОВ

Осмотрено, мин не обнаружено.
Сержант Рыбаков...
Разминировано.
Сержант Рыбаков.

*Надписи на руинах Воронежа,
1943 г.*

Был он юный, но очень серьезный.
Понимал как сапер — изнутри,
Над какую погибелью грозной
Колдовал от зари до зари.

Это мы понимали и сами,
Рядовые мальчишьях полков.
На три года всего с месяцами
Был он старше, сержант Рыбаков.

Но не страшно мне было нисколько.
Он меня, словно старший мой брат,
Называл по-ребячески:
— Толька! —
Я — по званию:
— Товарищ сержант!

Но тревожно мне было признаться,
Слышать голос его ледяной:
— Отойди-ка, брат, метров на двадцать
Или спрячься за той вон стеной.

Не случайна была с укоризной
Строгость синих прищуренных глаз.
Ведь сапер ошибается в жизни,
Как известно, один только раз...

И ушли они с фронтом на Запад.
Но остался со мной навсегда
Этот горький тротильный запах,
Этих лет горевая беда.

Было много и крови, и жажды.
И фугасных,
И прочих силков...
Если вы не ошиблись однажды,
Отзовитесь, сержант Рыбаков!

1985

ОСВОБОДИТЕЛЯМ БЕЛГРАДА

В этом парке белградском
Я видел впервые,
Как из разных столиц,
Из далеких сторон
Поклониться погибшим
Спешили живые,
Словно в горестный день
Похорон.

На рябинах алели
Кровавые пятна.
И притих в ожиданье
Скорбящий народ.
Вдруг сказали по-сербски,
Но очень понятно:
— Русских, русских
Скорее вперед!

И мы вышли вперед —
Я и Лазарь Карелин.
Лазарь здесь воевал,
Я встречался с войной
Вдалеке.
Югославские розы,
Как пламя, горели
На колючем от хвои
Венке.

А над нами — солдат
В нашей русской пилотке.
Весь из белого мрамора,
Словно в память
По русским снегам.
Мы к нему подошли
По-военному четко
И венки прислонили
К его сапогам.

И стояли минуту,
А может, и больше,
Подавая другим
Этот скорбный пример.
А потом подошли
Делегаты из Польши,
Представители Франции
И ГДР...

А потом в вышине
Над землей необъятной
Голосами турбин
Горевал самолет.
И звучало по-сербски,
Но очень понятно:
— Русских, русских
Скорее вперед!

1985

ЧЕРНЫЙ ЧАС

Памяти Есенина, Маяковского,
Цветаевой...

Я порой хочу себя убить.
И никак мне это не забыть.

И удавку делал, и петлю.
А ведь жизнь — немыслимо люблю!

Как это случается у нас,
Что такой приходит черный час;

Что такая настигает сеть:
Где-то в ванной горестно висеть?

Жаль, что мой бельгийский пистолет
Потерялся где-то в мраке лет.

Помню, помню холодок ствола.
Юность ошалелая была...

С пистолетом легче и верней
Оборвать судьбу постылых дней.

А с веревкой — невеселый стих —
Передумать можно в крайний миг.

Только поздно будет — вот беда.
И слеза застынет, как слюда...

Жаль, что мой бельгийский пистолет
Потерялся где-то в мраке лет...

1985

СЧАСТЛИВАЯ ПРИМЕТА

Ирине

Есть в тайге счастливая примета:
Если утром по дороге — вдруг
Поперек намеченного следа
Перейдет — проскачет бурундук —

Значит, будет славная охота,
Если ты охотник иль рыбак...
И сверкает в соснах позолота.
И вкуснее курится табак...

Если ты старатель-одиночка,
То тебе сулит бурундучок,
Что блеснет в песке на дне лоточка
Самородок с детский кулачок...

Я прошел серебряные дали
У суровой северной реки.
Сотни раз мой путь перебежали
Милые зверьки — бурундуки...

И случилось верно по примете:
Я судьбу нелегкую избыл.
Я вернулся,
И тебя я встретил,
И тебя навеки полюбил!..

...А недавно шел Москвою ранней.
Хорошо вдоль скверика идти.
Голубой туман воспоминаний
Быстро таял на моем пути.

День клубился в световой пыли.
Шел я в иронической печали:
Ни единой премии не дали,
Малою наградой обошли...

И вот здесь-то совершилось чудо:
Рыжий, словно пламени клочок,
Взявшийся неведомо откуда,
Путь перебежал — бурундучок.

1985

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Я мальчишкой не бегал на фронт —
Фронт стоял у родного порога.
Блиндажами изрыт огород.
Автоматчик стоит у ворот.
И пылится — за танком — дорога.

По сигналам далеких ракет
Ночью вдруг запылает «катюша».
А наутро ударит в ответ
Шестиствольный немецкий «ванюша».

И в тайге, и в пустыне я был.
Много видывал разного люду.
Много в жизни всегда позабыл.
Минометный обстрел — не забуду.

Я тяжелые рельсы таскал
В голубой от мороза Сибири.
Я опасные руды искал,
Задыхаясь в квершлагае от пыли...

А потом: Колыма-Колыма,
Про которую в песне поется,
Там большая-большая зима
И короткое летнее солнце...

Я поэтом нечаянно стал —
Просто жизнь так сложилась счастливо.
Я еще от нее не устал
И всегда повторяю: спасибо.

Я под рельсы плечо подставлял...
А потом в «стихотворной артели»
Я Советский Союз представлял
В Бухаресте, в Париже, в Марселе...

Там, в Марселе, стреляли в меня.
Но, по счастью, опять не убили...
...Тает дымка июльского дня,
Облака дождевые проплыли.

В Переделкине церковь звонит.
Родничок из обрыва струится...
Я не очень еще знаменит,
Но Литфонд для меня не скупится.

А стрижи над лужайкой снуют.
Дремлют ели над нивой колхозной.
Дали дачу — последний приют
В этой жизни — прекрасной и грозной.

1984

ДОМ БЛОКА

Жизнь поэта после смерти —
Вечный спор добра и зла...
Книги, дали и повети,
Память, злая, как стрела,—
И опять — осока, ветер —
Чем душа его жила.

Что ж, музей, конечно, нужен.
Но уж если нет его,
Пусть пока метель покружит,
Пусть пока ласкает стужа
Этот взгорок для него.

Жаль, конечно, что спалили,
Дымом к небу вознесли.
Огонек всегда любили
На великой на Руси...

И пока все длился спор:
Был ли дом, а может, не был,
Стали полем — пол и двор,
Потолок — высоким небом.

1985

* * *

Милая девушка, что ты колдуешь...

А. Блок

Завладела моей неуютной душой
На глазах у недобрых людей.
Срок для жизни дается нам —
Ах! — небольшой,
И поэтому — смело владей!

Может, кто-нибудь скажет
О разнице лет.
Пусть себе говорят что хотят.
У поэтов и ангелов возраста нет.
Только звезды навстречу летят.

1985

НАПУТСТВИЕ

Будешь вольною птицей.
Будешь яркой звездой.
Будешь гордо кружиться
Над землей, над водой —

Если будет в тетради
Только правда одна,
Если легкости ради
Не пригубишь вина.

Не того, что хмельное
На победных столах,
А того, что больное
Жаждой славы и благ.

Эти сладкие «яства»
Нам, поэтам, — беда.
Ведь при них от лукавства
Не уйти никуда.

Лишь бы правды погуще,
Как Твардовский сказал,
А не райские кущи
И стотысячный зал.

И медалей не надо —
Суета и хвальба.
Нам, поэтам, награда —
Это наша судьба.

И была бы тревога
За Отчизну, страну.
Остальное — от Бога,
Как рекли в старину.

1985

ЛЮБОВЬ

Ах, Ирина, Ирина! Совсем не беда,
Что судьба берегла нас не очень.
Что осенних берез
Золотая слюда
Затаилась
В предчувствии ночи.

Что останется в мире
От нашей любви,
Если мир не погибнет от взрыва?
Будут плакать о нас
По ночам соловьи
И черемуха виснуть с обрыва.

Будет радостный мир
Родников, лопухов.
Будет трепет ветлы и романса.
Я тебе посвятил
Три десятка стихов.
Пусть забудутся все,
Если жребий таков.
Лишь бы сын наш любимый
Остался.

1985

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Дворянский род Раевских, герба Лебедь, выехал из Польши на Московскую службу в 1526 г. в лице Ивана Степановича Раевского. Раевские служили воеводами, стольниками, генералами, офицерами...

По энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, т. 51, с. 103—105

Ян Стефанович Раевский,
Дальний-дальний пращур мой!
Почему кружится лебедь
Над моею головой?

Ваша дерзость, ваша ревность,
Ваша ненависть к врагам.
Древний род!
Какая древность —
Близится к пяти векам!

Стольники и воеводы...
Генерал...
И декабрист.
У него в лихие годы —
Путь и страшен, и тернист.

Генерал — герой Монмартра
И герой Бородина.
Декабристу вышла карта
Холодна и ледяна.

Только стуже не завясть
Гордый путь его прямой.
Кружит, кружит белый лебедь
Над иркутскою тайгой.

Даль холодная сияет.
Облака — как серебро.
Кружит лебедь и роняет
Золотистое перо.

Трубы грозные трубили
На закат и на восход.
Всех Раевских перебили,
И пресекался древний род —

На равнине югославской,
Под Ельцом и под Москвой —
На германской,
На гражданской,
На последней мировой.

Но сложилось веками:
Коль уж нет в роду мужчин,
Принимает герб и знамя
Ваших дочек
Старший сын.

Но не хочет всех лелеять
Век двадцатый, век другой.
И опять кружится лебедь
Над иркутскою тайгой.

И легко мне с болью резкой
Было жить в судьбе земной.
Я по матери — Раевский.
Этот лебедь — надо мной.

Даль холодная сияет
Облака — как серебро.
Кружит лебедь и роняет
Золотистое перо.

САД

Здравствуй, родина,
Поле мое с васильками!
Здравствуй, сад
И заросший забор.
Этот сад посадил я
Своими руками.
Тридцать лет
Пролетело с тех пор.

Этот домик садовый
С отцом я построил.
Эти ели высокие
Я посадил.
Жаль, что годы шагают
Безжалостным строем
И уже не далек
Знак последних светил.

А на елях моих
Поселились веселые белки.
По садам из соседнего
Долгого леса пришли.
И резвятся, и скачут,
Как будто секундные стрелки.
И сбегают бесстрашно
До самой земли.

И рассветы над лесом
По-прежнему не удержи́мы.
И роса по утрам
На деревьях чиста, как слеза.
Сад еще плодоносит.
Родители стары, но живы.
Слава Богу!
Чего еще можно сказать?

1987

* * *

Ах, Виктория-Вика!
Как же так в самом деле?..
Надломилась гвоздика.
А мы — проглядели.

Проглядели, хоть знали,
Что с тобою творится.
Ты прости нас в печали,
Свободная птица.

Отцвела ежевика
За садовой калиткой.
Не спасти тебя, Вика,
Ни свечой, ни молитвой.

Рок такой неминуемый —
Тяжелый и страшный!
Словно черная туча
Над черною пашней.

Не помочь ни обедней,
Ни болью, ни кровью.
Может, только последней
Запредельной любовью?...

1987

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Имею рану и справку.

Б. Слуцкий

Я полностью реабилитирован.
Имею раны и справки.
Две пули в меня попали
На дальней, глухой Колыме.
Одна размозжила локоть,
Другая попала в голову
И прочертила по черепу
Огненную черту.

Та пуля была спасительной —
Я потерял сознание.
Солдаты решили: мертвый,
И за ноги поволокли.
Три друга мои погибли.
Их положили у вахты,
Чтоб зеки шли и смотрели —
Нельзя бежать с Колымы.

А я, я очнулся в зоне.
А в зоне добить невозможно.
Меня всего лишь избили
Носками кирзовых сапог.
Сломали ребра и зубы.
Били и в пах, и в печень.
Но я все равно был счастлив —
Я остался живым.

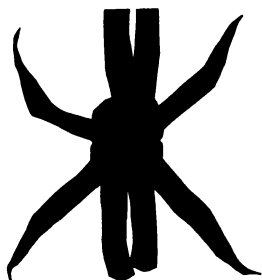
Три друга мои погибли.
Больной украинский священник,
Хоть гнали его от вахты,
Читал над ними псалтирь.
И говорил: «Их души
Скоро предстанут пред Богом.
И будут они на небе,
Как мученики — в раю».

А я находился в БУРе.
Рука моя нарывала,
И голову мне покрыла
Засохшая коркой кровь.
Московский врач-«отравитель»
Моисей Борисович Гольдберг
Спас меня от гангрены,
Когда шансы равнялись нулю.

Он вынул из локтя пулю —
Большую, утяжеленную,
Длинную — пулеметную —
Четырнадцать грамм свинца.
Инструментом ему служили
Обычные пассатижи,
Чья-то острая финка,
Наркозом — обычный спирт.

Я часто друзей вспоминаю:
Ивана, Игоря, Федю.
В глухой подмосковной церкви
Я ставлю за них свечу.
Но говорить об этом
Невыносимо больно.
В ответ на расспросы близких
Я долгие годы молчу.

1987

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе и его стихах	4
----------------------------------	---

СГОРЕВШАЯ ТЕТРАДЬ

Не надо бояться памяти	7
Москва	9
Начало поэмы	11
Отец	13
Стихи	14
Сны	15
Забывтый случай	16
Эпоха	18
«В округе бродит холод синий...»	19
Колымская песня	21

ПОЛЯРНЫЕ ЦВЕТЫ

Рельсы	25
Обвал	27
Сосны на скалах	29
«Тайга за рекой пылала...»	30
Предок	32
На Острожном бугре	34
Якорь	36
Страна Лимония	37
У костра	39
Треска	41
Костыли	43
Песня	45
О дружбе	47
Шутка	49
Не сетуй, друг...	50
Пожары	51
«В обрушенном старом окопе...»	52
Лисенок	53
Лисица	54
Хлеб	55
Ночная смена	57
Земля	58
Полярные цветы	59
Флажки	61
Истоки	63
«Потеряла в траве заколку...»	64

«Две родинки, две отметинки...»	65
В полете	66
Светка	67
Родина	68
Поэзия	70
Град	72
«Летели гуси за Усть-Омчуг...»	74
Бурундук	75
Рассвет в Бутугычаге	77
Художник	79
Кострожоги	81
Золото	84
Работа	86
Береза	88
Поезд	90
Трудная тема	92
Вина	93
Колымский стланик	97
Кладбище в Заполярье	99
«Мне помнится...»	101
Лесные дороги	103
Дорога в Плес	105
«Давно с берез слетели листья...»	106
Я был назначен бригадиром...	107
Поэт	109
Марта	110
Сын	112
«Полынный берег, мостик шаткий...»	113
«Я сыну купил заводную машину...»	114
Борисоглебск	115
Кордон Песчаный	116
«Громыхала бадья у колодца...»	117
«Ветер стучал ладонями...»	118
«Светло и холодно над Волгой...»	119
Теберда	120
Ялта	121
Хозяйка	122
«Где теперь ты, рыжая? Скажи...»	124
«На почерневших ветках дуба...»	125
«Горят сырые листья...»	126
«Я спал, обняв сырую землю...»	127
«О, жизнь! Я все тебе прощаю...»	128
Металлолом	129
Правда	131
«Приход зимы в краю суровом...»	132
«Подъемный кран раскачивает ветер...»	133
«Вспоминаются черные дни...»	134
«Вот и жизнь пошла на убыль...»	135
Утиные Дворики	136
Довоенное	137
«Гулко эхо от ранних шагов...»	138
Полынь	139
«Земля необычная здесь...»	141
«Воронеж!.. Родина. Любовь...»	142
Дирижабль	143

Коршево	145
«О, мои счастливые предки...»	146
«Все труднее, все труднее пишется...»	148
Памяти друга	149
«Неуютный, невеселый...»	151
«Голый лес, и на ветках черных...»	152
Беляево-Богородское	153
Прощание	155
«Вот уж белыми метелями...»	156

ПРОЗРАЧНЫЕ ДНИ

Сани	159
«По белокрылым перелескам...»	160
«Душой распахнутой приемлю...»	161
«Заколоченные дачи...»	162
«Все туманнее та страна...»	163
«Ах, речка, речка Тебердинка!..»	164
Восход луны	165
Дикие гуси	166
«Все в этом мире ново, все здесь вечно...»	167
«Даль расширилась, раздвинулась...»	168
«О, Родина! В неярком блеске...»	169
«Вот и снова мне осень нужна...»	170
«Иду в полях. Куда — не знаю...»	171
Поле боя	172
«Обманулась ветка ивы...»	174
Гадание	175
«И пусть была лишь одурь пьяная...»	176
«Себя ни капли не жалея...»	177
«Поднимается белый холодный рассвет...»	178
«Желтый дом. А стены белые...»	179
«Отсюда выпишусь не скоро...»	180
«За рядом желтокорых яблонь...»	181
«В середине перелеска...»	182
Ирине	183
«Дохнул на лес прохладный ветер...»	184
«Как сердце устало!..»	185
«Наконец пришло спокойствие...»	186
«Осень, опять начинается осень...»	187
«Кто занес тебя, береза...»	188
«Приехала мать из Воронежа...»	190
Углянец	191
«Сухая внуковская осень...»	192
«Поле, поле. Свет — спокойный...»	193
«Спит рядами теплый ельник...»	194
Винтовка СВТ	195
«Ржавые елки...»	196
«Кукует поздняя кукушка...»	197
Коломенское	198
«По лесному перелогу...»	199
«Зеленые дали померкли...»	200
«Заигрался камышинкой...»	201
«Невыразимой сладкой тишью...»	202

«Черные листья осины...»	203
«Капустная синяя свежесть...»	204
«Туман слонится тонко...»	205
«Желтоватые покосы...»	206
«Лает собака с балкона...»	207
«Здесь, на окраине, над лугом...»	208
«Называлась улица...»	209
«Над улицей галки кричали...»	210
«Послевоенная Россия...»	211
«Загорелась листва на березах...»	212
«Трещит горящая берёста...»	213
«Редко-редко покажется солнце...»	214
«После дней сырых и грязных...»	215
«Там, за окраинным домом...»	216
«За вербным перелеском...»	217
«Тихое поле над логом...»	218
«Опять в полях светло и пусто...»	219
«Голубеет осеннее поле...»	220
«Белеет зябь морозными ожогами...»	221
«Согрело мартовское солнце...»	222
«Опять я подумал о родине...»	223
«Значок ГТО на цепочках...»	224
«Здравствуй, степная деревня!...»	225
«Знакомый край с холодной далью...»	227
«Как жалобно ястреб кричит...»	228
Мельницы	229
«Воронеж, детство, половодье...»	230
«Больше многих других потрясений...»	231
«У степного переезда...»	232
«Снова дрогнуло сердце от боли...»	233
«Качается мерзлый орешник...»	234
«Холодный день на Иссык-Куле...»	235
«Спугнул я зайца на меже...»	236
«Еще не все пришли с войны...»	237
«Деревья с черными грачами...»	238

КАЛИНА КРАСНАЯ — КАЛИНА ЧЕРНАЯ

«На лыжах при большой луне...»	241
Дорога	242
«Земля, поросшая травой...»	244
«Я приеду к тебе, отец...»	245
«Коммуна»	247
«Послевоенный майский праздник...»	249
«Земля, земля...»	250
«Ты о чем звенишь, овес...»	251
«Розовых сосен стена...»	252
«И припомнилась негромко...»	253
Рига	254
«Над морем радуга...»	256
«Бросаю в воду хлеб...»	257
«Скоро, скоро холода...»	259
«Пожелтели, облетели кроны...»	260
«Соловецкая чайка...»	261

Архангельское	263
«Метель и листья...»	264
Суздаль	265
Оборона Владимира	266
Каменка	267
Тбилиси	269
«Белый мост у Беговой...»	271
«Мелкий кустарник...»	272
«День ни солнечный...»	274
«Цветок земляники в конце сентября...»	275
«Игрушечной нашей любви...»	276
«Закончилось наше прекрасное лето...»	277
«Вот и клен — золотая душа...»	278
«Ах, как весело листья летят...»	279
«Родина! Белый туман...»	280
Служба в авиации	281
«Чуть слышно тоскует кукушка...»	282
Маковое поле в Киргизии	283
«Пишу о душе. А душа...»	285
«Поэзия не спорт...»	286
«Цветы сажают в торф...»	287
«Даль и душа прояснились...»	288
«Весенняя песня синицы...»	289
«Спасибо за цветы и за глаза...»	290
«Огненно-рыжий дубок...»	291
В больничном саду	292
Из больничной тетради	293
Калина	296
Отвлекающий десант	298
«Иссохшая долина...»	300
«Колочей проволокой сердце...»	301
«Дорогие родители!...»	303
«Крещение. Солнце играет...»	305
Стихи Ирине	306
«Немощная улица...»	307
«Упал снаряд, и совершилось чудо...»	309
Медали	310
Флаги	312
Из Российской истории	313
«Засыпают землю овраг...»	314
Романс	315
«Высокая рябина в Слоке...»	316
«Жизнь! Нечаянная радость...»	317
«По холодному яру...»	318
Летающие дни	319
«Черный ворон, белый снег...»	321
За други своя (Фрагменты поэмы)	322
Поручик Родионов	331

В НАДЕЖДЕ ВЕЧНОЙ

«В гулких осенних...»	335
«Помню ровное поле...»	336
«Мой бедный мозг, мой хрупкий разум...»	338

«Что будет — то будет...»	339
«Опять в глазах колымский камень...»	340
«Белый аист на кресте...»	341
«Она одна меня поймет...»	342
«Овес да пашня — все родное...»	343
«О, жизнь моя! Не уходи...»	344
Музыка	345
Раздумье	347
«Вхожу, как в храм...»	349
«Понимаю понемногу...»	350
«Здравствуй, лоза у оврага...»	351
«Перепелка над пшеничным полем...»	352
«Последний вздох сентябрьской музы...»	353
«Марта, Марта! Весеннее имя...»	355
Покинутая деревня	356
«Золотое, зеленое утро...»	357
«Ветер свистит в сухом камыше...»	358
Метель	359
«Продли, Всевышний, дни моей Ирины...»	360
«Обложили, как волка флажками...»	361
На Псковской земле	362
Белогорье	364
На родине	365
«Георгиевский крест...»	366
Раздумья на Куршской косе	
Из истории	368
Из геральдики	370
Из нумизматики	371
Проклятый батальон	372
Во чужом пиру	373
Письмо лесничим Неринги	374
У больничного окна	376
Венчанье поэта-декабриста. 1829	377
«Лебеда под Сухуми...»	378
«В доме Орёлкиных...»	379
Подражание старинному жанру (В альбом N)	381
Энциклопедии	382
«Когда снится раннее детство...»	383
Прекрасная специальность	384
Песчаный лог	385
Победа	386
Важнее медали...	387
Сержант Рыбаков	389
Освободителям Белграда	391
Черный час	393
Счастливая примета	394
Краткая биография	396
Дом Блока	398
«Завладела моей неудобной душой...»	399
Напутствие	400
Любовь	401
Белый лебедь	402
Сад	404
«Ах, Виктория-Вика!..»	405
Памяти друзей	406

Анатолий Владимирович Жигулин

ЛЕТЯЩИЕ ДНИ

Редактор

Е. Л. Хремов

Художественный редактор

Н. С. Лаврентьева

Технический редактор

Е. Л. Воронько

Корректор

Т. Н. Гуляева

ИБ № 7226

Сдано в набор 24.03.89. Подписано к печати 23.06.89.
А 05497. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Журналь-
ная рубленая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л.
21,84. Уч.-изд. л. 12,84. Тираж 50 000 экз. Заказ № 198.
Цена 1 р. 50 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский пи-
сатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете СССР по делам издательства, полигра-
фии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект
Ленина, 109

Жигулин А. В.

Ж 68 Летающие дни: Стихи.— М.: Советский писатель, 1989.— 416 с.

ISBN 5—265—00696—6

Эта книга составлена из стихов, которые неоднократно выходили в сборниках, проверены временем, пользуются любовью у читателя.

А. Жигулин — замечательный мастер слова, поэт, наделенный безупречным вкусом. Каждая строка, вышедшая из-под его пера, излучает глубокий свет истинного чувства.

4702010202—274

Ж _____ **195—89**

083[02]—89

ББК 84 Р7

